
И 323/115

ТЮРЬМА И ССЫЛКА

изъ записокъ

ИСКАНДЕРА.

—

Второе Изданіе.



ЛОНДОНЪ

TRÜBNER & Co., 60, PATERNOSTER ROW.

1858

КЪ ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ

Когда Н. Трюбнеръ просилъ у меня дозволеніе сдѣлать второе изданіе моихъ сочиненій изданныхъ въ Лондонѣ, я потому исключилъ "Тюрьму и Ссылку" что думалъ въ скоромъ времени начать полное изданіе моихъ воспоминаній подъ заглавіемъ "Былое и Думы".

Но не смотря на то что скоро сказывается сказска да не скоро дѣлается дѣло я увидѣлъ что мой разсказъ еще не такъ близокъ къ полному изданію какъ я думалъ. Между тѣмъ требованія на "Тюрьму и Ссылку" повторяются чаще и чаще. Книжка эта имѣетъ свою относительную цѣлость, свое единство и я согласился на предложеніе Г. Трюбнера.

Перечитывая ее я добавилъ двѣ три подроб-

пости (мою встрѣчу съ Цихановичемъ и исторію владимірскаго старосты . . . .) но текстъ оставленъ безъ значительныхъ поправокъ. Я не раздѣляю, шутя высказаннаго мнѣнія Гейне, который говорить что онъ очень доволенъ тѣмъ что долго непечаталъ своихъ записокъ потому что событія доставляли ему случай провѣрять и исправлять сказанное.

И—ръ.

21 Апрѣля 1858.
Путней близъ Лондона.

ВВЕДЕНІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ

Въ концѣ 1852 г. я жилъ въ одномъ изъ Лондонскихъ захолустій близъ Примрозъ Гиля, отдѣленный отъ всего міра далью, туманомъ и своей волей.

Въ Лондонѣ не было ни одпаго близкаго мнѣ человѣка. Были люди которыхъ я уважалъ, которые уважали меня, но близкаго никого. Всѣ подходившіе, отходившіе, встрѣчавшіеся занимались одними общими интересами, дѣлами всего человѣчества, по крайней мѣрѣ дѣлами цѣлаго народа, знакомства ихъ были, такъ сказать, безличныя. Мѣсяцы проходили и ни однаго слова о томъ, о чемъ хотѣлось говорить.

....А между тѣмъ я тогда едва начиналъ приходить въ себя, оправляться послѣ ряда страшныхъ событій, несчастій, ошибокъ. Исторія послѣднихъ годовъ моей жизни представлялась мнѣ яснѣе и яснѣе, и я съ ужасомъ видѣлъ, что ни одинъ человѣкъ кромѣ

меня не знаетъ ее, и что съ моей смертью умретъ и истина.

Я рѣшился писать; но одно воспоминаніе вызывало сотни другихъ — все старое, полузабытое воскресало—отроческія мечты, юношескія надежды, удаль молодости, тюрьма и ссылка (*)—эти раннія несчастія, не оставившія ни какой горечи на душѣ, пронесшіяся какъ вѣшнія грозы, освѣжая и укрѣпляя своими ударами молодую жизнь.

Я не имѣлъ силъ отгонять эти тѣни — пусть онѣ, свѣтлыми сѣнями, думалось мнѣ, встрѣчаютъ въ книгѣ, какъ было на самомъ дѣлѣ.

И я сталъ писать сначала, пока я писалъ двѣ первыя части, прошли нѣсколько мѣсяцевъ поспокойнѣе.....

Цѣпкая живучесть человѣка всего болѣе видна въ невѣроятной силѣ разсѣянія и себяоглушенія. Сегодня пусто, вчера страшно, завтра безразлично; человѣкъ разсѣевается, перебирая давно прошедшее, играя на собственномъ кладбищѣ.....

Лондонъ 1 Мая 1854 г.

(*) Разсказъ о "Тюрьмѣ и Ссылкѣ" составляетъ вторую часть записокъ. Въ немъ всего меньше рѣчи обо мнѣ, онъ мнѣ и оказался именно потому занимательнѣе для публики.

I.

Пророчество—Арестъ Огарева—Пожаръ—Московскій либералъ—М. Ѳ. Орловъ—Кладбище.

—

...Разъ весною 1834 года пришелъ я утромъ къ Вадиму; ни его не было дома, ни его братьевъ и сестеръ. Я взошелъ на верхъ, въ небольшую комнату его и сѣлъ писать.

Дверь тихо отворилась и взошла старушка, мать Вадима; шаги ея были едва слышны, она подошла устало, болѣзненно, къ кресламъ и сказала мнѣ, садясь въ нихъ: Пишите, пишите—я пришла взглянуть не воротился ли Вадя, дѣти пошли гулять, внизу такая пустота, мнѣ сдѣлалось грустно и страшно, я посижу здѣсь, я вамъ не мѣшаю, дѣлайте свое дѣло.

Лице ея было задумчиво, въ немъ яснѣе обыкновеннаго виднѣлся отблескъ вынесеннаго въ прошед-

шемъ и та подозрительная робость къ будущему, то недовѣріе къ жизни, которое всегда остается послѣ большихъ, долгихъ и многочисленныхъ бѣдствій.

Мы разговорились. Она разсказывала что-то о Сибири.—Много, много пришлось мнѣ перестрадать, что то еще придется увидѣть, прибавила она, качая головой—хорошаго ничего не чуеть сердце.

Я вспомнилъ какъ старушка, иной разъ слушая наши смѣлые разсказы и демагогическіе разговоры, становилась блѣднѣе, тихо вздыхала, уходила въ другую комнату, и долго не говорила ни слова.

—Вы, продолжала она, и ваши друзья, вы идете вѣрной дорогой къ гибели. Погубите вы Вадю, себя и всѣхъ; я вѣдь и васъ люблю какъ сына. Слеза катилась по исхудалой щекѣ.

Я молчалъ. Она взяла мою руку и, стараясь улыбнуться, прибавила: Не сердитесь, у меня нервы растроены; я все понимаю, идите вашей дорогой, для васъ нѣтъ другой, а еслибъ была, вы всѣ были бы не тѣ. Я знаю это, но не могу пересилить страха, я такъ много перенесла несчастій, что на новыя недостаетъ силъ. Смотрите, вы ни слова не говорите Вадѣ объ этомъ, онъ огорчится, будетъ меня уговаривать ...вотъ онъ, прибавила старушка поспѣшно утирая слезы и прося еще разъ взглядомъ чтобъ я молчалъ.

Бѣдная мать! Святая, великая женщина! Неужели это не стоитъ корнелевскаго "qu'il mourût!"

Пророчество ея скоро сбылось; посчастію на первый случай, гроза пронеслась надъ головой ея семьи, но много набралась бѣдная горя и страху.

. . . .

—

—Какъ взяли? спрашивалъ я, вскочивъ съ постѣли и щупая голову чтобъ знать, сплю я или нѣтъ.

—Полицмейстеръ пріѣзжалъ ночью, съ квартальнымъ и казаками, часа черезъ два послѣ того какъ вы ушли отъ насъ, забралъ бумаги и барина увезъ.

Это былъ камердинеръ Огарева. Я не могъ понять какой поводъ выдумала полиція, въ послѣднее время все было тихо. Огаревъ только за день пріѣхалъ...и отчего же его взяли, а меня нѣтъ?

Сложа руки нельзя было оставаться, я одѣлся, и вышелъ изъ дому безъ опредѣленной цѣли. Это было первое несчастіе падавшее на мою голову. Я любилъ Огарева страстно, какъ рѣдко любятъ другъ друга, даже въ юности. Мнѣ было скверно, меня мучило мое безсиліе.

Бродя по улицамъ, мнѣ наконецъ пришелъ въ голову одинъ пріятель, котораго общественное положеніе ставило въ возможности узнать въ чемъ дѣло, а можетъ и помочь. Онъ жилъ страшно далеко, на дачѣ за воронцовскимъ полемъ; я сѣлъ на перваго извощика и поскакалъ къ нему. Это былъ часъ седьмой утра.

Года за полтора передъ тѣмъ, познакомились мы съ В., это былъ своего рода левъ въ Москвѣ. Онъ воспитывался въ Парижѣ, былъ богатъ, уменъ, образованъ, остеръ, вольнодумъ, сидѣлъ въ петропавловской крѣпости по дѣлу 14 Декабря и былъ въ числѣ выпущенныхъ; ссылки онъ не испыталъ, но слава осталась при немъ. Онъ служилъ и имѣлъ большую силу у Генералъ-Губернатора. Князь Голицынъ любилъ людей съ свободнымъ образомъ мыслей

особенно если они его хорошо выражали по-французски. Въ русскомъ языкѣ Князь былъ не силенъ.

В. былъ лѣтъ десять старше насъ и удивлялъ насъ своими практическими замѣтками, своимъ знаніемъ политическихъ дѣлъ, своимъ французскимъ краснорѣчіемъ и горячностью своего либерализма. Онъ зналъ такъ много и такъ подробно, разсказывалъ такъ мило и такъ плавно; мнѣнія его были такъ твердо очерчены, на все былъ отвѣтъ, совѣтъ, разрѣшеніе. Читалъ онъ все—новые романы, трактаты, журналы, стихи и сверхъ того сильно занимался зоологіей. Писалъ проэкты для Князя и составлялъ планы для дѣтскихъ книгъ.

Либерализмъ его былъ чистѣйшій трехъ-цвѣтной воды, лѣваго бока между Могеномъ и Генераломъ Ламаркомъ.

Его кабинетъ былъ увѣшанъ портретами всѣхъ революціонныхъ знаменитостей отъ Гемпдена и Бальи, до Фіески и Арманъ Кареля. Цѣлая библіотека запрещенныхъ книгъ находилась подъ этимъ революціоннымъ иконостасомъ. Скелетъ, нѣсколько набитыхъ птицъ, сушеныхъ амфибій и мочсныхъ внутренностей — набрасывали серьезный колоритъ думы и созерцанія на слишкомъ горячительный характеръ кабинета.

Мы съ завистью посматривали на его опытность и знаніе людей; его тонкая ироническая манера возражать имѣла на насъ большое вліяніе. Мы на него смотрѣли какъ на дѣловаго революціонера, какъ на государственнаго человѣка in spe.

Я не засталъ В. дома. Онъ съ вечера уѣхалъ въ

городъ для свиданія съ Княземъ, его камердинеръ сказалъ, что онъ непремѣнно будетъ часа черезъ полтора домой. Я остался ждать.

Дача занимаемая В. была превосходна. Кабинетъ, въ которомъ я дожидался былъ обширенъ, высокъ и au rez-de-chaussée, огромная дверь вела на терасу и въ садъ. День былъ жаркій, изъ сада пахло деревьями и цвѣтами, дѣти играли передъ домомъ, звонко смѣясь. Богатство, довольство, просторъ, солнце и тѣнь, цвѣты и зелень ... а въ тюрьмѣ-то узко, душно темно. Не знаю, долго ли я сидѣлъ погруженный въ горькія мысли, какъ вдругъ камердинеръ съ какимъ то страннымъ одушевленіемъ позвалъ меня съ терасы.

— Что такое? спросилъ я.

— Да пожалуйте сюда, взгляните.

Я вышелъ, не желая его обидѣть, на терасу — и обомлѣлъ. Цѣлый полукругъ домовъ пылалъ, точно будто всѣ они загорѣлись въ одно время. Пожаръ разростался съ невѣроятной скоростью.

Я остался на терасѣ; зрѣлище разрушенія и дикой силы было мнѣ по душѣ. Камердинеръ смотрѣлъ съ какимъ-то нервнымъ удовольствіемъ на пожаръ, приговоривая: Славно забираетъ—вотъ и этотъ домъ на право загорится, непремѣнно загорится.

Пожаръ имѣетъ въ себѣ что-то революціонное, онъ смѣется надъ собственностью, нивелируетъ состоянія. Камердинеръ инстинктомъ понялъ это.

Черезъ полчаса времени, четверть небосклона покрылась дымомъ, краснымъ внизу и сѣрочернымъ сверху. Въ этотъ день выгорѣло Лафертово. Это было начало тѣхъ зажигательствъ, которыя продол-

жались мѣсяцевъ пять — объ нихъ мы еще будемъ говорить.

Наконецъ пріѣхалъ и В. Онъ былъ въ ударѣ, милъ, привѣтливъ, разсказалъ мнѣ о пожарѣ мимо котораго ѣхалъ, объ общемъ говорѣ что это поджегъ и полушутя прибавилъ: Пугачевщина-съ, вотъ посмотрите и мы съ вами не уйдемъ, посадятъ насъ на колъ.

— Прежде нежели посадятъ насъ на колъ, отвѣчалъ я, боюсь чтобъ не посадили на цѣпь. Знаете ли вы, что сегодня ночью полиція взяла Огарева?

— Полиція? Что вы говорите?

— Я за этимъ къ вамъ пріѣхалъ. Надобно что нибудь сдѣлать, съѣздите къ Князю, узнайте въ чемъ дѣло, попросите мнѣ дозволенье его увидѣть.

Не получая отвѣта, я взглянулъ на В., но вмѣсто его—былъ его старшій братъ, съ посоловѣлымъ лицомъ, съ опустившимися чертами . . . онъ ахалъ и безпокоился.

— Что съ вами?

—Вѣдь вотъ я вамъ говорилъ, всегда говорилъ, до чего это доведетъ . . . да, да, этого надобно было ждать, прошу покорно — ни тѣломъ, ни душой невиноватъ, а и меня пожалуй посадятъ — эдакъ шутить нельзя, я знаю что такое казематы.

— Поѣдите вы къ Князю?

— Помилуйте, за чѣмъ же это; я вамъ совѣтую дружески, и не говорите объ Огаревѣ, живите какъ можно тише, а то худо будетъ. Вы не знаете какъ эти дѣла опасны — мой искренній совѣтъ, держите себя въ сторонѣ; тормашитесь какъ хотите, Огареву

не поможете, а сами попадетесь. Вотъ оно самовластье,—какія права, какая защита, есть что ли адвокаты, судьи?

На этотъ разъ я не былъ расположенъ слушать его смѣлыя мнѣнія и рѣзкія сужденія. Я взялъ шляпу и уѣхалъ.

Дома я засталъ всё въ волненіи. Уже отецъ мой былъ сердитъ на меня, за взятіе Огарева, уже Сенаторъ былъ на лицо, рылся въ моихъ книгахъ, отбиралъ по его мнѣнію опасныя и былъ недоволенъ.

На столѣ я нашелъ записку отъ Генерала Орлова, онъ звалъ меня обѣдать. Не можетъ ли онъ чего нибудь сдѣлать? Опытъ хотя меня и приучилъ, но всё же—попытка не пытка и спросъ не бѣда.

Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ былъ одинъ изъ основателей знаменитаго Союза Благоденствія и если онъ не попалъ въ Сибирь, то это не его вина, а его брата, пользующагося особой дружбой Николая и который первый прискакалъ съ своей Конной Гвардіей на защиту Зимняго Дворца 14 Декабря. Орловъ былъ посланъ въ свои деревни, черезъ нѣсколько лѣтъ ему позволено было поселиться въ Москвѣ. Въ продолженіе уединенной жизни своей въ деревнѣ, онъ занимался политической экономіей и химіей. Первый разъ когда я его встрѣтилъ, онъ толковалъ о новой химической номенклатурѣ. У всѣхъ энергическихъ людей, поздно начинающихъ заниматься какой нибудь наукой, является поползновеніе переставлять мебель и разпоряжаться по своему. Номенклатура его была сложнѣе общепринятой французской. Мнѣ хотѣлось обратить его вниманіе и я въ родѣ captatio benevolentiae сталъ доказывать ему

что номенклатура его хороша, но что прежняя лучше.

Орловъ поспорилъ — потомъ согласился.

Мое кокетство удалось, мы съ тѣхъ поръ были съ нимъ въ близкихъ сношеніяхъ. Онъ видѣлъ во мнѣ восходящую возможность, я видѣлъ въ немъ ветерана нашихъ мнѣній, друга нашихъ героевъ, благородное явленіе въ нашей жизни.

Бѣдный Орловъ былъ похожъ на льва въ клѣткѣ. Вездѣ стукался онъ въ рѣшетку, нигдѣ не было ему простора, ни дѣла, а жажда дѣятельности его снѣдала.

Послѣ паденія Франціи, я не разъ встрѣчалъ людей этаго рода, людей разлагаемыхъ потребностью политической дѣятельности и неимѣющихъ возможности найтиться въ четырехъ стѣнахъ кабинета или семейной жизни. Они не умѣютъ быть одни; въ одиночествѣ на нихъ нападаетъ хандра, они становятся капризны, ссорятся съ послѣдними друзьями, видятъ вездѣ интриги противъ себя и сами интригуютъ чтобъ раскрыть всѣ эти несуществующія козни.

Имъ надобна какъ воздухъ, сцена и зрители; на сценѣ они дѣйствительно герои и вынесутъ невыносимое. Имъ необходимъ шумъ, громъ, трескъ, имъ надобно произносить рѣчи, слышать возраженія враговъ, имъ необходимо раздраженіе борьбы, лихорадка опасности — безъ этихъ конфортативовъ они тоскуютъ, вянутъ, опускаются, тяжелѣютъ, рвутся вонъ, дѣлаютъ ошибки. Таковъ Ледрю-Ролленъ, который кстати и лицемъ напоминаетъ Орлова, особенно съ тѣхъ поръ какъ отростилъ усы.

Онъ былъ очень хорошъ собой; высокая фигура

его, благородная осанка, красивыя мужественныя черты, совершенно обнаженный черепъ, и всё это вмѣстѣ стройно соединенное, сообщали его наружности неотразимую привлекательность. Его бюстъ pendant бюсту А. П. Ермолова, которому его насупленный четвероугольный лобъ, шалашъ сѣдыхъ волосъ и взглядъ пронизывающій даль, придавали ту красоту вождя состарѣвшагося на полѣ брани, которую любила Марія Кочубей въ Мазепѣ.

Отъ скуки Орловъ не зналъ что начать. Пробывалъ онъ и хрустальную фабрику заводить, на которой дѣлались средне-вѣковыя стекла съ картинами, обходившіяся ему дороже, нежели онъ ихъ продавалъ, и книгу онъ принимался писать "о кредитѣ"—нѣтъ не туда рвалось сердце, но другаго выхода не было. Левъ былъ осужденъ праздно бродить между Арбатомъ и Гасманной, не смѣя даже давать волю своему зыку.

Смертельно жаль было видѣть Орлова усиливавшагося сдѣлаться ученымъ, теоретикомъ. Онъ имѣлъ умъ ясный и блестящій, но вовсе не спекулативный, а тутъ онъ путался въ разныхъ новоизобрѣтенныхъ системахъ на давнознакомые предметы — въ родѣ химической номенклатуры. Всё отвлеченное ему рѣшительно не удавалось, но онъ съ величайшимъ ожесточеніемъ возился съ метафизикой.

Неосторожный, невоздержный на языкъ, онъ безпрестанно дѣлалъ ошибки; увлекаемый первымъ впечатлѣніемъ, которое у него было рыцарски благородно, онъ вдругъ вспоминалъ свое положеніе и сворачивалъ съ полъ-дороги. Эти дипломатическіе

контръ маршн ему удавались еще меньше метафизики и номенклатуры; и онъ заступивъ за одну постромку, заступалъ за двѣ, за три, стараясь выправиться. Его бранили за это; люди такъ поверхностны и невнимательны что они больше смотрятъ на слова нежели на дѣйствія и отдѣльнымъ ошибкамъ даютъ больше вѣса, нежели совокупности всего характера. Что тутъ винить съ натянутой Регуловской точки зрѣнія человѣка—надобно винить грустную среду, въ которой всякое благородное чувство передается какъ контрабанда, подъ полой, да затворивши двери; а сказалъ слово громко — такъ день цѣлой и думаешь скоро ли придетъ полиція . . .

— Обѣдъ былъ большой. Мнѣ пришлось сидѣть возлѣ Генерала Раевскаго, брата жены Орлова. Раевскій былъ тоже въ опалѣ съ 14 Декабря; сынъ знаменитаго Н. Н. Раевскаго, онъ мальчикомъ четырнадцати лѣтъ находился съ своимъ братомъ подъ Бородинымъ возлѣ отца; въ послѣдствіи онъ умеръ отъ ранъ на Кавказѣ. Я разсказалъ ему объ Огаревѣ и спросилъ — можетъ ли и захочетъ ли Орловъ что нибудь сдѣлать?

Лице Раевскаго подернулось облакомъ, но это было не выраженіе плаксиваго самосохраненія, которое я видѣлъ утромъ, а какая то смѣсь горькихъ воспоминаній и отвращенія.

— Тутъ нѣтъ мѣста хотѣть или не хотѣть, отвѣчалъ онъ, только я сомнѣваюсь чтобъ Орловъ могъ много сдѣлать; послѣ обѣда пройдите въ кабинетъ, я его приведу къ вамъ.—Такъ вотъ, прибавилъ онъ помол-

чавъ, и вашъ чередъ пришелъ; этотъ омутъ всѣхъ утянетъ.

Распросивши меня, Орловъ написалъ письмо къ князю Голицыну, прося его свиданья. Князь,—сказалъ онъ мнѣ—порядочный человѣкъ, если онъ ничего не сдѣлаетъ, то скажетъ по крайней мѣрѣ правду.

Я на другой день поѣхалъ за отвѣтомъ. Князь Голицынъ сказалъ, что Огаревъ арестованъ по высочайшему повелѣнію, что назначена слѣдственная коммисія и что матеріальнымъ поводомъ былъ какой то пиръ 24 Іюня, на которомъ пѣли возмутительныя пѣсни. Я ничего не могъ понять. Въ этотъ день были имянины моего отца, я весь день былъ дома и Огаревъ былъ у насъ.

Съ тяжелымъ сердцемъ оставилъ я Орлова, и ему было не хорошо, когда я ему подалъ руку, онъ всталъ, обнялъ меня, крѣпко прижалъ къ широкой своей груди и поцѣловалъ.

Точно будто онъ чувствовалъ, что мы разстаемся на долго.

Я его видѣлъ съ тѣхъ поръ одинъ разъ, ровно черезъ шесть лѣтъ. Онъ угасалъ. Болѣзненное выраженіе, задумчивость и какая-то новая угловатость лица поразили меня; онъ былъ печаленъ, чувствовалъ свое разрушеніе, зналъ разстройство дѣлъ — и невидѣлъ выхода. Мѣсяца черезъ два онъ умеръ; кровь свернулась въ его жилахъ.

...Въ Люцернѣ есть удивительный памятникъ; онъ сдѣланъ Торвальдсеномъ въ дикой скалѣ. Въ впадинѣ лежитъ умирающій левъ; онъ раненъ на смерть, кровь струится изъ раны, въ которой торчитъ обло-

мокъ стрѣлы; онъ положилъ молодецкую голову на лапу, онъ стонетъ, его взоръ выражаетъ нестерпимую боль—кругомъ пусто, внизу прудъ, всё это задвинуто горами, деревьями, зеленью; прохожіе идутъ не догадываясь, что тутъ умираетъ царственный звѣрь.

Разъ какъ-то, долго сидя на скамьѣ противъ каменнаго страдальца, я вдругъ вспомнилъ мое послѣднее посѣщеніе Орлову . . .

Ѣхавши отъ Орлова домой мимо оберъ-полицмейстерскаго дома, мнѣ пришло въ голову попросить у него открыто дозволеніе повидаться съ Огаревымъ.

Я отроду никогда не бывалъ прежде ни у однаго полицейскаго лица. Меня заставили долго ждать, наконецъ оберъ-полицмейстеръ вышелъ.

Мой вопросъ его удивилъ.—Какой поводъ заставляетъ васъ просить дозволеніе?

— Огаревъ мой родственникъ.

— Родственникъ? спросилъ онъ, прямо глядя мнѣ въ глаза.

Я не отвѣчалъ, но также прямо смотрѣлъ въ глаза его превосходительства.

— Я не могу вамъ дать позволенія, сказалъ онъ, вашъ родственникъ au secret. Очень жаль.

. . . Неизвѣстность и бездѣйствіе убивали меня. Почти никого изъ друзей не было въ городѣ, узнать рѣшительно нельзя было ничего. Казалось, полиція забыла или обошла меня. Очень, очень было скучно. Но когда всё небо заволокло сѣрыми тучами и длинная ночь ссылки и тюрьмы приближалась, свѣтлый лучь сошелъ на меня.

Нѣсколько словъ глубокой симпатіи, сказанныя

семнадцатилѣтней дѣвушкой, которую я считалъ ребенкомъ, воскресили меня.

Первый разъ въ моемъ разсказѣ является женскій образъ . . . и одинъ собственно женскій образъ является во всей моей жизни.

Мимолетныя, юныя, чистыя, весенпія увлеченія, волновавщія душу, поблѣднѣли, исчезли передъ нимъ какъ туманныя картины — новыхъ, другихъ не пришло.

Мы встрѣтились на кладбищѣ. Она стояла оперпись на надгробный памятникъ и говорила объ Огаревѣ, и грусть моя улеглась.

— До завтра — сказала она и подала мнѣ руку, улыбаясь сквозь слезы.

— До завтра—отвѣтилъ я . . . . . и долго смотрѣлъ вслѣдъ за изчезавшимъ образомъ ея.

Это было девятнадцатаго Іюля 1834.

—

II.

Арестъ—Добросовѣстный—Канцелярія Пречистинскаго Частнаго Дома—Патріархальный Судъ.

—

..."До завтра", повторялъ я засыпая . . . на душѣ было необыкновенно легко и хорошо.

Часу во второмъ ночи меня разбудилъ камердинеръ моего отца, онъ былъ раздѣтъ и испуганъ.

—Васъ требуетъ какой-то офицеръ.

— Какой офицеръ?

— Я незнаю.

— Ну такъ я знаю, сказалъ я ему, и набросилъ на себя халатъ. Въ дверяхъ залы стояла фигура, завернутая въ военную шинель; къ окну виднѣлся бѣлый султанъ; сзади были еще какія-то лица, я разглядѣлъ казацкую шапку.

Это былъ полицмейстеръ Миллеръ.

Онъ сказалъ мнѣ, что по приказанію военнаго Генералъ-Губернатора, которое было у него въ рукахъ, онъ долженъ осмотрѣть мои бумаги. Принесли свѣчи. Полицмейстеръ взялъ мои ключи; квартальн-

ный и его поручикъ стали рыться въ книгахъ, въ бѣльѣ. Полицмейстеръ занялся бумагами, ему всё казалось подозрительнымъ, онъ всё откладывалъ и вдругъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: Я васъ попрошу покамѣсть одѣться, вы поѣдите со мной.

— Куда? спросилъ я.

— Въ пречистинскую часть—отвѣтилъ полицмейстеръ успокоивающимъ голосомъ.

— А потомъ?

— Дальше ничего нѣтъ въ приказаніи Генералъ-Губернатора.

Я сталъ одѣваться.

Между тѣмъ испуганные слуги разбудили мою мать, она бросилась изъ своей спальной ко мнѣ въ комнату, но въ дверяхъ между гостинной и залой была остановлена казакомъ. Она вскрикнула, я вздрогнулъ и побѣжалъ туда. Полицмейстеръ оставилъ бумаги и вышелъ со мной въ залу. Онъ извинился передъ моей матерью, пропустилъ ее, разругалъ казака, который былъ не виноватъ, и воротился къ бумагамъ.

Потомъ взошелъ мой отецъ. Онъ былъ блѣденъ, но старался выдержать свою безстрастную роль. Сцена становилась тяжела. Мать моя сидѣла въ углу и плакала. Старикъ говорилъ безразличныя вещи съ полицмейстеромъ, но голосъ его дрожалъ. Я боялся что не выдержу этого à la longue и не хотѣлъ доставить квартальнымъ удовольствіе видѣть меня плачущимъ.

Я дернулъ полицмейстера за рукавъ.—Поѣдемте!
—Поѣдемте, сказалъ онъ съ радостью .Отецъ мой вы-

шелъ изъ комнаты и черезъ минуту возвратился; онъ принесъ маленькой образъ, надѣлъ мнѣ на шею и сказалъ что имъ благословилъ его отецъ умирая. Я былъ тронутъ, этотъ религіозный подарокъ показалъ мнѣ мѣру страха и потрясенія въ душѣ старика. Я сталъ на колѣни, когда онъ надѣвалъ его; онъ поднялъ меня, обнялъ и благословилъ.

Образъ представлялъ на финифти отсѣченную голову Іоанна Предтечи на блюдѣ. Что это было— примѣръ, совѣтъ или пророчество? — незнаю, но смыслъ образа поразилъ меня.

Мать моя была почти безъ чувствъ.

Вся дворня провожала меня по лѣстницѣ со слѣзами, бросаясь цѣловать меня, мои руки, я заживо присутствовалъ при своемъ выносѣ; полицмейстеръ хмурился и торопилъ.

Когда мы вышли за ворота, онъ собралъ свою команду; съ нимъ было четыре казака, двое квартальныхъ и двое полицейскихъ.—Позвольте мнѣ идти домой, спросилъ у полицмейстера человѣкъ съ бородой, сидѣвшій передъ воротами.—Ступай—сказалъ Миллеръ.—Это что за человѣкъ? спросилъ я, садясь на дрожки. Добросовѣстный,—вы знаете, что безъ добросовѣстнаго полиція не можетъ входить въ домъ. —За тѣмъ-то вы и оставили его за воротами?— —Пустая форма, даромъ помѣшали человѣку спать, замѣтилъ Миллеръ.

Мы поѣхали въ сопровожденіи двухъ казаковъ верхомъ.

Въ частномъ домѣ не было для меня особой комнаты. Полицмейстеръ велѣлъ до утра посадить меня въ

Канцелярію. Онъ самъ привелъ меня туда; бросился на кресла, и устало зѣвая, бормоталъ: Проклятая служба, на скачкѣ былъ съ трехъ часовъ, да вотъ съ вами провозился до утра—небось ужъ четвертый часъ, а завтра въ девять съ рапортомъ ѣхать.

— Прощайте—прибавилъ онъ черезъ минуту и вышелъ. Унтеръ заперъ меня на ключь, замѣтивъ, что если что нужно, то могу постучать въ дверь.

Я отворилъ окно,—день ужъ начался, утренній вѣтеръ подымался, я попросилъ у унтера воды и выпилъ цѣлую кружку. О снѣ не было и въ помышленіи. Впрочемъ и лечь было некуда, кромѣ грязныхъ кожаныхъ стульевъ и однаго кресла въ канцеляріи находился только большой столъ, заваленный бумагами, и въ углу маленькой столъ, еще болѣе заваленный бумагами. Скудный ночникъ не могъ освѣщать комнату, а дѣлалъ колеблющееся пятно свѣта на потолкѣ, блѣднѣвшее больше и больше отъ разсвѣта.

Я сѣлъ на мѣсто частнаго пристава и взялъ первую бумагу лежавшую на столѣ—билетъ на похороны двороваго человѣка князя Гагарина и медицинское свидѣтельство, что онъ умеръ по всѣмъ правиламъ науки. Я взялъ другую — полицейскій уставъ. Я пробѣжалъ его и нашелъ въ немъ статью, въ которой сказано "всякой арестованный имѣетъ право черезъ три дня послѣ ареста узнать причину онаго или быть выпущенъ". Эту статью я себѣ замѣтилъ.

Черезъ часъ времени я видѣлъ въ окно, какъ пріѣхалъ нашъ дворецкій и привезъ мнѣ подушку, одѣяло и шинель. Онъ просилъ о чемъ-то унтера, вѣроятно о позволеніи взойти ко мнѣ; это былъ

сѣдой старикъ, у котораго я ребенкомъ перекрестилъ двухъ или трехъ дѣтей. Унтеръ грубо и отрывисто отказывалъ ему, одинъ изъ нашихъ кучеровъ стоялъ возлѣ. Я имъ закричалъ въ окно. Унтеръ засуетился и велѣлъ имъ убираться. Старикъ кланялся мнѣ въ поясъ и плакалъ; кучеръ, стегнувши лошадь, снялъ шляпу и утеръ глаза—дрожки застучали и слезы полились у меня градомъ. Душа переполнилась. Это были первыя и послѣднія слезы во все время заключенія.

Къ утру канцелярія начала наполняться; явился писарь, который продолжалъ быть пьянымъ съ вчерашняго дня,—фигура чахоточная, рыжая, въ прыщахъ, съ животно-развратнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Онъ былъ во фракѣ кирпичнаго цвѣта, прескверно сшитомъ, нечистомъ, лоснящемся. Вслѣдъ за нимъ пришелъ другой въ унтеръ-офицерской шинели, чрезвычайно развязный. Онъ тотчасъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

—Въ театрѣ что ли-съ попались?

—Меня арестовали дома.

—И самъ Ѳедоръ Ивановичъ?

—Кто это Ѳедоръ Ивановичъ?

—Полковникъ Миллеръ-съ.

—Да, онъ.

—Понимаемъ-съ,—онъ моргнулъ рыжему, который не показалъ никакого участія. Кантонистъ не продолжалъ разговора; онъ увидѣлъ, что я взятъ ни за буйство, ни за пьянство, и потерялъ ко мнѣ весь интересъ, а можетъ и боялся вступать въ разговоръ съ опаснымъ арестантомъ.

Спустя не много явились разные квартальные, заспанные и непроспавшіеся, наконецъ просители и тяжущіеся.

Содержательница публичнаго дома жаловалась на полпивщика, что онъ въ своей лавкѣ обругалъ ее всенародно и притомъ такими словами, которыя она, будучи женщиной, не можетъ произнести при начальствѣ. Полпивщикъ клялся, что онъ такихъ словъ никогда не произносилъ. Содержательница клялась, что онъ ихъ неоднократно произносилъ и очень громко, причемъ она прибавляла, что онъ замахнулся на нее, и еслибъ она не наклонилась, то онъ раскроилъ бы ей все лице. Сидѣлецъ говорилъ, что она во-первыхъ ему не платитъ долгъ, во-вторыхъ разобидила его въ собственной его лавкѣ, и, мало того, обѣщала исколотить его не на животъ, а на смерть руками своихъ приверженцевъ.

Содержательница, высокая, неопрятная женщина съ отекшими глазами, кричала пронзительно громкимъ, визжащимъ голосомъ и была чрезвычайно многорѣчива. Сидѣлецъ больше бралъ мимикой и движеніями, нежели словами.

Саломонъ-квартальный, вмѣсто суда, бранилъ ихъ обоихъ на чемъ свѣтъ стоитъ.—Съ жиру собаки бѣсятся, говорилъ онъ, сидѣли бъ бестіи покойно у себя, благо мы молчимъ, да мирволимъ. Видишъ, важность какая! поругались—да и тотчасъ начальство безпокоить. И что вы за фря такая? словно вамъ въ первый разъ,—да васъ назвать нельзя не выругавши, такимъ ремесломъ занимаетесь.—Полпивщикъ тряхнулъ головой и передернулъ плечами въ знакъ

глубокаго удовольствія. Квартальный тотчасъ напалъ на него.—А ты что изъ-за прилавка лаишься, собака? хочешь въ сибирку? Сквернословъ эдакой, да лапу еще подымать—а березовыхъ, горячихъ...хочешъ?

Для меня эта сцена имѣла всю прелесть новости, она у меня осталась въ памяти на всегда; это былъ первый, патріархальный русской процессъ, который я видѣлъ.

Содержательница и квартальный кричали до тѣхъ поръ пока взошелъ частный приставъ. Онъ, не спрашивая зачѣмъ эти люди тутъ и чего хотятъ, закричалъ еще больше дикимъ голосомъ: "Вонъ отсюда, вонъ, что здѣсь торговая баня или кабакъ?"—Прогнавши "сволочь", онъ обратился къ квартальному: "Какъ вамъ это не стыдно допускать такой безпорядокъ? сколько разъ вамъ говорилъ? уваженіе къ мѣсту теряется—шваль всякая станетъ послѣ этого Содомъ дѣлать. Вы потакаете слишкомъ этимъ мошенникамъ.—Это что за человѣкъ?"—спросилъ онъ обо мнѣ.

—Арестантъ, отвѣчалъ квартальный, котораго привезли Ѳедоръ Ивановичъ, тутъ есть бумашка-съ.

Частный пробѣжалъ бумажку, посмотрѣлъ на меня, съ неудовольствіемъ встрѣтилъ прямой и неподвижный взглядъ, который я на немъ остановилъ, приготовляясь на первое его слово дать сдачи и сказалъ—Извините.

Дѣло содержательницы и полицвщика снова явилось; она требовала присяги,—пришелъ попъ,—кажется, они оба присягнули,—я конца не видалъ. Меня увезли къ оберъ-полицмейстеру—не знаю за-

чѣмъ—никто не говорилъ со мною ни слова, потомъ опять привезли въ Частный домъ, гдѣ мнѣ была приготовлена комната подъ самой каланчей. Унтеръ-офицеръ замѣтилъ, что если я хочу поѣсть, то надобно послать купить что нибудь, что казенный паекъ еще не назначенъ, и что онъ еще дня два не будетъ назначенъ; сверхъ того, какъ онъ состоитъ изъ 3 или 4 копѣекъ серебромъ, то хорошіе арестанты предоставляютъ его въ экономію.

Запачканный диванъ стоялъ у стѣны, время было за полдень, я чувствовалъ страшную усталь, бросился на диванъ и уснулъ мертвымъ сномъ. Когда я проснулся, на душѣ все улеглось и успокоилось. Я былъ измученъ въ послѣднее время неизвѣстностью объ Огаревѣ, теперь чередъ дошелъ и до меня, опасность не виднѣлась издали, а обложилась вокругъ, туча была надъ головой. Это первое гоненіе должно было намъ служить рукоположеніемъ.

—

III.

Подъ Каланчей—Лисабонскій Квартальный—Зажигатели.

—

Къ тюрьмѣ человѣкъ пріучается скоро, если онъ имѣетъ сколько нибудь внутренней полноты. Къ тишинѣ и совершенной волѣ въ клѣткѣ скоро привыкаешь,—никакой заботы, никакого разсѣянія.

Сначала не давали книгъ; частный приставъ увѣрялъ, что изъ дому книгъ недозволяется брать. Я его просилъ купить.—Развѣ что нибудь учебное, грамматику какую, что-ли? пожалуй можно, а не то, надобно спросить генерала.—Предложеніе читать отъ скуки грамматику было неизмѣримо смѣшно; тѣмъ не менѣе я ухватился за него обѣими руками, и попросилъ частнаго пристава купить италъянскую грамматику и лексиконъ. Со мной были двѣ красненькія ассигнаціи, я отдалъ одну ему; онъ тутъ же послалъ поручика за книгами и отдалъ ему мое письмо къ оберъ-полицмейстеру, въ которомъ я, основываясь на вычитанной мною статьѣ, просилъ обьявить мнѣ причину ареста или выпустить меня.

Частный приставъ, въ присутствіи котораго я писалъ письмо, уговаривалъ не посылать его— Напрасно-съ, ей Богу напрасно-съ утруждаете генерала,—скажутъ: безпокойные люди, вамъ же вредъ, а пользы никакой не будетъ.

Вечеромъ явился квартальный и сказалъ, что оберъ-полицмейстеръ велѣлъ мнѣ на словахъ объявить, что въ свое время я узнаю причину ареста. Далѣе онъ вытащилъ изъ кармана засаленную итальянскую грамматику и улыбаясь прибавилъ:—такъ хорошо случилось, что тутъ и словарь есть, лексикончика ненужно. Объ сдачѣ и разговора не было. Я хотѣлъ было снова писать къ оберъ-полицмейстру, но роль миніатюрнаго Гемпдена въ пречистинской части показалась мнѣ слишкомъ смѣшной.

Недѣли черезъ полторы послѣ моего взятія, часу въ десятомъ вечера, пришелъ маленькаго роста черненькой и рябинькой квартальный съ приказомъ одѣться и отправляться въ Слѣдственную Комиссію.

Пока я одѣвался, случилось слѣдующее смѣшно-досадное происшествіе. Обѣдъ мнѣ присылали изъ дома, слуга отдавалъ внизу дежурному унтеръ-офицеру, тотъ присылалъ съ солдатомъ ко мнѣ. Виноградное вино позволялось пропускать отъ полубутылки до цѣлой въ день. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ, пользуясь этимъ дозволеніемъ, прислалъ мнѣ бутылку превосходнаго Іоганисберга. Солдатъ и я, мы ухитрились двумя гвоздями откупорить бутылку, букетъ поразилъ издали. Этимъ виномъ я хотѣлъ наслаждаться дни три-четыре.

Надобно быть въ тюрьмѣ, чтобъ знать сколько

ребячества остается въ человѣкѣ и какъ могутъ тѣшить мелочи отъ бутылки вина до шалости надъ сторожемъ.

Рябинькой квартальный отыскалъ мою бутылку и, обращаясь ко мнѣ, просилъ позволенія немного выпить. Досадно мнѣ было; однако я сказалъ, что очень радъ. Рюмки у меня не было. Извергъ этотъ взялъ стаканъ, налилъ его до невозможной полноты, и вылилъ его себѣ внутрь, не переводя дыханія; этотъ образъ вливанія спиртовъ и винъ только существуетъ у Русскихъ и у Поляковъ, я во всей Европѣ не видалъ людей, которые бы пили залпомъ стаканъ или умѣли хватить рюмку. Чтобъ потерю этого стакана сдѣлать еще чувствительнѣе, рябинькой квартальный, обтирая синимъ табачнымъ платкомъ губы, благодарилъ меня приговаривая "мадера хоть куда". Я съ ненавистью посмотрѣлъ на него и злобно радовался, что люди не привили квартальному коровьей оспы, а природа не обошла его человѣческой.

Этотъ знатокъ винъ привезъ меня въ оберъ-полицмейстерской домъ на тверскомъ бульварѣ, ввелъ меня въ боковую залу и оставилъ одного. Полъ - часа спустя, изъ внутреннихъ комнатъ вышелъ толстой человѣкъ съ лѣнивымъ и добродушнымъ видомъ; онъ бросилъ портфель съ бумагами на стулъ и послалъ куда-то жандарма, стоявшаго въ дверяхъ.

— Вы вѣрно, сказалъ онъ мнѣ. по дѣлу Огарева и другихъ молодыхъ людей недавно взятыхъ? — Я подтвердилъ.

— Слышалъ я, продолжалъ онъ, мелькомъ. Странное дѣло, ничего не понимаю.

— Я сижу двѣ недѣли въ тюрьмѣ по этому дѣлу, да не только ничего не понимаю, но просто не знаю ничего.

— Это-то и прекрасно, сказалъ онъ, пристально посмотрѣвши на меня, — и не знайте ничего. — Вы меня простите, а я вамъ дамъ совѣтъ, вы молоды, у васъ еще кровь горяча, хочется поговорить — это бѣда: незабудьте же что вы ничего не знаете, это единственный путь спасенія.

Я смотрѣлъ на него съ удивленіемъ. Лицо его не выражало ничего дурнаго, онъ догадался, и улыбнувшись сказалъ: — Я самъ былъ студентъ Московскаго Университета лѣтъ двѣнадцать тому назадъ.

Взошелъ какой-то чиновникъ; толстякъ обратился къ нему какъ начальникъ и кончивъ свои приказанія, вышелъ вонъ, ласково кивнувъ головой и приложивъ палецъ къ губамъ. Я никогда послѣ не встрѣчалъ этого господина, и не знаю кто онъ; но искренность его совѣта я испыталъ.

Потомъ взошелъ полицмейстеръ, другой, не Θеодоръ Ивановичъ, и позвалъ меня въ коммиссію. Въ большой, довольно красивой залѣ сидѣли за столомъ человѣкъ пять, всѣ въ военныхъ мундирахъ, за исключеніемъ однаго чахлаго старика. Они курили сигары, весело разговаривали между собой растегнувши мундиры и развалясь на креслахъ. Оберъ-полицмейстеръ председательствовалъ.

Когда я взошелъ, онъ обратился къ какой-то фигурѣ смиренно сидѣвшей въ углу и сказалъ: — Батюшка, не угодно ли? — Тутъ только я разглядѣлъ, что въ углу сидѣлъ старый священникъ съ сѣдой

бородой и красно-синимъ лицомъ. Священникъ дремалъ, хотѣлъ домой, думалъ о чемъ-то другомъ и зѣвалъ, прикрывая рукою ротъ. Протяжнымъ голосомъ и нѣсколько на распѣвъ началъ онъ меня увѣщевать; толковалъ о грѣхѣ утаивать истину предъ лицами назначенными царемъ и о безполезности такой неоткровенности, взявъ во вниманіе всеслышащее ухо Божіе; онъ не забылъ даже сослаться на вѣчные тексты, что нѣтъ власти яко отъ Бога и Кесарю Кесарево. Въ заключеніе онъ сказалъ, чтобъ я приложился къ святому Евангелію и честному кресту въ удостовѣреніе обѣта, котораго я впрочемъ не давалъ, да онъ и не требовалъ, искренно и откровенно раскрыть всю истину.

Окончивши, онъ поспѣшно началъ завертывать Евангеліе и крестъ. Цинской, едва приподнявшись, сказалъ ему, что онъ можетъ идти. Послѣ этого онъ обратился ко мнѣ и перевелъ духовную рѣчь на гражданскій языкъ: — Я прибавлю къ словамъ священника одно: запираться вамъ нельзя, еслибъ вы и хотѣли. Онъ указалъ на кипы бумагъ, писемъ, портретовъ, съ намѣреніемъ разбросанныхъ по столу. — Одно откровенное сознаніе можетъ смягчить вашу участь; быть на волѣ или въ Бобруйскѣ, на Кавказѣ, это зависитъ отъ васъ.

Вопросы предлагались письменно; наивность нѣкоторыхъ была поразительна—Не знаете ли вы о существованіи какого либо тайнаго общества? Не принадлежите ли вы къ какому нибудь обществу—литературному или иному?—кто его члены?—гдѣ они собираются?

На всё это было чрезвычайно легко отвѣчать однимъ Нѣтъ.

— Вы, я вижу, ничего не знаете, сказалъ перечитывая отвѣты Цынской. Я васъ предупредилъ, вы усложните ваше положеніе.

Тѣмъ и окончился первый допросъ.

. . . Восемь лѣтъ спустя, въ другой половинѣ дома, гдѣ была Слѣдственная Коммисія, жила женщина, нѣкогда прекрасная собой, съ дочерью красавицей, сестра новаго оберъ-полицмейстера.

Я бывалъ у нихъ, и всякой разъ проходилъ той залой, гдѣ Цинской съ компаніей судилъ и рядилъ насъ; въ ней висѣлъ тогда и потомъ, портретъ Павла напоминовеніемъ ли того, до чего можетъ унизить человѣка необузданность и злоупотребленіе власти, или для того, чтобъ поощрять полицейскихъ на всякую свирѣпость — не знаю, но онъ былъ тутъ, съ тростью въ рукахъ, курносый и нахмуреный — я останавливался всякой разъ передъ этимъ портретомъ, тогда арестантомъ, теперь гостемъ. Небольшая гостинная возлѣ, гдѣ всё дышало женщиной и красотой, была какъ-то неумѣстна въ домѣ строгости и слѣдствій, мнѣ было не по себѣ тамъ и какъ то жаль что прекрасно развернувшійся цвѣтокъ попалъ на кирпичную, печальную стѣну съѣзжей. Наши рѣчи, и рѣчи небольшаго круга друзей собиравшихся у нихъ, такъ ирониччески звучали, такъ удивляли ухо въ этихъ стѣнахъ, привыкнувшихъ слушать допросы, доносы и рапорты о повальныхъ обыскахъ, въ этихъ стѣнахъ отдѣлявшихъ насъ отъ шопота квартальныхъ, отъ

вздоха арестантовъ, отъ брячанья жандармскихъ шпоръ и сабли уральскаго казака...

Черезъ недѣлю или двѣ снова пришелъ рябинькой квартальный и снова привезъ меня къ Цынскому. Въ сѣняхъ сидѣли и лежали нѣсколько человѣкъ скованныхъ, окруженные солдатами съ ружьями; въ передней было тоже нѣсколько человѣкъ, разныхъ сословій, безъ цѣпей, но строго охраняемыхъ. Квартальный сказалъ мнѣ, что это всё зажигатели. Цынскій былъ на пожарѣ; слѣдовало ждать его возвращенія, мы пріѣхали часу въ десятомъ вечера; въ часъ ночи меня еще никто не спрашивалъ и я всё еще преспокойно сидѣлъ въ передней съ зажигателями. Изъ нихъ требовали то одного то другого — полицейскіе бѣгали взадъ и впередъ, цѣпи гремѣли, солдаты отъ скуки брякали ружьями и выкидывали артикулъ. Около часу пріѣхалъ Цынскій въ сажѣ и копоти и пробѣжалъ въ кабинетъ не останавливаясь. Прошло съ полъ-часа, позвали моего квартальнаго; онъ воротился блѣдный, растерянный и съ судорожнымъ подергиваніемъ въ лицѣ. Вслѣдъ за нимъ Цынскій высунулъ голову въ дверь и сказалъ: — А васъ, Monsieur Г., вся коммиссія ждала цѣлый вечеръ, этотъ болванъ привезъ васъ сюда въ то время какъ васъ требовали къ князю Голицыну. Мнѣ очень жаль что вы здѣсь прождали такъ долго, но это не моя вина. Что прикажете дѣлать съ такими исполнителями? я думаю, пятьдесятъ лѣтъ служитъ и всё чурбанъ. — Ну пошелъ теперь домой, прибавилъ онъ, измѣнивъ голосъ на гораздо грубѣйшій, обращаясь къ квартальному.

Квартальный повторялъ цѣлую дорогу—Господи! какая бѣда! человѣкъ не думаетъ, не гадаетъ, что надъ нимъ сдѣлается—ну ужъ онъ меня доѣдетъ теперь. Оно бы еще ничего, еслибъ васъ тамъ не ждали, а то вѣдь ему срамъ — Господи, какое несчастіе!

Я простилъ ему Рейнвейнъ, особенно когда онъ мнѣ сообщилъ, что онъ менѣе былъ испуганъ, когда разъ тонулъ возлѣ Лисабона, нежели теперь. Послѣднее обстоятельство было такъ нежданно для меня, что мною овладѣлъ безумный смѣхъ. — Какъ же вы это попали въ Лисабонъ? помилуйте на что же это похоже? спросилъ я его. — Старикъ былъ лѣтъ за двадцать пять морскимъ офицеромъ. Нельзя не согласиться съ министромъ, который увѣрялъ капитана Копѣйкина, что въ Россіи нѣкоторымъ образомъ никакая служба не остается безъ вознагражденія. Его судьба спасла въ Лисабонѣ, для того чтобъ быть обругану Цынскимъ какъ мальчишка, послѣ сороколѣтней службы.

Онъ же почти не былъ виноватъ.

Слѣдственная Комиссія, составленная генералъ-губернаторомъ, не понравилась государю; онъ назначилъ новую подъ предсѣдательствомъ князя Сергѣя Михайловича Голицына. Въ этой комиссіи членами были: московской комендантъ Стааль, другой князь Голицынъ, жандармскій полковникъ Шубенскій и прежній аудиторъ Оранскій.

Въ оберъ-полицмейстерскомъ приказѣ не было сказано что комиссія переведена — весьма естественно, что лисабонскій квартальный свезъ меня къ Цынскому . . .

Въ частномъ домѣ была тоже большая тревога, три пожара случились въ одинъ вечеръ, и потомъ изъ комиссіи присылали два раза узнать что со мной сдѣлалось, не бѣжалъ ли я. Чего Цинскій не добранилъ, то добавилъ частный приставъ Лисабонцу, что и слѣдовало ожидать, потому что частный приставъ былъ тоже долею виноватъ, не справившись куда именно требуютъ. Въ Канцеляріи, въ углу, кто то лежалъ на стульяхъ и стоналъ; я посмотрѣлъ — молодой человѣкъ красивой наружности и чисто одѣтый, онъ харкалъ кровью и охалъ, частный лекарь совѣтывалъ пораньше утромъ отправить его въ больницу.

Когда унтеръ-офицеръ привелъ меня въ мою комнату, я выпыталъ отъ него исторію раненаго. Это былъ отставной гвардейской офицеръ, онъ имѣлъ интригу съ какой-то горничной и былъ у нея, когда загорѣлся флигель. Это было время наибольшаго страха отъ зажигательства; дѣйствительно не проходило дня, чтобъ я не слышалъ трехъ-четырехъ разъ сигнальнаго колокольчика; изъ окна я видѣлъ всякую ночь два-три зарева. Полиція и жители съ ожесточеніемъ искали зажигателей. Офицеръ, чтобъ не компрометировать дѣвушку, какъ только началась тревога, перелѣзъ заборъ и спрятался въ сараѣ сосѣдняго дома, выжидая минуты чтобъ выйдти. Маленькая дѣвченка бывшая на дворѣ увидѣла его и сказала первымъ прискакавшимъ полицейскимъ, что зажигатель спрятался въ сараѣ; они ринулись туда съ толпой народа и съ торжествомъ вытащили офицера. Они его такъ основательно избили, что онъ на другой день къ утру умеръ.

Начался разборъ захваченныхъ людей, половину отпустили, другихъ нашли подозрительными. Полицмейстеръ Бравчанинов ѣздилъ всякое утро и допрашивалъ ихъ часа три или четыре. Иногда допрашиваемыхъ сѣкли или били; тогда ихъ вопль, крикъ, просьбы, визгъ, женскій стонъ вмѣстѣ съ рѣзкимъ голосомъ полицмейстера и однообразнымъ чтеніемъ письмо-водителя—доходили до меня. Это было ужасно, невыносимо. Мнѣ по ночамъ грѣзились эти звуки и я просыпался въ изступленіи, думая что страдальцы эти въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня лежатъ на соломѣ въ цѣпяхъ, съ изодранной, съ избитой спиной—и навѣрное безъ всякой вины.

Чтобъ знать что такое русская тюрьма, русскій судъ и полиція, для этого надобно быть мужикомъ, дворовымъ, мастеровымъ или мѣщаниномъ. Политическихъ арестантовъ, которые большею частію принадлежатъ къ дворянству, содержатъ строго, наказываютъ свирѣпо, но ихъ судьба не идетъ ни въ какое сравненіе съ судьбою бѣдныхъ бородачей. Съ этими полиція не церемонится. Къ кому мужикъ или мастеровой пойдетъ потомъ жаловаться, гдѣ найдетъ судъ?

Таковы безпорядокъ, звѣрство, своеволіе и развратъ русскаго суда и русской полиціи, что простой человѣкъ попавшійся подъ судъ боится не наказанія по суду, а судопроизводства. Онъ ждетъ съ нетерпѣніемъ когда его пошлютъ въ Сибирь,—его мученичество оканчивается съ началомъ наказанія. Теперь вспомнимъ что три четверти людей хватаемыхъ полиціею по подозрѣнію, судомъ освобождаются и что

они прошли черезъ тѣже истязанія, какъ и виновные.

Петръ III уничтожилъ застѣнокъ и тайную канцелярію.

Екатерина II уничтожила пытку.

Александръ I еще разъ ее уничтожилъ.

Отвѣты сдѣланные "подъ страхомъ" не считаются по закону. Чиновникъ пытающій подсудимаго подвергается самъ суду и строгому наказанію.

И во всей Россіи—отъ Берингова пролива до Таурогена—людей пытаютъ; тамъ гдѣ опасно пытать розгами, пытаютъ нестерпимымъ жаромъ, жаждой, солёной пищей, въ Москвѣ полиція ставила какого то подсудимаго босаго, градусовъ въ десять мороза, на чугунной полъ—онъ занемогъ и умеръ въ больницѣ бывшей подъ начальствомъ князя М., разказывавшаго съ негодованіемъ объ этомъ. Начальство знаетъ всё это, губернаторы прикрываютъ, правительствующій Сенатъ мирволитъ, министры молчатъ; государь и Синодъ, помѣщики и квартальные всѣ согласны съ Селифаномъ "что отъ чего же мужика и не посѣчь, мужика иногда надобно посѣчь!"

Коммиссія назначенная для розыска зажигательствъ судила — т. е. сѣкла — мѣсяцевъ шесть къ ряду—и ничего не высѣкла. Государь разсердился и велѣлъ дѣло окончить въ три дня. Дѣло и кончилось въ три дня; виновные были найдены и приговорены къ наказанію кнутомъ, клеймѣнію и ссылкѣ въ каторжную работу. Изъ всѣхъ домовъ собрали дворниковъ смотрѣть страшное наказаніе "зажигателей." Это было уже зимой и я содержался тогда въ крутицкихъ

казармахъ. Жандармскій ротмистръ, бывшій при наказаніи, добрый старикъ, сообщилъ мнѣ подробности, которыя я передаю. Первый осужденный на кнутъ громкимъ голосомъ сказалъ народу, что онъ клянется въ своей невинности, что онъ самъ не знаетъ что отвѣчалъ подъ вліяніемъ боли, приэтомъ онъ снялъ съ себя рубашку и, повернувшись спиной къ народу, прибавилъ "посмотрите, православные!"

Стонъ ужаса пробѣжалъ по толпѣ, его спина была синяя полосотая рана и по этой-то ранѣ его слѣдовало бить кнутомъ. Ропотъ и мрачный видъ собраннаго народа заставили полицію торопиться, палачи отпустили законное число ударовъ, другіе заклеймили, третьи сковали ноги, и дѣло казалось оконченнымъ. Однако сцена эта поразила жителей; во всѣхъ кругахъ Москвы говорили объ ней. Генералъ губернаторъ донесъ объ этомъ государю. Государь велѣлъ назначить новый судъ и особенно разобрать дѣло зажигателя протестовавшаго передъ наказаніемъ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, прочелъ я въ газетахъ, что государь, желая вознаградить двухъ невинно наказанныхъ кнутомъ, приказалъ имъ выдать по 200 руб. за ударъ, и снабдить особымъ паспортомъ свидѣтельствующимъ ихъ невинность, не смотря на клеймо. Это былъ зажигатель говорившій къ народу и одинъ изъ его товарищей.

Исторія о зажигательствахъ въ Москвѣ въ 1834 г., отозвавшаяся лѣтъ черезъ десять въ разныхъ провинціяхъ, остается загадкой. Что поджоги были, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; вообще огонь, "красный пѣтухъ",

очень національное средство мести у насъ. Безпрестанно слышишь о поджогѣ барской усадьбы, овина, амбара. Но что за причина была пожаровъ именно въ 1834 въ Москвѣ, этого никто не знаетъ, всего меньше члены Коммиссіи.

Передъ 22 Августа, днемъ коронаціи, какіе-то шалуны подкинули въ разныхъ мѣстахъ письма, въ которыхъ сообщали жителямъ, чтобъ они не заботились объ иллюминаціи, что освѣщеніе будетъ.

Переполошилось трусливое московское начальство. Съ утра частный домъ былъ наполненъ солдатами, эскадронъ улановъ стоялъ на дворѣ. Вечеромъ патрули верхомъ и пѣшія безпрестанно объѣзжали улицы. Въ экзерциръ-гаузѣ была приготовлена артиллерія. Полицмейстеры скакали взадъ и впередъ съ казаками и жандармами, самъ князь Голицынъ съ адьютантами проѣхалъ верхомъ по городу. Этотъ военный видъ скромной Москвы былъ страненъ и дѣйствовалъ на нервы. Я до поздней ночи лежалъ на окнѣ подъ своей каланчей и смотрѣлъ на дворъ . . . спѣшившіеся уланы сидѣли кучками около лошадей, другіе садились на коней; офицеры расхаживали, съ пренебреженіемъ глядя на полицейскихъ; плацъ-адьютанты пріѣзжали съ озабоченнымъ видомъ, съ желтымъ воротникомъ, и ничего не сдѣлавши—уѣзжали.

Пожаровъ не было.

Вслѣдъ за тѣмъ явился самъ государь въ Москву. Онъ былъ недоволенъ слѣдствіемъ, которое только началось, былъ недоволенъ, что насъ оставили въ рукахъ явной полиціи, былъ недоволенъ, что не на-

тія зажигателей — словомъ былъ недоволенъ всѣмъ и всѣми.

Мы вскорѣ почувствовали высочайшую близость.

—

IV.

Крутицкія Казармы—Жандармскія Повѣствованія—Офицеры.

—

Дня черезъ три послѣ пріѣзда государя, поздно вечеромъ—всѣ эти вещи дѣлаются въ темнотѣ чтобъ не безпокоить публику—пришелъ ко мнѣ полицейскій офицеръ съ приказомъ собрать вещи и отправляться съ нимъ.

—Куда́?—спросилъ я.

—Вы увидите—отвѣчалъ умно и учтиво полицейскій. Послѣ этого разумѣется я не продолжалъ разговора, собралъ вещи и пошелъ.

Ѣхали мы, ѣхали, часа полтора, наконецъ проѣхали Симоновъ монастырь и остановились у тяжелыхъ каменныхъ воротъ, передъ которыми ходили два жандарма съ карабинами. Это былъ крутицкій монастырь, превращенный въ жандармскія казармы.

Меня привели въ небольшую канцелярію. Писаря, адъютанты, офицеры, все было голубое. Дежурный

офицеръ, въ каскѣ и полной формѣ, просилъ меня подождать и даже предложилъ закурить трубку, которую я держалъ въ рукахъ. Послѣ этого онъ принялся писать росписку въ полученіи арестанта; отдавъ ее квартальному, онъ ушелъ и воротился съ другимъ офицеромъ. Комната ваша готова—сказалъ мнѣ послѣдній—пойдемте. Жандармъ свѣтилъ намъ, мы сошли съ лѣстницы, прошли нѣсколько шаговъ дворомъ, взошли небольшой дверью въ длинной коридоръ, освѣщенный одним фонаремъ; по обѣимъ сторонамъ были небольшія двери, одну изъ нихъ отворилъ дежурный офицеръ; дверь вела въ крошечную кордегардію, за которой была небольшая комнатка сырая, холодная и съ запахомъ подвала. Офицеръ съ аксельбантомъ, который привелъ меня, обратился ко мнѣ, на французскомъ языкѣ говоря, что онъ désolé d'être dans la nécessité шарить въ моихъ карманахъ, но что военная служба, обязанность, повиновеніе.....Послѣ этого краснорѣчиваго вступленія, онъ очень просто обернулся къ жандарму и указалъ на меня глазомъ. Жандармъ въ ту-же минуту запустилъ невѣроятно большую и шершавую руку въ мой карманъ. Я замѣтилъ учтивому офицеру, что это вовсе не нужно, что я самъ пожалуй выворочу всѣ карманы, безъ такихъ насильственныхъ мѣръ. Къ тому-же что могло быть у меня послѣ полутора-мѣсячнаго заключенія.

—Знаемъ мы — сказалъ неподражаемо самодовольно улыбаясь офицеръ съ аксельбантомъ—знаемъ мы порядки частныхъ домовъ. Дежурный офицеръ тоже колко улыбнулся — однако жандарму сказали

чтобъ онъ только смотрѣлъ; я вынулъ все что было.

—Высыпьте на столъ вашъ табакъ — сказалъ офицеръ désolé.

У меня въ кисетѣ былъ перочинный ножикъ и карандашъ, завернутые въ бумажкѣ; я съ самого начала думалъ объ нихъ и, говоря съ офицеромъ, игралъ съ кисетомъ до тѣхъ поръ пока ножикъ мнѣ попалъ въ руку, я держалъ его сквозь матерію и смѣло высыпалъ табакъ на столъ, жандармъ снова его всыпалъ. Ножикъ и карандашъ были спасены, вотъ жандарму съ аксельбантомъ урокъ за его гордое пренебреженіе къ явной полиціи.

Это происшествіе расположило меня чрезвычайно хорошо, я весело сталъ разсматривать мои новыя владѣнія.

Въ монашескихъ кельяхъ, построенныхъ за триста лѣтъ и ушедшихъ въ землю, устроили нѣсколько свѣтскихъ келій для политическихъ арестантовъ.

Въ моей комнатѣ стояла кровать безъ тюфяка, маленькой столикъ, на немъ кружка съ водой, возлѣ стулъ, въ большомъ мѣдномъ шандалѣ горѣла тонкая сальная свѣча. Сырость и холодъ проникали до костей; офицеръ велѣлъ затопить печь, потомъ всѣ ушли. Солдатъ обѣщалъ принесть сѣна; пока подложивъ шинель подъ голову я легъ на голую кровать, и закурилъ трубку.

Черезъ минуту я замѣтилъ, что потолокъ былъ покрытъ прусскими тараканами. Они давно не видали свѣчи и бѣжали со всѣхъ сторонъ къ освѣщенному мѣсту, толкались, суетились, падали на столъ и бѣгали потомъ опрометью взадъ и впередъ по краю стола.

Я не любилъ таракановъ, какъ вообще всякихъ незванныхъ гостей; сосѣди мои показались мнѣ страшно гадки, но дѣлать было нечего, не начать же было жаловаться на таракановъ и—нервы покорились. Впрочемъ дня черезъ три всѣ прусаки перебрались за загородку къ солдату, у котораго было теплѣе; иногда только забѣжитъ бывало одинъ, другой таракапъ, поводитъ усами и тотчасъ назадъ грѣться.

Сколько я не просилъ жандарма, онъ печку все таки закрылъ. Мнѣ становилось не по себѣ, въ головѣ кружилось, я хотѣлъ встать и постучать солдату; дѣйствительно всталъ, но этимъ и оканчивается все что я помню...

...Когда я пришелъ въ себя, я лежалъ на полу, голову ломило страшно. Высокій, сѣдой жандармъ стоялъ сложа руки и смотрѣлъ на меня безсмысленно, внимательно, въ томъ родѣ какъ въ извѣстныхъ бронзовыхъ статуеткахъ собака смотритъ на черепаху.

—Славно угорѣли, ваше благородіе, сказалъ онъ, видя что я очнулся. Я вамъ хрѣнку принесъ съ солью и съ квасомъ, я ужъ вамъ давалъ нюхать, теперь выпейте; я выпилъ, онъ поднялъ меня и положилъ на постель; мнѣ было очень дурно, окно было съ двойной рамой и безъ форточки; солдатъ ходилъ въ канцелярію просить разрѣшенія выйдти на дворъ; дежурный офицеръ велѣлъ сказать, что ни полковника, ни адъютанта нѣтъ на лицо, а что онъ на свою отвѣтственность взять не можетъ. Пришлось оставаться въ угарной комнатѣ.

Обжился я и въ крутицкихъ казармахъ, спрягая италіанскіе глаголы и почитывая кой-какія книжон-

ки. Сначала содержаніе было довольно строго, въ девять часовъ вечера при послѣднемъ звукѣ вѣстовой трубы солдатъ входилъ въ комнату, тушилъ свѣчу и запиралъ дверь на замокъ. Съ девяти вечера до восьми слѣдующаго дня приходилось сидѣть въ потемкахъ. Я никогда не спалъ много, въ тюрьмѣ безъ всякаго движенія мнѣ за глаза было достаточно четырехъ часовъ сна, какого же наказаніе не имѣть свѣчи? Къ тому же часовые съ двухъ сторонъ коридора кричали каждые четверть часа протяжно и громко "Слу — у — у шай!"

Черезъ нѣсколько недѣль полковникъ Семеновъ (братъ знаменитой актрисы позволилъ оставлять свѣчу, запретивъ чтобъ чѣмъ нибудь завѣшивали окно, которое было ниже двора, такъ что часовой могъ видѣть всё что дѣлается у арестанта, и не велѣлъ въ коридорѣ кричать "слушай".

Потомъ комендантъ разрѣшилъ намъ имѣть чернильницу и гулять по двору. Бумага давалась счетомъ на томъ условіи чтобъ всѣ листы были цѣлы. Гулять было дозволено разъ въ сутки на дворѣ, окруженномъ оградой и цѣпью часовыхъ, въ сопровожденіи солдата и дежурнаго офицера.

Жизнь шла однообразно, тихо, военная акуратность придавала ей какую-то механическую правильность въ родѣ цезуры въ стихахъ. Утромъ я варилъ съ помощью жандарма въ печкѣ кофей; часовъ въ десять являлся дежурный офицеръ, внося съ собой нѣсколько кубическихъ футовъ мороза, гремя саблей, въ перчаткахъ съ огромными обшлагами, въ каскѣ и шинели; въ часъ жандармъ приносилъ гряз-

ную салфетку и чашку супа, которую онъ держалъ всегда за края, такъ что два большіе пальца были примѣтно чище остальныхъ. Кормили насъ сносно, но притомъ не слѣдуетъ забывать что за кормъ брали по 2 руб. асс. въ день, что въ продолженіи девяти-мѣсячнаго заключенія составило довольно значительную сумму для неимущихъ. Отецъ одного арестанта просто сказалъ, что у него денегъ нѣтъ; ему хладнокровно отвѣтили что у него изъ жалованія вычтутъ. Еслибъ онъ не получалъ жалованья, весьма вѣроятно что его посадили бы въ тюрьму.

Въ дополненіи должно замѣтить что въ казармы присылалось для нашего покормленія полковнику Семенову 1 руб. 50 коп. изъ Ордонансъ-гауза. Изъ этого было вышелъ шумъ; но пользовавшіеся этимъ плацъ-адъютанты задарили жандармскій дивизіонъ ложами на первыя представленія и бенефисы—тѣмъ дѣло и кончилось.

Послѣ вечерней зари наступала совершенная тишина, вовсе не прерываемая шагами солдата, хрустѣвшими по снѣгу передъ самымъ окномъ, ни дальними окликами часовыхъ. Обыкновенно я читалъ до часу, и потомъ тушилъ свѣчу. Сонъ переносилъ на волю, иной разъ въ просоньяхъ казалось: фу какія тяжелыя грёзы приснились—тюрьма, жандармы —и радуешся что всё это сонъ—а тутъ вдругъ прогремитъ сабля по коридору, или дежурный офицеръ отворитъ дверь сопровождаемый солдатомъ съ фонаремъ, или часовый прокричитъ нечеловѣчески " кто идетъ? " или труба подъ самымъ окномъ рѣзкой "зарей" раздеретъ утренній воздухъ.....

Въ скучныя минуты, когда не хотѣлось читать, я толковалъ съ жандармами караулившими меня, особенно съ старикомъ лечившимъ меня отъ угара. Полковникъ въ знакъ милости отряжаетъ старыхъ солдатъ, избавляя ихъ отъ строю, на спокойную должность беречь запертаго человѣка, надъ ними назначается ефрейтеръ, шпіонъ и плутъ. Пять-шесть жандармовъ дѣлали всю службу.

Старикъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ существо простое, доброе и преданное за всякую ласку, которыхъ вѣроятно ему не много доставалось въ жизни. Онъ дѣлалъ кампанію 1812 года, грудь его была покрыта медалями, срокъ свой онъ выслужилъ, и остался по доброй волѣ, не зная куда дѣться. Я два раза, говорилъ онъ, писалъ на родину въ могилевскую губернію, да отвѣта не было, видно изъ моихъ никого больше нѣтъ; — такъ оно какъ-то и жутко на родину придти, побудешь, побудешь да какъ окаянный какой и пойдешь куда глаза глядятъ Христа ради просить. — Какое варварское и безжалостное устройство военной службы въ Россіи, съ ея чудовищнымъ срокомъ! Личность человѣка у насъ вездѣ принесена на жертву безъ малѣйшей пощады, безъ всякаго вознагражденія.

Старикъ Филимоновъ имѣлъ притязанія на знаніе нѣмецкаго языка, которому обучался на зимнихъ квартерахъ послѣ взятія Парижа. Онъ очень удачно перекладывалъ на русскіе нравы нѣмецкія слова — лошадь онъ называлъ ферть, яица — ѣры, рыбу — пишъ, овесъ—оберъ, блины—панкухи.

Въ его разсказахъ былъ характеръ наивности,

наводившій на меня грусть и раздумье. Въ Молдавіи во время турецкой кампаніи 1805 года, онъ былъ въ ротѣ капитана, добрѣйшаго въ мірѣ, который о каждомъ солдатѣ какъ о сынѣ пекся и въ дѣлѣ былъ всегда впереди. "Его приворожила къ себѣ одна Молдаванка, мы видимъ нашъ ротный командеръ въ заботѣ, а онъ знаете того, подмѣтилъ, что Молдованка къ другому офицеру похаживаетъ. Вотъ разъ позвалъ онъ меня и одного товарища, славнаго солдата — ему потомъ подъ Малымъ-Ярославцемъ обѣ ноги оторвало—и сталъ намъ говорить какъ его Молдованка обидѣла, и что хотимъ ли мы помочь ему и дать ей науку. Отъ чего же, говоримъ мы ему, мы вашему высокоблагородію всегда ради стараться. Онъ поблагодарилъ, да и указалъ домъ въ которомъ жилъ офицеръ и говоритъ: вы ночью станьте на мосту она безпремѣнно пойдетъ къ нему, вы ее безъ шума возьмите да и въ рѣку.—Можно молъ, ваше высокоблагородіе, говоримъ мы ему, да и припасли съ товарищемъ мѣшечикъ; сидимъ-съ, только едакъ къ полночи бѣжитъ Молдованка, мы знаете говоримъ ей: что молъ сударыня торопитесь, да и дали ей раза по головѣ, она голубушка не пикнула, мы ее въ мѣшокъ да и въ рѣку. А капитанъ на другой день къ офицеру пришелъ и говоритъ: вы не гнѣвайтесь на Молдованку, мы ее немножко позадержали, она то есть теперь въ рѣкѣ, а съ вами дискать прогуляться можно, на саблѣ или на пистоляхъ какъ угодно. Ну и рубились. Тотъ нашему капитану грудь сильно прохватилъ, почахъ сердечный, одначе мѣсяца черезъ три Богу душу и отдалъ.

—А Молдованка, спросилъ я, такъ и утонула?

—Утонула-съ—отвѣчалъ солдатъ.

Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на дѣтскую беспечность съ которой старый жандармъ мнѣ разсказывалъ эту исторію. И онъ какъ будто догадавшись или подумавъ въ первый разъ о ней, добавилъ успокоивая меня и примиряясь съ совѣстью:

—Язычницы-съ, всё равно что некрещенные, такой народъ.

—Жандармамъ даютъ всякой царской день чарку водки. Вахмистръ дозволялъ Филимонову отказываться разъ пять-шесть отъ своей порціи и получать разомъ всѣ пять-шесть; Филимоновъ мѣтилъ на деревянную бирку сколько стаканчиковъ пропущено и въ самые большіе праздники отправлялся за ними. Водку эту онъ выливалъ въ миску, крошилъ въ нее хлѣбъ и ѣлъ ложкой. Послѣ такой закуски онъ закуривалъ большую трубку на крошечномъ чубучкѣ, табакъ у него былъ крѣпости невѣроятной, онъ его самъ крошилъ и вслѣдствіе этого остроумно называлъ "Санкраше." Куря онъ укладывался на небольшомъ окнѣ — стула въ солдатской комнатѣ не было—согнувшись въ три погибели и пѣлъ пѣсню:

Вышли дѣвки на лужокъ
Гдѣ муравка и цвѣтокъ.

По мѣрѣ того какъ онъ пьянѣлъ, онъ иначе произносилъ слово цвѣтокъ—твѣтокъ, квѣтокъ, хвѣтокъ—дойдя до хвѣтокъ онъ засыпалъ. Каково здоровье человѣка, слишкомъ шестидесяти лѣтъ, два раза раненаго и который выносилъ такіе завтраки?

Прежде нежели я оставлю эти казарменно-фламандскія картины à la Вуверманъ-Кало и эти тюремныя сплетни, похожія на воспоминанія всѣхъ въ неволѣ заключенныхъ—скажу еще нѣсколько словъ объ офицерахъ.

Большая часть между ними были довольно добрые люди, вовсе не шпіоны, а люди случайно занесенные въ жандармскій дивизіонъ. Молодые дворяне, мало или ничему не учившіеся, безъ состоянія, не зная куда преклонить главы, они были жандармами потому, что не нашли другаго дѣла. Должность свою они исполняли со всею военной точностью, но я не замѣчалъ тѣни усердія — исключая впрочемъ адъютанта—но за то онъ и былъ адъютантъ.

Когда офицеры ознакомились со мной, они дѣлали всѣ маленькія льготы и облегченія, которыя отъ нихъ зависѣли, жаловаться на нихъ было бы грѣшно.

Одинъ молодой офицеръ разсказывалъ мнѣ, что въ 1831 году онъ былъ командированъ отыскать и захватить одного польскаго помѣщика, скрывавшагося въ сосѣдствѣ своего имѣнія. Его обвиняли въ сношеніяхъ съ эмисарами. Офицеръ отправился, по собраннымъ свѣдѣніямъ онъ узналъ мѣсто гдѣ укрывался помѣщикъ, явился туда съ командой, оцѣпилъ домъ и взошелъ въ него съ двумя жандармами. Домъ былъ пустой—походили они по комнатамъ, пошныряли, нигдѣ никого, а между прочимъ нѣкоторыя бездѣлицы явно показывали, что въ домѣ недавно были жильцы. Оставя жандармовъ внизу, молодой человѣкъ второй разъ пошелъ на чердакъ; осматривая внимательно, онъ увидѣлъ небольшую дверь,

которая вела къ чулану или къ какой нибудь коморкѣ; дверь была заперта извнутри, онъ толкнулъ ее ногой, она отворилась и высокая женщина, красивая собой, стояла передъ ней; она молча указывала ему на мужчину, державшаго въ своихъ рукахъ дѣвочку лѣтъ двѣнадцати, почти безъ памяти. Это былъ онъ и его семья. Офицеръ смутился. Высокая женщина замѣтила это и спросила его: И вы будете имѣть жестокость погубить ихъ? Офицеръ извинялся, говоря обычныя пошлости о безпрекословномъ повиновеніи, о долгѣ—и наконецъ въ отчаяніи, видя что его слова нисколько не дѣйствуютъ, кончилъ свою рѣчь вопросомъ: Что же мнѣ дѣлать? Женщина гордо посмотрѣла на него и сказала указывая рукой на дверь: Идти внизъ и сказать, что здѣсь никого нѣтъ.—Ей Богу, не знаю, говорилъ офицеръ, какъ это случилось и что со мной было, но я сошелъ съ чердака и велѣлъ унтеру собрать команду. Черезъ два часа мы его усердно искали въ другомъ помѣстьи; пока онъ пробирался за границу. "Ну женщина! — признаюсь!"

...Ничего въ мірѣ не можетъ быть ограниченнѣе и безчеловѣчнѣе какъ оптовыя осужденія цѣлыхъ сословій — по надписи, по нравственному каталогу, по главному характеру цѣха. Названія страшная вещь. Ж. П. Рихтеръ говоритъ съ чрезвычайной вѣрностью: если дитя солжетъ, испугайте его дурнымъ дѣйствіемъ, скажите что онъ солгалъ, но не говорите что онъ лгунъ. Вы разрушаете его нравственное довѣріе къ себѣ, опредѣляя его какъ лгуна. "Это убійца" говорятъ намъ, и намъ тотчасъ ка-

жется спрятанный кинжалъ, звѣрское выраженіе, черные замыслы, точно будто убивать постоянное занятіе, ремесло человѣка — которому случилось разъ въ жизни кого нибудь убить. Нельзя быть шпіономъ, торгашемъ чужого разврата, и честнымъ человѣкомъ, но можно быть жандармскимъ офицеромъ — не утративъ всего человѣческаго достоинства; такъ какъ сплошъ да рядомъ можно найти женственность, нѣжное сердце и даже благородство въ несчастныхъ жертвахъ "общественной невоздержности."

Я имѣю отвращеніе къ людямъ которые не умѣютъ, не хотятъ или не даютъ себѣ труда идти далѣе названія, перешагнуть черезъ преступленіе, черезъ запутанное, ложное положеніе, цѣломудренно отворачиваясь или грубо отталкивая. Это дѣлаютъ обыкновенно отвлеченныя, сухія, себялюбивыя, противныя въ своей чистотѣ натуры или натуры пошлыя, низшія, которымъ еще не удалось или не было нужды заявить себя оффиціально; онѣ по сочувствію дома на грязномъ днѣ, на которое другіе упали.

—

V.

Слѣдствіе—Голицынъ sen.—Голицынъ jun.—Генералъ Стааль Сентенція—Соколовскій.

—

.....Но при всемъ этомъ что же дѣло, что же слѣдствіе и процессъ?

Въ новой Комиссіи дѣло не шло на ладъ какъ въ старой. Полиція слѣдила за нами давно, но нетерпѣливая въ своемъ усердіи не могла дождаться дѣльнаго повода и сдѣлала вздоръ. Она подослала отставнаго офицера Скарятку, чтобъ насъ завлечь, обличить; онъ познакомился почти со всѣмъ нашимъ кругомъ, но мы очень скоро угадали что онъ такое и удалили его отъ себя. Другіе молодые люди, большею частью студенты, не были такъ осторожны, но эти другіе не имѣли съ нами никакой серьезной связи.

Одинъ студентъ окончившій курсъ, давалъ своимъ пріятелямъ праздникъ 24 Іюня 1834 года. Изъ насъ не только не было ни одного на пиру, но никто не былъ приглашенъ. Молодые люди перепились,

дурачились, танцовали мазурку и между прочимъ спѣли хоромъ извѣстную пѣсню Соколовскаго:

Русскій Императоръ
  Въ вѣчность отошелъ,
Ему операторъ
  Брюхо распоролъ.

Плачетъ Государство,
  Плачетъ весь народъ,
Ѣдитъ къ намъ на царство
  Константинъ уродъ.

Но царю вселенной,
  Богу высшихъ силъ,
Царь благословенный
  Грамотку вручилъ.

Манифестъ читая
  Сжалился Творецъ,
Далъ намъ Николая,
  С . . . .

Вечеромъ Скарятка вдругъ вспомнилъ, что это день его имянинъ, разсказалъ исторію какъ онъ выгодно продалъ лошадь и пригласилъ студентовъ къ себѣ, обѣщая дюжину шампанскаго. Всѣ поѣхали. Шампанское явилось и хозяинъ покачиваясь предложилъ еще разъ спѣть пѣсню Соколовскаго. Середь пѣнія отворилась дверь, взошелъ Цинскій съ полиціей. Все это было грубо, глупо, неловко и притомъ неудачно.

Полиція хотѣла захватить насъ, она искала внѣшній поводъ запутать въ дѣло человѣкъ пять-шесть,

до которыхъ добирались, — и захватила двадцать человѣкъ невинныхъ.

Но русскую полицію трудно сконфузить. Черезъ двѣ недѣли арестовали насъ какъ соприкосновенныхъ къ дѣлу праздника. У Соколовскаго нашли письма Н. М., у Н. М. письма Огарева, у Огарева мои, — тѣмъ не менѣе ничего не раскрывалось. Первое слѣдствіе не удалось. Для большаго успѣха второй комиссіи, государь послалъ изъ Петербурга отборнѣйшаго изъ инквизиторовъ, А. Ѳ. Голицына.

Порода эта у насъ рѣдка. Къ ней принадлежалъ извѣстный начальникъ третьяго отдѣленія Мордвиновъ, виленскій ректоръ Пеликанъ, да нѣсколько служилыхъ Остзейцевъ и падшихъ Поляковъ. (*)

Но на бѣду инквизиціи, первымъ членомъ былъ назначенъ московскій комендантъ Стааль. Стааль — прямодушный воинъ, старый, храбрый генералъ, разобралъ дѣло и нашелъ что оно состоитъ изъ двухъ обстоятельствъ не имѣющихъ ничего общаго между собой: изъ дѣла о праздникѣ, за который слѣдуетъ полицейски наказать, и изъ ареста людей захваченныхъ Богъ знаетъ почему, которыхъ вся видимая вина въ какихъ-то полувысказанныхъ мнѣніяхъ, за которыя судить и трудно и смѣшно.

Мнѣніе Стааля не понравилось Голицыну младшему. Споръ ихъ принялъ колкій характеръ; старый воинъ вспыхнулъ отъ гнѣва, ударилъ своей саблей по полу и сказалъ вмѣсто того чтобъ губить людей,

(*) Къ вновь возникнимъ талантамъ принадлежитъ извѣстный Липранди—подававшій проэктъ объ учрежденіи Академіи шпіонства. (1858)

вы бы лучше сдѣлали представленіе о закрытіи всѣхъ школъ и университетовъ — это предупредитъ другихъ несчастныхъ—а впрочемъ вы можете дѣлать что хотите, но дѣлать безъ меня, нога моя не будетъ въ комиссіи. — Съ этими словами старикъ поспѣшно оставилъ залу.

Въ тотъ-же день это было донесено государю.

Утромъ когда комендантъ явился съ рапортомъ, государь спросилъ его зачѣмъ онъ не хочетъ ѣздить въ комиссію?—Стааль разсказалъ зачѣмъ.

— Что за вздоръ? возразилъ императоръ, ссориться съ Голицынымъ, какъ не стыдно? я надѣюсь что ты попрежнему будешь въ комиссіи.

— Государь, отвѣтилъ Стааль, пощадите мои сѣдые волосы, я дожилъ до нихъ безъ малѣйшаго пятна. Мое усердіе извѣстно В. В., кровь моя, остатокъ дней принадлежать вамъ. Но тутъ дѣло идетъ о моей чести—моя совѣсть возстаетъ противъ того что дѣлается въ комиссіи.

Государь сморщился, Стааль откланялся и въ комиссіи не былъ ни разу съ тѣхъ поръ.

Этотъ анекдотъ, котораго вѣрность не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, бросаетъ большой свѣтъ на характеръ Николая. Какъ же ему не пришло въ голову, что если человѣкъ которому онъ не отказываетъ въ уваженіи, храбрый воинъ, заслуженный старецъ—такъ упирается и такъ умоляетъ пощадить его честь, что стало быть дѣло не совсѣмъ чисто? Меньше нельзя было сдѣлать какъ потребовать на лицо Голицына и велѣть Стаалю при немъ объяснить дѣло. Онъ этого не сдѣлалъ, а велѣлъ насъ строже содержать.

Послѣ него въ комиссіи остались одни враги подсудимыхъ подъ председательствомъ простинькаго старичка, князя С. М. Голицына который черезъ девять мѣсяцевъ также мало зналъ дѣло какъ девять мѣсяцевъ прежде его начала. Онъ хранилъ важно молчаніе, рѣдко вступалъ въ разговоръ и при окончаніи допроса всякой разъ спрашивалъ: Его можно отпустить? — Можно, отвѣчалъ Голицынъ junior, и senior важно говорилъ арестанту: Ступайте!

Первый допросъ мой продолжался четыре часа.

Вопросы были двухъ родовъ. Одни имѣли цѣлью раскрыть образъ мыслей "несвойственный духу правительства, мнѣнія революціонныя и проникнутыя пагубнымъ ученіемъ Сенъ-Симона" — такъ выражался Голицынъ junior и аудиторъ Оранскій.

Эти вопросы были легки, но не были вопросы. Въ захваченныхъ бумагахъ и письмахъ мнѣнія были высказаны довольно просто; вопросы собственно могли относиться къ вещественному факту, писалъ ли человѣкъ или нѣтъ такія строки. Коммиссія сочла нужнымъ прибавлять къ каждой выписанной фразѣ: "какъ вы объясните слѣдующее мѣсто вашего письма?"

Разумѣется, объяснять было нечего, я писалъ уклончивыя и пустыя фразы въ отвѣтъ. Въ одномъ письмѣ аудиторъ открылъ фразу: "всѣ конституціонныя хартіи ни къ чему не ведутъ, это контракты между господиномъ и рабами; задача не въ томъ чтобъ рабамъ было лучше, но чтобъ не было рабовъ." Когда мнѣ пришлось объяснять эту фразу, я замѣтилъ

что я не вижу никакой обязанности защищать конституціонное правительство, и что еслибъ я его защищалъ, меня въ этомъ обвинили бы.

— На конституціонную форму можно нападать съ двухъ сторонъ — замѣтилъ своимъ нервнымъ, шипящимъ голосомъ Голицынъ junior,—вы не съ монархической точки нападаете, а то вы не говорили бы о рабахъ."

— Въ этомъ отношеніи я дѣлю ошибку съ императрицей Екатериной II, которая не велѣла своимъ подданнымъ зваться рабами.

Голицынъ junior, задыхаясь отъ злобы за этотъ ироническій отвѣтъ, сказалъ мнѣ: Вы вѣрно думаете что мы здѣсь собираемся для того, чтобъ вести схоластическіе споры, вы думаете что вы въ университетѣ защищаете диссертацію?

— За чѣмъ-же вы требуете объясненій?

— Вы дѣлаете видъ будто не понимаете чего отъ васъ хотятъ?

— Не понимаю.

— Какая у нихъ у всѣхъ упорность, прибавилъ председатель. Голицынъ junior пожалъ плечами и взглянулъ на жандармскаго полковника Шубенскаго. Я улыбнулся. "Точно Огаревъ", довершилъ добрѣйшій председатель.

Сдѣлалась пауза. Коммесія собиралась въ библіотекѣ князя Сергѣя Михайловича, я обернулся къ шкафамъ и сталъ смотрѣть книги. Между прочимъ тутъ стояло много-томное изданіе записокъ герцога Сенъ-Симона.—Вотъ, сказалъ я, обращаясь къ председателю, какая несправедливость? я подъ слѣдствіемъ

за Сенъ-Симонизмъ, а у васъ, князь, томовъ двадцать его сочиненій?

Такъ какъ добрякъ отродясь ничего не читалъ, то онъ и не нашелся что отвѣчать. Но Голицынъ jun. взглянулъ на меня глазами эхидны и спросилъ: Что вы не видите, что-ли? что это записки герцога С. Симона, который былъ при Людовикѣ XIV?

Предсѣдатель улыбнулся, сдѣлалъ мнѣ знакъ головой выражавшій: Что братъ обмишурился? и сказалъ: Ступайте.

Когда я былъ въ дверяхъ, предсѣдатель спросилъ: Вѣдь это онъ писалъ о Петрѣ I, вотъ что вы мнѣ показывали?

— Онъ, отвѣчалъ Шубенскій.

Я пріостановился.

— Il a des moyens — замѣтилъ предсѣдатель.

— Тѣмъ хуже. Ядъ въ ловкихъ рукахъ опаснѣе, прибавилъ инквизиторъ—превредный и совершенно неисправимый молодой человѣкъ.....

Приговоръ мой лежалъ въ этихъ словахъ.

A propos къ Сенъ-Симону. Когда полицмейстеръ бралъ бумаги и книги у Огарева, онъ отложилъ томъ исторіи французской революціи Тьера, потомъ нашелъ другой...третій...восьмой. Наконецъ онъ не вытерпѣлъ и сказалъ: Господи! какое количество революціонныхъ книгъ.....И вотъ еще, прибавилъ онъ, отдавая квартальному рѣчь Кювье sur les révolutions du globe terrestre.

Другой порядокъ вопросовъ былъ запутаннѣе. Въ нихъ употреблялись разныя полицейскія уловки и слѣдственныя шалости чтобы сбить, запутать,

натянуть противурѣчіе. Тутъ дѣлались намеки на показанія другихъ и разныя нравственныя пытки. Разсказывать ихъ не стоитъ, довольно сказать что между нами четырьмя при всѣхъ своихъ уловкахъ они не могли натянуть, ни одной очной ставки.

Получивъ послѣдній вопросъ, я сидѣлъ одинъ въ небольшой комнатѣ гдѣ мы писали. Вдругъ отворилась дверь и взошелъ Голицынъ jun. съ печальнымъ и озабоченнымъ видомъ. Я, сказалъ онъ, пришелъ поговорить съ вами передъ окончаніемъ вашихъ показаній. Давнишняя связь моего покойнаго отца съ вашимъ заставляютъ меня принимать въ васъ особенное участіе. Вы молоды и можете еще сдѣлать карьеру; для этого вамъ надобно выпутаться изъ дѣла .....а это зависитъ по счастію отъ васъ. Вашъ отецъ очень принялъ къ сердцу вашъ арестъ и живетъ теперь надеждой, что васъ выпустятъ; мы съ княземъ Сергѣемъ Михайловичемъ сейчасъ говорили объ этомъ и искренно готовы многое сдѣлать; дайте намъ средства помочь.

Я видѣлъ куда шла его рѣчь — кровь у меня бросилась въ голову—я съ досадой грызъ перо.

Онъ продолжалъ: вы идете прямо подъ бѣлый ремень или въ казематы, по дорогѣ вы убьете отца, онъ дня не переживетъ увидѣвъ васъ въ сѣрой шинели.

Я хотѣлъ что-то сказать, но онъ перервалъ мои слова.—Я знаю что вы хотите сказать. Потерпите немного. Что у васъ были замыслы противъ правительства, это очевидно. Для того чтобъ обратить на васъ монаршую милость—намъ надобны доказательства вашего раскаянія. Вы запираетесь во

всемъ, уклоняетесь отъ отвѣтовъ и изъ должнаго чувства чести бережете людей, о которыхъ мы знаемъ больше нежели вы, и которые не были такъ скромны какъ вы;(*) вы имъ не поможете а они васъ стащатъ съ собой въ пропасть. Напишите письмо въ комиссію, просто, откровенно, скажите что вы чувствуете свою вину, что вы были увлечены по молодости лѣтъ, назовите несчастныхъ заблудшихъ людей которые вовлекли васъ.....Хотите ли вы этой легкой цѣной искупить вашу будущность? —и жизнь вашего отца?

— Я ничего не знаю и не прибавлю къ моимъ показаніямъ ни слова, отвѣтилъ я.

Голицынъ всталъ и сказалъ сухимъ голосомъ: А такъ вы не хотите?—не наша вина. —Этимъ заключились допросы.

Въ Генварѣ или Февралѣ 1835 года я былъ въ послѣдній разъ въ комиссіи. Меня призвали перечитать мои отвѣты, добавить, если хочу, и подписать. Одинъ Шубенскій былъ на лицо. Окончивъ чтеніе я сказалъ ему: — Хотѣлось бы мнѣ знать въ чемъ можно обвинить человѣка по этимъ вопросамъ и по этимъ отвѣтамъ? Подъ какую статью Свода вы подведете меня?

— Сводъ законовъ назначенъ для преступленій другого рода — замѣтилъ голубой полковникъ.

— Это дѣло иное. Перечитывая всѣ эти литературныя упражненія, я не могу повѣрить что въ

(*) Нужно ли говорить что это была наглая ложъ, пошлая полицейская уловка.

этомъ-то всё дѣло, по которому я сижу въ тюрьмѣ седьмой мѣсяцъ.

— Да вы въ самомъ дѣлѣ воображаете, возразилъ Шубенскій, что мы такъ и повѣрили вамъ, что у васъ не составлялось тайнаго общества?

— Гдѣ же это общество? спросилъ я.

— Ваше счастіе что слѣдовъ не нашли, что вы не успѣли ничего надѣлать. Мы во время васъ остановили, то-есть, просто сказать, мы спасли васъ.

Опять исторія слесарши Пошлепиной и ея мужа въ ревизорѣ.

Когда я подписалъ, Шубенскій позвонилъ и велѣлъ позвать священника. Священникъ взошелъ и подписалъ подъ моей подписью, что всѣ показанія мною сдѣланы были добровольно и безъ всякаго насилія. Само собою разумѣется, что онъ не былъ при допросахъ и что даже не спросилъ меня изъ приличія какъ и что было — (а это опять мой добросовѣстный за воротами!)

По окончаніи слѣдствія тюремное заключеніе нѣсколько ослабили. Близкіе родные могли доставать въ Ордонансъ-гаузѣ дозволеніе видѣться. — Такъ прошли еще два мѣсяца.

Въ половинѣ Марта приговоръ нашъ былъ утвержденъ; никто не зналъ его содержанія; одни говорили, что насъ посылаютъ на Кавказъ, другіе — что насъ свезутъ въ Бобруйскъ, третьи надѣялись, что всѣхъ выпустятъ (такого было мнѣніе Стааля, посланное имъ особо государю; онъ предлагалъ вмѣнить намъ тюремное заключеніе въ наказаніе.)

Наконецъ насъ собрали всѣхъ двадцатаго Марта

къ князю Голицыну для слушанія приговора. Это былъ праздникомъ праздникъ. Тутъ мы увидѣлись въ первый разъ послѣ ареста.

Шумно, весело, обнимаясь и пожимая другъ другу руки, стояли мы, окруженные цѣпью жандармскихъ и гарнизонныхъ офицеровъ. Свиданіе одушевило всѣхъ; разспросамъ, анекдотамъ не было конца.

Соколовскій былъ на лицо, нѣсколько похудѣвшій и блѣдный, но во всемъ блескѣ своего юмора.

Соколовскій, авторъ "Мірозданія", "Хевери" и другихъ довольно хорошихъ стихотвореній, имѣлъ отъ природы большой поэтическій талантъ, но не довольно дико-самобытный, чтобъ обойтись безъ развитія, и не довольно образованный, чтобъ развиться. Человѣкъ благородный, поэтъ въ жизни, онъ вовсе не былъ политическимъ человѣкомъ. Онъ былъ милъ, забавенъ, любезенъ, веселый товарищъ въ веселыя минуты, bon vivant, любившій покутить и поразвратничать — какъ мы всѣ, можетъ немного больше.

Ему было за тридцать лѣтъ. Сочиненія его тогда были въ модѣ, ему платили хорошія деньги, но онъ всегда былъ безъ гроша. Въ первыя сутки онъ проживалъ всё полученное.

Попавшись невзначай съ оргій и вакханалій въ тюрьму, Соколовскій превосходно себя велъ, онъ выросъ въ острогѣ. Аудиторъ Коммиссіи, педантъ, піетистъ, сыщикъ, похудѣвшій и посѣдѣвшій въ зависти, стяжаніи и ябѣдахъ, спросилъ Соколовскаго, не смѣя изъ преданности къ престолу и религіи понимать грамматическаго смысла послѣднихъ двухъ стиховъ:

— Къ кому относятся дерзкія слова въ концѣ пѣсни?

— Будьте увѣрены, сказалъ Соколовскій, что не къ государю а къ Богу, я особенно обращаю ваше вниманіе на эту облегчающую причину.

Аудиторъ пожалъ плечами, возвелъ глаза горе, и, долго молча посмотрѣвъ на Соколовскаго, понюхалъ табаку.

Соколовскаго содержали хуже всѣхъ; онъ былъ въ московскомъ острогѣ, въ секретномъ отдѣленіи, въ темной канурѣ — но, какъ я сказалъ, нисколько не уныл, и тѣшилъ насъ всѣхъ разсказами.

.....Пришелъ Голицынъ en grande tenue въ голубой лентѣ. Цынскій въ свитскомъ мундирѣ, даже Аудиторъ Оранскій надѣлъ какой-то свѣтло-зеленой штатско-военный мундиръ, для такой радости. Комендантъ, разумѣется, не пріѣхалъ.

Шумъ и смѣхъ между тѣмъ до того возрастали, что аудиторъ грозно вышелъ въ залу и замѣтилъ, что громкій разговоръ и особенно смѣхъ показываютъ пагубное неуваженіе къ высочайшей волѣ, которую мы должны услышать.

Двери растворились. Офицеры раздѣлили насъ на три отдѣла; въ первомъ были: Соколовскій, живописецъ Уткинъ и офицеръ Ибаевъ; во второмъ были мы; въ третьемъ tutti frutti.

Приговоръ прочли особо первой категоріи,—онъ былъ ужасенъ; обвиненные въ оскорбленіи величества, они ссылались въ Шлюссельбургъ на безсрочное время.

Всѣ трое выслушали геройски этотъ дикой приго-

воръ. Уткинъ умеръ черезъ два года въ казематѣ. Соколовскаго выпустили полумертваго на Кавказъ, онъ умеръ въ Пятигорскѣ. Какой-то остатокъ стыда и совѣсти заставилъ правительство послѣ смерти двоихъ перевести третьяго въ Пермь. Ибаевъ умеръ по своему, онъ сдѣлался мистикомъ.

Уткинъ, "вольный художникъ содержащійся въ острогѣ", какъ онъ подписывался подъ допросами, былъ человѣкъ лѣтъ сорока; онъ никогда не участвовалъ ни въ какомъ политическомъ дѣлѣ, но, благородный и порывистый, онъ давалъ волю языку въ коммиссіи, былъ рѣзокъ и грубъ съ членами. Его за это уморили въ сыромъ казематѣ, въ которомъ вода текла со стенъ.

Ибаевъ былъ виноватѣе другихъ только эполетами. Не будь онъ офицеръ, его никогда бы такъ не наказали. Человѣкъ этотъ попалъ на какую-то пирушку, вѣроятно пилъ и пѣлъ какъ всѣ прочіе, но навѣрное не болѣе и не громче другихъ.

Пришелъ нашъ чередъ. Оранскій протеръ очки, откашлянулъ и принялся благоговѣйно возвѣщать высочайшую волю. Въ ней было изображено: что государь, разсмотрѣвъ докладъ коммиссіи и взявъ въ особенное вниманіе молодыя лѣта преступниковъ, повелѣлъ подъ судъ насъ не отдавать, а объявить намъ, что по закону слѣдовало бы насъ, какъ людей уличенныхъ въ оскорбленіи величества пѣніемъ возмутительныхъ пѣсенъ, лишить живота, а въ силу другихъ законовъ сослать на вѣчную каторжную работу. Вмѣсто чего государь, въ безпредѣльномъ милосердіи своемъ, большую часть виновныхъ

прощаетъ, оставляя ихъ на мѣстѣ жительства подъ надзоромъ полиціи. Болѣе-же виноватыхъ повелѣваетъ подвергнуть исправительнымъ мѣрамъ, состоящимъ въ отправленіи ихъ на безсрочное время въ дальнія губерніи на гражданскую службу и подъ надзоръ мѣстнаго начальства.

Этихъ болѣе виновныхъ нашлось шестеро; первое имя было мое. Я назначался въ Пермь. Въ числѣ осужденныхъ былъ Лахтинъ, который вовсе не былъ арестованъ. Когда его позвали въ комиссію слушать сентенцію, онъ думалъ, что это для страха, для того, чтобъ онъ казнился, глядя какъ другихъ наказываютъ. Разсказывали, что кто-то изъ близкихъ князя Голиц‿ына, сердясь на его жену, удружилъ ему этимъ сюрпризомъ. Слабый здоровьемъ, онъ года черезъ три умеръ въ ссылкѣ.

Когда Оранскій окончилъ чтеніе, выступилъ полковникъ Шубенскій. Онъ отборными словами и ломоносовскимъ слогомъ объявилъ намъ, что мы обязаны предстательству того благороднаго вельможи, который предсѣдательствовалъ въ комиссіи, что государь былъ такъ милосердъ.

Шубенскій ждалъ, что при этомъ словѣ всѣ примутся благодарить князя ; но вышло не такъ.
Нѣсколько изъ прощенныхъ кивнули головой, да и то украдкой глядя на насъ.

Мы стояли сложа руки, нисколько не показывая вида что сердце наше тронуто царской и княжеской милостью.

Тогда Шубенскій выдумалъ другую уловку, и обращаясь къ Огареву, сказалъ: Вы ѣдете въ Пензу,

неужели вы думаете что это случайно? Въ Пензѣ лежитъ въ параличѣ вашъ отецъ, князь просилъ государя вамъ назначить этотъ городъ для того чтобъ ваше присутствіе сколько нибудь ему облегчило ударъ вашей ссылки. Неужели и вы не находите причины благодарить князя?

Дѣлать было нечего, Огаревъ слегка поклонился. Вотъ изъ чего они бились.

Добринькому старику это понравилось и онъ, не знаю почему, вслѣдъ за тѣмъ позвалъ меня. Я вышелъ впередъ съ святѣйшимъ намѣреніемъ, что бы онъ и Шубенскій ни говорили, не благодарить; къ тому-же меня посылали дальше всѣхъ и въ самый скверный городъ.

— А вы ѣдете въ Пермь — сказалъ князь.

Я молчалъ.—Князь срѣзался, и чтобъ что-нибудь сказать прибавилъ: У меня тамъ есть имѣніе.

— Вамъ угодно что нибудь поручить черезъ меня вашему старостѣ? спросилъ я улыбаясь.

— Я такимъ людямъ, какъ вы, ничего не поручаю . . . . . карбонаріямъ—добавилъ находчивый князь.

— Что же вы желаете отъ меня?

— Ничего.

— Мнѣ показалось, что вы меня позвали.

— Вы можете идти — перервалъ Шубенскій.

— Позвольте, возразилъ я, благо я здѣсь, вамъ напомнить, что вы, полковникъ, мнѣ говорили когда я былъ въ послѣдній разъ въ комиссіи, что меня никто не обвиняетъ въ дѣлѣ праздника, а въ приго-

ворѣ сказано, что я одинъ изъ виновныхъ по этому дѣлу. Тутъ какая нибудь ошибка.

— Вы хотите возражать на высочайшее рѣшеніе? замѣтилъ Шубенскій—смотрите какъ бы Пермь не перемѣнилась на что-нибудь худшее. Я ваши слова велю записать.

— Я объ этомъ хотѣлъ просить. Въ приговорѣ: сказано по докладу комиссіи, я возражаю на вашъ докладъ а не на высочайшую волю. Я шлюсь на князя, что мнѣ не было даже вопроса ни о праздникѣ, ни о какихъ пѣсняхъ.

— Какъ будто вы не знаете, сказалъ Шубенскій, начинавшій блѣднѣть отъ злобы, что ваша вина въ десятеро больше тѣхъ, которые были на праздникѣ. Вотъ, онъ указалъ пальцемъ на одпаго изъ прощенныхъ, вотъ онъ подъ пьяную руку спѣлъ мерзость, да послѣ на колѣнкахъ со слезами просилъ прощенія. Ну вы—еще отъ всякаго раскаянія далеки.

Господинъ, на котораго указалъ полковникъ, промолчалъ и понурилъ голову побагровѣвъ въ лицѣ..... Урокъ былъ хорошъ. Вотъ и дѣлай послѣ подлости.....

—Позвольте, не о томъ рѣчь, продолжалъ я, велика-ли моя вина или нѣтъ; но если я убійца, я не хочу чтобъ меня считали воромъ. Я не хочу чтобъ обо мнѣ, даже оправдывая меня, сказали что я то-то надѣлалъ "подъ пьяную руку", какъ вы сейчасъ выразились.

— Еслибъ у меня былъ сынъ, родной сынъ, съ такой закоснѣлостью, я бы самъ попросилъ государя сослать его въ Сибирь.

Тутъ оберъ-полицмейстеръ вмѣшалъ въ разговоръ

какой - то безсвязный вздоръ. Жаль что не было меньшаго Голицына, вотъ былъ бы случай поораторствовать.

Всё это, разумѣется, окончилось ничѣмъ.

Лахтинъ подошелъ къ князю Голицыну и просилъ отложить отъѣздъ. — Моя жена беременна—сказалъ онъ.—Въ этомъ я не виноватъ—отвѣчалъ Голицынъ. Звѣрь, бѣшеная собака, когда кусается, дѣлаетъ серьезный видъ, поджимаетъ хвостъ—а этотъ юродивый вельможа, аристократъ, да притомъ съ славой добраго человѣка....не постыдился этой подлой шутки.

.....Мы остановились еще разъ на четверть часа въ залѣ, вопреки ревностнымъ увѣщеваніямъ жандармскихъ и полицейскихъ офицеровъ — крѣпко обнялись мы другъ съ другомъ и простились на долго. Кромѣ Оболенскаго я никого не видѣлъ до возвращенія изъ Вятки.

Отъѣздъ былъ передъ нами.

Тюрьма продолжала еще прошлую жизнь; но съ отъѣздомъ въ глушь, она обрывалась.

Юношеское существованіе въ нашемъ дружескомъ кружкѣ оканчивалось.

Ссылка продолжится навѣрное нѣсколько лѣтъ. Гдѣ и какъ встрѣтимся мы—и встрѣтимся ли?....

Жаль было прежней жизни—и такъ круто приходилось ее оставить.....не простясь. Видѣть Огарева я не имѣлъ надежды. Двое изъ друзей добрались ко мнѣ въ послѣдніе дни, но этого мнѣ было мало.

Еще бы разъ увидѣть мою юную утѣшительницу, пожать ей руку, какъ я пожалъ ей на кладбищѣ..... Въ ея лицѣ хотѣлъ я проститься съ былымъ и встрѣтиться съ будущимъ.....

Мы увидѣлись на нѣсколько минутъ—9 Апрѣля 1835 г.—на канунѣ моего отправленія въ ссылку.

Долго святилъ я этотъ день въ моей памяти, это одно изъ счастливѣйшихъ мгновеній въ моей жизни.

.....Зачѣмъ же воспоминаніе объ этомъ днѣ, и обо всѣхъ свѣтлыхъ дняхъ моего былого, напоминаютъ такъ много страшнаго? могилу, вѣнокъ изъ темно красныхъ розъ, двухъ дѣтей которыхъ я держалъ за руки—факелы, толпу изгнанниковъ, мѣсяцъ, теплое море подъ горой, рѣчь которую я не понималъ и которая рѣзала мнѣ сердце.....

Все прошло!

—

VI.

Ссылка — Городничій — Волга — Пермь.

—

Утромъ 10 Апрѣля жандармскій офицеръ привезъ меня въ домъ генералъ-губернатора. Тамъ въ секретномъ отдѣленіи канцеляріи позволено было родственникамъ проститься со мною.

Разумѣется, всё это было не ловко и щемило душу — шныряющіе шпіоны, писаря, чтеніе инструкціи жандарму, который долженъ былъ меня везти, невозможность сказать что нибудь безъ свидѣтелей — словомъ, оскорбительнѣе и печальнѣе обстановки нельзя было придумать.

Я вздохнулъ когда коляска покатилась наконецъ по Владимiркѣ.

Per me si va nella cita dolenta
Per me si va nel eterno dolore —

На станціи гдѣ-то я написалъ эти два стиха, которые равно хорошо идутъ къ преддверію ада и къ сибирскому тракту.

Въ семи верстахъ отъ Москвы есть трактиръ, называемый "Перовымъ". Тамъ меня обѣщался ждать одинъ изъ близкихъ друзей. Я предложилъ жандарму выпить водки, онъ согласился; отъ городу было далеко. Мы взошли, но пріятеля тамъ не было. Я мѣшкалъ въ трактирѣ всѣми способами, жандармъ не хотѣлъ больше ждать, ямщикъ трогалъ коней — вдругъ несется тройка и прямо къ трактиру, я бросился къ двери ..... двое незнакомыхъ гулящихъ купеческихъ сынковъ — шумно слезали съ телеги. Я посмотрѣлъ въ даль — ни одной движущейся точки, ни одного человѣка не было видно на дорогѣ къ Москвѣ . . . . горько было садиться и ѣхать. Я далъ двугривенный ямщику, и мы понеслись какъ изъ лука стрѣла.

Мы ѣхали не останавливаясь; жандарму велѣно было дѣлать не менѣе двухъ сотъ верстъ въ сутки. Это было бы сносно — но только не въ началѣ апрѣля. Дорога мѣстами была покрыта льдомъ, мѣстами водой и грязью; притомъ, подвигаясь къ Сибири, она становилась хуже и хуже съ каждой станціей.

Первый путевой анекдотъ былъ въ Покровѣ.

Мы потеряли нѣсколько часовъ за льдомъ, который шелъ по рѣкѣ, прерывая всѣ сношенія съ другимъ берегомъ. Жандармъ торопился; вдругъ станціонный смотритель въ Покровѣ объявляетъ, что лошадей нѣтъ. Жандармъ показываетъ, что въ подорожной сказано: давать изъ курьерскихъ, если нѣтъ почтовыхъ. Смотритель отзывается, что лошади взяты подъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Какъ разумѣется, жандармъ сталъ спорить, шумѣть, смо-

трителъ побѣжалъ доставать обывательскихъ лошадей. Жандармъ отправился съ нимъ.

Надоѣло мнѣ дожидаться ихъ въ нечистой комнатѣ станціоннаго смотрителя. Я вышелъ за ворота и сталъ ходить передъ домомъ. Это была первая прогулка безъ солдата послѣ девятимѣсячнаго заключенія.

Я ходилъ съ полчаса, какъ вдругъ повстрѣчался мнѣ человѣкъ въ мундирномъ сертукѣ безъ эполетъ и съ голубымъ pour le mérite на шеѣ. Онъ съ чрезвычайной настойчивостью посмотрѣлъ на меня, прошелъ, тотчасъ возвратился, и съ дерзкимъ видомъ спросилъ меня: Васъ везетъ жандармъ въ Пермь? Меня, отвѣчалъ я, не останавливаясь.—Позвольте, позвольте, да какъ же онъ смѣетъ.....

—Съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

—Я здѣшній городничій—отвѣтилъ незнакомецъ голосомъ въ которомъ звучало глубокое сознаніе высоты такого общественнаго положенія. Прошу покорно, я съ часу на часъ жду товарища министра —а тутъ политическіе арестанты по улицамъ прогуливаются. Да что же это за оселъ жандармъ?

—Не угодно-ли вамъ адресоваться къ самому жандарму?

—Не адресоваться, — а я его арестую, я ему велю влепить сто палокъ, а васъ отправлю съ полицейскимъ.

Я кивнулъ ему головой, не дожидаясь окончанія рѣчи, быстрыми шагами пошелъ въ станціонный домъ. Въ окно мнѣ было слышно какъ онъ горячился съ жандармомъ, какъ грозилъ ему. Жандармъ извинялся, но, кажется, мало былъ испуганъ. Минуты

черезъ три они взошли оба, я сидѣлъ обернувшись къ окну и не смотрѣлъ на нихъ.

Изъ вопросовъ городничаго жандарму я тотчасъ увидѣлъ, что онъ снѣдаемъ желаніемъ узнать за какое дѣло, почему и какъ я сосланъ. Я упорно молчалъ. Городничій началъ безличную рѣчь между мною и жандармомъ: "Въ наше положеніе никто не хочетъ взойти. Что мнѣ весело что-ли браниться съ солдатомъ или дѣлать непріятности человѣку, котораго я отродясь не видалъ? Отвѣтственность,—городничій—хозяинъ города. Что бы ни было, отвѣчай; казначейство обокрадутъ—виноватъ; церковь сгорѣла—виноватъ; пьяныхъ много на улицѣ—виноватъ; вина мало пьютъ—тоже виноватъ; (послѣднее замѣчаніе ему очень понравилось и онъ продолжалъ болѣе веселымъ тономъ) хорошо, вы меня встрѣтили, ну встрѣтили бы министра, да тоже бы эдакъ мимо, а тотъ спросилъ бы: Какъ, политическій арестантъ гуляетъ?—городничаго подъ судъ"...

Мнѣ наконецъ надоѣло его краснорѣчіе и я, обращаясь къ нему, сказалъ: „Дѣлайте все что вамъ приказываетъ служба, но я васъ прошу избавить меня отъ поученій. Изъ вашихъ словъ я вижу, что вы ждали, чтобъ я вамъ поклонился. Я не имѣю привычки кланяться незнакомымъ.

Городничій сконфузился.

У насъ все такъ, кто первый дастъ отстрастку, начнетъ кричать, тотъ и одержитъ верхъ. Если говоря съ начальникомъ вы ему позволите поднять голосъ, вы пропали; услышавъ себя кричащимъ, онъ сдѣлается дикой звѣрь. Если же при первомъ

грубомъ словѣ вы закричали, онъ непремѣнно испугается и уступитъ, думая что вы съ характеромъ и что такихъ людей не надобно слишкомъ дразнить.

Городничій услалъ жандарма спросить что лошади, и обращаясь ко мнѣ, замѣтилъ въ родѣ извиненія: Я это больше для солдата и сдѣлалъ, вы не знаете что такое нашъ солдатъ—ни малѣйшаго попущенія не слѣдуетъ допускать, но повѣрьте, я умѣю различать людей—позвольте васъ спросить, какой несчастный случай...

— По окончаніи дѣла намъ запретили разсказывать.

—Въ такомъ случаѣ...конечно...я не смѣю...и взглядъ городничаго выразилъ муку любопытства. Онъ помолчалъ. — У меня былъ родственникъ дальній, онъ сидѣлъ съ годъ въ петропавловской крѣпости, знаете тоже, сношенія—позвольте, у меня это на душѣ, вы кажется все еще сердитесь? Я человѣкъ военный, строгій, привыкъ; по семнадцатому году поступилъ въ полкъ, у меня нравъ горячій, но черезъ минуту все прошло. Я вашего жандарма оставлю въ покоѣ, чортъ съ нимъ совсѣмъ...

Жандармъ взошелъ съ докладомъ, что ранѣе часа лошадей нельзя пригнать съ выгона.

Городничій объявилъ ему, что онъ прощаетъ его по моему ходатайству; потомъ, обращаясь ко мнѣ, прибавилъ: И вы ужъ не откажите въ моей просьбѣ, и въ доказательство что не сердитесь—я живу черезъ два дома отсюда,—позвольте васъ просить позавтракать чѣмъ Богъ послалъ.

Это было такъ смѣшно послѣ нашей встрѣчи, что

я пошелъ къ городничему и ѣлъ его балыкъ и его икру и пилъ его водку и мадеру.

Онъ до того разлюбезничался, что разсказалъ мнѣ всѣ свои семейныя дѣла, даже семилѣтнюю болѣзнь жены. Послѣ завтрака онъ съ гордымъ удовольствіемъ взялъ съ вазы, стоявшей на столѣ, письмо и далъ мнѣ прочесть "стихотвореніе" его сына, удостоенное публичнаго чтенія на экзаменѣ въ кадетскомъ корпусѣ. Одолживъ меня такими знаками несомнѣннаго довѣрія, онъ ловко перешелъ къ вопросу косвенно поставленному о моемъ дѣлѣ. На этотъ разъ я долею удовлетворилъ городничаго.

Городничій этотъ напомнилъ мнѣ того секретаря уѣзднаго суда, о которомъ разсказывалъ намъ Щ. "Девять исправниковъ перемѣнились, а секретарь оставался безсмѣнно и управлялъ по прежнему уѣздомъ. Какъ это вы ладите со всѣми? спросилъ его Щ. Ничего-съ, съ Божіей помощью обходимся кой-какъ. Иной, точно, сначала такой сердитый, бьетъ передними и задними ногами, кричитъ, ругается и въ отставку, говоритъ, выгоню и въ губернію, говоритъ, отпишу — ну знаете, наше дѣло подчиненное, смолчишь и думаешь: дай срокъ, надорвется еще, такъ это еще первая упряжка. И дѣйствительно, глядишь — куда потомъ въ ѣздѣ хорошъ."

...Когда мы подъѣхали къ Казани, Волга была во всемъ блескѣ весенняго разлива; цѣлую станцію, отъ Услона до Казани, надобно было плыть на досчаникѣ, рѣка разливалась верстъ на пятнадцать или больше. День былъ ненастный. Перевозъ остановился, мно-

жество телегъ и всякихъ повозокъ ждали на берегу.

Жандармъ пошелъ къ смотрителю и требовалъ досчаника. Смотритель давалъ его нехотя говорилъ, что впрочемъ лучше обождать, что неровенъ часъ. Жандармъ торопился, потому что былъ пьянъ, потому что хотѣлъ показать свою власть.

Уставили мою коляску на небольшомъ досчаникѣ и мы поплыли. Погода, казалось, утихла; Татаринъ черезъ полчаса поднялъ парусъ, какъ вдругъ утихавшая буря снова усилилась. Насъ понесло съ такой силой, что, нагнавъ какое-то бревно, мы такъ въ него стукнулись, что дрянной паромъ проломился и вода разлилась по палубѣ. Положеніе было непріятное; впрочемъ Татаринъ съумѣлъ направить досчаникъ на мѣль.

Купеческая барка прошла въ виду, мы ей крычали, просили прислать лодку, бурлаки слышали и проплыли не сдѣлавъ ничего.

Крестьянинъ подъѣхалъ на небольшой комягѣ съ женой, спросилъ насъ въ чемъ дѣло и замѣтивъ: "Ну что же? Ну заткнуть дыру, да благословясь и въ путь. Что тутъ киснуть? ты вотъ, для того что Татаринъ, такъ ничего и не умѣешь сдѣлать" — взошелъ на досчаникъ.

Татаринъ въ самомъ дѣлѣ былъ очень встревоженъ. Во-первыхъ, когда вода залила спящаго жандарма, тотъ вскочилъ и тотчасъ началъ бить Татарина. Во-вторыхъ, досчаникъ былъ казенный, и Татаринъ повторялъ: Ну вотъ потонетъ, что мнѣ будетъ! что мнѣ будетъ! — Я его утѣшалъ, говоря что и онъ тогда съ досчаникомъ потонетъ. — Хорошо, бачька, коли потону, а какъ нѣтъ? — отвѣчалъ онъ.

Мужикъ и работники заткнули дыру всякой всячиной; мужикъ постучалъ топоромъ, прибилъ какую-то досчечку; потомъ по поясъ въ водѣ, помогъ другимъ стащить досчаникъ съ мѣли, и мы скоро выплыли въ русло Волги. Рѣка несла свирѣпо. Вѣтеръ и дождь, со снѣгомъ сѣкли лицо, холодъ проникалъ до костей, но вскорѣ сталъ вырѣзываться изъ-за тумана и потоковъ воды памятникъ Іоанна Грознаго. Казалось, опасность прошла, какъ вдругъ Татаринъ жалобнымъ голосомъ закричалъ : Тече, тече !—и дѣйствительно вода съ силой вливалась въ заткнутую дыру. Мы были на самомъ стержнѣ рѣки, досчаникъ двигался тише и тише, можно было предвидѣть когда онъ совсѣмъ погрузнетъ. Татаринъ снялъ шапку и молился. Мой камердинеръ, растерянный, плакалъ и говорилъ : Прощай, моя матушка, не увижусь я съ тобой больше. Жандармъ бранился и обѣщался на берегу всѣхъ исколотить.

Сначала и мнѣ было жутко, къ-тому же вѣтеръ съ дождемъ прибавлялъ какой-то безпорядокъ, смятеніе. Но мысль что это нелѣпо, чтобъ я могъ погибнуть ничего не сдѣлавъ, это юношеское quid timeas? cesarem vehis ! взяло верхъ, и я спокойно ждалъ конца, увѣренный что не погибну между Услономъ и Казанью. Жизнь впослѣдствіи отучаетъ отъ гордой вѣры, наказываетъ за нее; оттого-то юность и отважна и полна героизма, а въ лѣтахъ человѣкъ осторожевъ и рѣдко увлекается.

. . . . . Черезъ четверть часа мы были на берегу подлѣ стѣнъ казанскаго Кремля, передрогнувшіе и вымоченные. Я взошелъ въ первый кабакъ, выпилъ

стаканъ пѣннаго вина, закусилъ печенымъ яицомъ и отправился въ почтамтъ.

Въ деревняхъ и маленькихъ городкахъ у станціонныхъ смотрителей есть комната для проѣзжихъ. Въ большихъ городахъ всѣ останавливаются въ гостинницахъ, и у смотрителей нѣтъ ничего для проѣзжающихъ. Меня привели въ почтовую канцелярію. Станціонный смотритель показалъ мнѣ свою комнату, въ ней были дѣти и женщины, больной старикъ не сходилъ съ постели, мнѣ рѣшительно не было угла переодѣться. Я написалъ письмо къ жандармскому генералу и просилъ его отвести комнату гдѣ-нибудь, для того чтобъ обогрѣться и высушить платье.

Черезъ часъ времени жандармъ воротился и сказалъ, что графъ Апраксинъ велѣлъ отвѣсти комнату. Подождалъ я часа два, никто не приходилъ, и я опять отправилъ жандарма. Онъ пришелъ съ отвѣтомъ, что полковникъ Поль, которому генералъ приказалъ отвѣсти мнѣ квартиру, въ дворянскомъ клубѣ играетъ въ карты и что квартиры до завтра отвести нельзя.

Это было варварство ; и я написалъ второе письмо къ графу Апраксину, прося меня немѣдленно отправить, говоря что я на слѣдующей станціи могу найти пріютъ. Графъ изволилъ почивать и письмо осталось до утра. Нечего было дѣлать ; я снялъ мокрое платье и легъ на столѣ почтовой канторы, завернувшись въ шинель "старшаго", вмѣсто подушки я взялъ толстую книгу и положилъ на нее не много бѣлья.

Утромъ я послалъ принести себѣ завтракъ. Чиновники уже собирались. Экзекуторъ ставилъ мнѣ на

видъ, что въ сущности завтракать въ присутственномъ мѣстѣ не хорошо, что ему лично это всё равно, но что почмейстеру это можетъ не понравиться.

Я шутя говорилъ ему, что выгнать можно только того кто имѣетъ право выйти, а кто не имѣетъ его, тому по неволѣ приходится ѣсть и пить тамъ гдѣ онъ задержанъ.....

На другой день графъ Апраксинъ разрѣшилъ мнѣ остаться до трехъ дней въ Казани и остановиться въ гостинницѣ.

Три дня эти я бродилъ съ жандармомъ по городу. Татарки съ покрытыми лицами, скуластые мужья ихъ, правовѣрныя мечети рядомъ съ православными церквями, всё это напоминаетъ Азію и Востокъ. Въ Владимірѣ, Нижнемъ — подозрѣвается близость къ Москвѣ; здѣсь даль отъ нея.

...Въ Перми меня привезли прямо къ губернатору. У него былъ большой съѣздъ, въ этотъ день вѣнчали его дочь съ какимъ-то офицеромъ. Онъ требовалъ чтобъ я взошелъ, и я долженъ былъ представиться всему пермскому обществу въ замараномъ дорожномъ архалукѣ, въ грязи и пыли. Губернаторъ потолковалъ всякой вздоръ, запретилъ мнѣ знакомиться съ сосланными Поляками и велѣлъ на дняхъ придти къ нему, говоря что онъ тогда сыщетъ мнѣ занятіе въ канцеляріи.

Губернаторъ этотъ былъ изъ малороссіянъ, сосланныхъ не тѣснилъ и вообще былъ человѣкъ смирный. Онъ какъ-то въ тихомолку улучшалъ свое состояніе; какъ кротъ гдѣ-то подъ землею, незамѣтно, онъ

прибавлялъ зерно къ зерну и отложилъ таки малую толику на старые дни.

Для какого-то непонятнаго контроля и порядка онъ приказывалъ всѣмъ сосланнымъ на житье въ Пермь являться къ себѣ въ десять часовъ утра по субботамъ. Онъ выходилъ съ трубкой и съ листомъ, повѣрялъ всѣ ли на лицо, а если кого не было, посылалъ квартальнаго узнавать о причинѣ; ничего почти ни съ кѣмъ не говорилъ и отпускалъ. Такимъ образомъ я въ его залѣ перезнакомился со всѣми Поляками, съ которыми онъ предупреждалъ чтобъ я не былъ знакомъ.

На другой день послѣ моего пріѣзда уѣхалъ жандармъ и я впервые послѣ ареста очутился на волѣ.

На волѣ.....въ маленькомъ городѣ на сибирской границѣ, безъ малѣйшей опытности, не имѣя понятія о средѣ, въ которой мнѣ надобно было жить.

Изъ дѣтской я перешелъ въ аудиторію, изъ аудиторіи въ дружескій кружекъ — теоріи, мечты, свои люди, никакихъ дѣловыхъ отношеній. Потомъ тюрьма, чтобъ дать всему осѣсться. Практическое соприкосновеніе съ жизнію начиналось тутъ—возлѣ уральскаго хребта.

Но я еще не успѣлъ оглядѣться, какъ губернаторъ мнѣ объявилъ, что я переведенъ въ Вятку, потому что другой сосланный, назначенный въ Вятку, просилъ его перевести въ Пермь, гдѣ у него были родственники. Губернаторъ хотѣлъ, чтобъ я ѣхалъ на другой-же день. Это было невозможно; думая остаться нѣсколько времени въ Перми, я накупилъ всякой всячины, надобно было продать хоть за полцѣны.

Послѣ разныхъ уклончивыхъ отвѣтовъ губернаторъ разрѣшилъ мнѣ остаться двое сутокъ, взявъ слово что я не буду искать случая увидѣться съ другимъ сосланнымъ.

Я собирался на другой день продать лошадь и всякую дрянь, какъ вдругъ явился полицмейстеръ съ приказомъ выѣхать въ продолженіи 24 часовъ. Я объяснилъ ему что губернаторъ далъ мнѣ отсрочку. Полицмейстеръ показалъ бумагу, въ которой дѣйствительно было ему предписано выпроводить меня въ 24 часа. Бумага была подписана въ самый тотъ день, слѣдовательно послѣ разговора со мною. — А, сказалъ полицмейстеръ, понимаю понимаю — это, нашъ герой-то хочетъ оставить дѣло на моей отвѣтственности.

— Поѣдимте его уличать. —

Поѣдемте! Губернаторъ сказалъ, что онъ забылъ разрѣшеніе данное мнѣ. Полицмейстеръ лукаво спросилъ, не прикажетъ-ли онъ переписать бумагу—Стоитъ ли труда! — прибавилъ простодушно губернаторъ. — Поймали, сказалъ мнѣ полицмейстеръ, потирая отъ удовольствія руки.....чернильная душа!

Пермскій полицмейстеръ принадлежалъ къ особому типу военно-гражданскихъ чиновниковъ. Это люди, которымъ посчастливилось въ военной службѣ какъ-нибудь наткнуться на штыкъ или подвернуться подъ пулю, за это имъ даются преимущественно мѣста городничихъ, экзекуторовъ.

Въ полку они привыкли къ нѣкоторымъ замашкамъ откровенности, затвердили разныя сентенціи о неприкосновенности чести, о благородствѣ, язви-

тельныя наслѣдники надъ писарями. Младшіе изъ нихъ читали Марлинскаго и Загоскина, знаютъ на память начало "Кавказкаго плѣнника", "Войнаровскаго" и часто повторяютъ затверженные стихи. На примѣръ иные говорятъ всякой разъ, заставая человѣка курящимъ:

"Янтарь въ устахъ его дымился."

Всѣ они безъ исключенія глубоко и громко сознаютъ, что ихъ положеніе гораздо ниже ихъ достоинства, что одна нужда можетъ ихъ держать въ этомъ "чернильномъ мірѣ", что еслибъ не бѣдность и не раны, то они управляли бы корпусами арміи или были бы генералъ-адъютантами. Каждый прибавляетъ поразительный примѣръ кого-нибудь изъ прежнихъ товарищей, и говоритъ: Вѣдь вотъ — Крейцъ или Ридигеръ, — въ одномъ приказѣ въ корнеты произведены были. Жили на одной квартирѣ — Петруша, Алёша—ну я, видите, не Нѣмецъ, да и поддержки не было никакой, — вотъ и сиди будочникомъ. Вы думаете, легко благородному человѣку съ нашими понятіями занимать полицейскую должность.

Жены ихъ еще больше горюютъ и съ стѣсненнымъ сердцемъ возятъ въ ломбардъ всякой годъ денежки класть; отправляясь въ Москву подъ предлогомъ, что мать или тетка больна и хочетъ въ послѣдній разъ видѣть.

И такъ они живутъ себѣ лѣтъ пятнадцать. Мужъ жалуясь на судьбу — сѣчетъ полицейскихъ, бьетъ мѣщанъ, подличаетъ передъ губернаторомъ, покры-

ваетъ воровъ, крадетъ документы и повторяетъ стихи изъ бакчисарайскаго фонтана. Жена, жалуясь на судьбу и на провинціяльную жизнь, беретъ всё на свѣтѣ, грабитъ просителей, лавки, и любитъ мѣсячныя ночи, которыя называетъ "лунными."

Я потому остановился на этой характеристикѣ, что сначала я былъ обманутъ этими господами, и въ самомъ дѣлѣ считалъ ихъ нѣсколько получше другихъ; что вовсе не такъ.

На третій день я пріѣхалъ въ Вятку, проѣзжая цѣлые уѣзды заселенные Вотяками, Мордвой, Черемисами. (*)

(*) Приложеніе II.

VII.

Вятка — Канцелярія и столовая его превосходительства — К. Я. Тюфяевъ.

Вятской губернаторъ не принялъ меня, а велѣлъ сказать, чтобъ я явился къ нему на другой день въ десять часовъ.

Въ залѣ утромъ я засталъ исправника, полицмейстера и двухъ чиновниковъ; всѣ стояли, говорили шопотомъ и съ безпокойствомъ посматривали на дверь. Дверь разтворилась и взошелъ небольшаго роста, плечистый старикъ, съ головой посаженой на плечи какъ у бульдога; большія челюсти продолжали сходство съ собакой; къ тому-же онѣ какъ-то плотоядно улыбались; старое и съ тѣмъ вмѣстѣ пріапическое выраженіе лица, небольшіе, быстрые, сѣринькіе глазки и рѣдкіе прямые волосы дѣлали невѣроятно гадкое впечатленіе.

Онъ сначала сильно намылилъ голову исправнику

за дорогу, по которой вчера ѣхалъ. Исправникъ стоялъ съ нѣсколько опущенной, въ знакъ уваженія и покорности головою, и ко всему прибавлялъ, какъ это въ старь дѣлывали слуги: "Слушаю, ваше превосходительство."

Послѣ исправника, онъ обратился ко мнѣ. Дерзко посмотрѣлъ на меня и спросилъ: Вы вѣдь кончили курсъ въ Московскомъ университетѣ?

— Я кандидатъ.

— Потомъ служили?

— Въ Кремлевской экспедиціи.

— Ха, ха, ха—хорошая служба! вамъ разумѣется при такой службѣ былъ досугъ пировать и пѣсни пѣть. Аленицынъ! — закричалъ онъ.

Взошелъ молодой, золотушный человѣкъ.

— Послушай, братецъ, вотъ кандидатъ московскаго университета, онъ вѣроятно всё знаетъ, кромѣ службы, его величеству угодно, чтобъ онъ ей у насъ поучился. Займи его у себя въ канцеляріи и докладывай мнѣ особо. Завтра вы явитесь въ канцелярію въ девять утромъ, а теперь можете идти. Да позвольте, я забылъ спросить, какъ вы пишите?

Я съ разу не понялъ, — Ну то есть почеркъ.

У меня ничего нѣтъ съ собой. — Дай бумаги и перо—и Аленицынъ подалъ мнѣ перо.

— Что же я буду писать?

— Что вамъ угодно — замѣтилъ секретарь, напишите: А по справкѣ оказалось.

— Ну къ государю переписывать вы не будете замѣтилъ иронически улыбаясь губернаторъ.

Я еще въ Перми многое слышалъ о Тюфяевѣ, но онъ далеко превзошелъ всѣ мои ожиданія.

Что и чего не производитъ русская жизнь!

Тюфяевъ родился въ Тобольскѣ. Отецъ его чуть ли не былъ сосланъ и принадлежалъ къ бѣднѣйшимъ мѣщанамъ. Лѣтъ тринадцати молодой Тюфяевъ присталъ къ ватагѣ бродящихъ комедіантовъ, которые слоняются съ ярмарки на ярмарку, пляшутъ на канатѣ, кувыркаются колесомъ и пр. Онъ съ ними дошелъ отъ Тобольска до польскихъ губерній, потѣшая православный народъ. Тамъ его, не знаю почему, арестовали и такъ какъ онъ былъ безъ вида, его, какъ бродягу, отправили пѣшкомъ при партіи арестантовъ въ Тобольскъ. Его мать овдовѣла и жила въ большой крайности, сынъ клалъ самъ печку когда она развалилась; надобно было пріискать какое-нибудь ремесло; мальчику далась грамота и онъ сталъ наниматься писцомъ въ Магистратѣ. Развязный отъ природы и изощрившій свои способности многостороннимъ воспитаніемъ въ таборѣ акробатовъ и въ пересыльныхъ арестантскихъ партіяхъ, съ которыми онъ прошелъ съ одного конца Россіи до другого, онъ сдѣлался лихимъ дѣльцомъ.

Въ началѣ царствованія Александра, въ Тобольскъ пріѣзжалъ какой-то ревизоръ. Ему нужны были дѣловые писаря, кто-то рекомендовалъ ему Тюфяева. Ревизоръ до того былъ доволенъ имъ, что предложилъ ему ѣхать съ нимъ въ Петербургъ. Тогда Тюфяевъ, у котораго по собственнымъ словамъ самолюбіе не шло дальше мѣста секретаря въ уѣздномъ судѣ, — иначе оцѣнилъ себя и съ желѣзной волей рѣшился сдѣлать карьеру.

И сдѣлалъ ее. Черезъ десять лѣтъ мы его уже видимъ неутомимымъ секретаремъ Канкрина, который тогда былъ генералъ-интендантомъ. Еще годъ спустя, онъ уже завѣдуетъ одной экспедиціей въ канцеляріи Аракчеева, завѣдывавшей всею Россіей, онъ съ графомъ былъ въ Парижѣ во время занятія его союзными войсками.

Тюфаевъ всё время просидѣлъ безвыходно въ походной канцеляріи и à la lettre не видалъ ни одной улицы въ Парижѣ. День и ночь сидѣлъ онъ, составляя и переписывая бумаги, съ достойнымъ товарищемъ своимъ Клейнмихелемъ.

Канцелярія Аракчеева была въ родѣ тѣхъ мѣдныхъ рудниковъ, куда работниковъ посылаютъ только на нѣсколько мѣсяцевъ, потому что если оставить долѣе, то они мрутъ. Усталъ наконецъ и Тюфяевъ на этой фабрикѣ приказовъ и указовъ, распоряженій и учрежденій, и сталъ проситься на болѣе спокойное мѣсто.

Аракчеевъ не могъ не полюбить такого человѣка какъ Тюфяевъ, безъ высшихъ притязаній, безъ развлеченій, безъ мнѣній, человѣка формально честнаго и снѣдаемаго честолюбіемъ, ставящаго повиновеніе въ первую добродѣтель людскую. Аракчеевъ наградилъ Тюфяева мѣстомъ вице - губернатора. Спустя нѣсколько лѣтъ, онъ ему далъ Пермское воеводство. Губернія, по которой Тюфяевъ разъ прошелъ по веревкѣ и разъ на веревкѣ, лежала у его ногъ.

Власть губернатора вообще растетъ въ прямомъ отношеніи разстоянія отъ Петербурга, но она растетъ въ геометрической прогрессіи въ губерніяхъ, гдѣ

нѣтъ дворянства, какъ въ Перми, Вяткѣ, Сибири. Такой-то край и былъ нуженъ Тюфяеву.

Тюфяевъ былъ восточный сатрапъ, но только дѣятельный, беспокойный, во всё мѣшавшійся, вѣчно занятый. Тюфяевъ былъ коммисаръ конвента въ 94 году. Карье какой-нибудь, — энергія и бездушіе котораго были не на службу революціи, а на службѣ самовластія

Развратный по жизни, грубый по натурѣ, нетерпящій никакого возраженія, его вліяніе было чрезвычайно вредно. Онъ не бралъ взятокъ, хотя состояніе себѣ таки составилъ, какъ оказалось послѣ смерти; онъ былъ строгъ къ подчиненнымъ; безъ пощады преслѣдовалъ тѣхъ, которые попадались, а чиновники крали больше нежели когда-нибудь. Онъ, злоупотребленіе вліяній довелъ до нельзя; напримѣръ, отправляя чиновника на слѣдствіе, разумѣется, если онъ былъ интересованъ въ дѣлѣ, говорилъ ему, что вѣроятно откроется то-то и то-то, и горе было бы чиновнику селибъ открылось что-нибудь другое.

Въ Перми все еще было полно славою Тюфяева, у него тамъ была партія приверженцевъ, враждебная новому губернатору, который, какъ разумѣется, окружилъ себя своими клевретами.

Но за то были люди ненавидившіе его. Одинъ изъ нихъ, довольно оригинальное произведеніе русскаго надлома, особенно предупреждалъ меня, что такое Тюфяевъ. Я говорю объ докторѣ на одномъ изъ заводовъ. Человѣкъ этотъ, умный и очень нервный, вскорѣ послѣ курса какъ-то несчастно женился, потомъ былъ занесенъ въ Екатеринбургъ, и, безъ

всякой опытности, затертъ въ болото провинціальной жизни. Поставленный довольно независимо въ этой средѣ, онъ все-таки сломился, вся дѣятельность его обратилась на преслѣдованіе чиновниковъ сарказмами. Онъ хохоталъ надъ ними въ глаза, онъ съ гримасами и кривляніемъ говорилъ имъ въ лицо самыя оскорбительныя вещи. Такъ какъ никому не было пощады, то никто особенно не сердился на злой языкъ доктора. Онъ сдѣлалъ себѣ общественное положеніе своими нападками и заставилъ безхарактерное общество терпѣть розги, которыми онъ хлесталъ ихъ безъ отдыха.

Меня предупредили, что онъ хорошій докторъ, но поврежденный, и что онъ чрезвычайно дерзокъ.

Его болтовня и шутки не были ни грубы, ни плоски; совсѣмъ напротивъ, онѣ были полны юмора и сосредоточеной желчи, это была его поэзія, его месть, его крикъ досады, а можетъ долею и отчаянія. Онъ изучилъ чиновническій кругъ какъ артистъ и какъ медикъ, онъ зналъ всѣ мелкія и затаенныя страсти ихъ и ободренный ненаходчивостью, трусостью своихъ знакомыхъ, позволялъ себѣ все.

Ко всякому слову прибавлялъ онъ "ни копѣйки не стоитъ." Я разъ шутя замѣтилъ ему это повтореніе. Чему-же вы удивляетесь, возразилъ докторъ, цѣль всякой рѣчи убѣдить, я и тороплюсь прибавить сильнѣйшее доказательство, какое существуетъ на свѣтѣ. Увѣрьте человѣка, что убить родного отца ни копѣйки не будетъ стоить,—онъ убьетъ его.

Ч. никогда не отказывалъ давать въ займы небольшія суммы, въ сто, двѣсти рублей асс. Когда кто

у него просилъ, онъ вынималъ свою записную книжку и подробно спрашивалъ, когда тотъ ему отдастъ.

—Теперь, говорилъ онъ, позвольте держать пари на цѣлковый, что вы не отдадите въ срокъ.

—Да помилуйте, возражалъ тотъ, за кого же вы меня принимаете?

—Вамъ это ни копѣйки не стоитъ, отвѣчалъ докторъ, за кого я васъ принимаю, а дѣло въ томъ что я шестой годъ веду книжку, и ни одинъ человѣкъ еще не заплатилъ въ срокъ, да никто почти и послѣ срока не платилъ.

Срокъ проходилъ и докторъ пресерьезно требовалъ выигранный цѣлковый.

Пермскій откупщикъ продавалъ дорожную коляску, докторъ явился къ нему и не прерываясь произнесъ слѣдующую рѣчь: Вы продаете коляску, мнѣ нужна ея, вы богатый человѣкъ, вы милліонеръ, за это васъ всѣ уважаютъ, и я потому пришелъ свидѣтельствовать вамъ мое почтеніе; какъ богатый человѣкъ, вамъ ни копѣйки не стоитъ продадите-ли вы коляску или нѣтъ, мнѣ же ея очень нужно, а денегъ у меня мало. Вы захотите меня притѣснить, воспользоваться моей необходимостью и спросите за коляску 1,500, я предложу вамъ рублей семьсотъ, буду ходить всякой день торговаться, черезъ недѣлю вы уступите за 750 или 800, нелучше-ли съ этого начать? Я готовъ ихъ дать. — Гораздо лучше, отвѣчалъ удивленный откупщикъ и отдалъ коляску.

Анекдотамъ и шалостямъ Ч. не было конца, прибавлю еще два. (*)

(*) Эти два анекдота не были въ первомъ изданіи, я ихъ вспомнилъ перечитывая листы для поправки. (1858)

—Вѣрите ли вы въ магнитизмъ? — Спросила его при мнѣ одна дама, довольно умная и образованная. — Да что вы разумѣете подъ магнитизмомъ?—Дама ему сказала какой то общій вздоръ. —Вамъ ни копѣйки не стоитъ знать, отвѣчалъ онъ, вѣрю я магнитизму или нѣтъ, а хотите я вамъ разскажу что я видѣлъ по этой части. — Пожалуста. — Только слушайте внимательно. Послѣ этого онъ передалъ очень живо, умно и интересно опыты какого то харьковскаго доктора — его знакомаго.

Середь разговора человѣкъ принесъ на подносѣ закуску. Дама, сказала ему, когда онъ выходилъ, —Ты забылъ подать горчицы. — Ч. остановился. —Продолжайте, продолжайте, сказала дама, нѣсколько уже испуганная, я слушаю. — Соль - то принесъ ли онъ? — Это вы уже и разсердились, прибавила дама краснѣя.—Нисколько, будьте увѣрены, я знаю что вы внимательно слушали, да и то знаю что женщина какъ бы не была умна, и о чемъ бы не шла рѣчь, не можетъ никогда стать выше кухни — за что же я лично на васъ смѣлъ бы сердится.

На заводахъ графини Полье, гдѣ онъ тоже лечилъ, понравился ему дворовый мальчикъ, онъ его пригласилъ къ себѣ въ услуженіе. Мальчикъ былъ согласенъ, но управляющій сказалъ что безъ разрѣшенія графини онъ его не можетъ уволить. Ч. написалъ къ графинѣ. Она велѣла управляющему выдать паспортъ, но на томъ условіи чтобы Ч. заплатилъ за пять лѣтъ впередъ оброкъ. Получивъ

этотъ отвѣтъ, онъ немѣдленно написалъ къ Графинѣ что согласенъ—но что проситъ ее предварительно разрѣшить ему слѣдующее сомнѣніе, съ кого ему получить заплаченные деньги въ томъ случаѣ если Энкіева комета пересѣкая орбиту земнаго шара собьетъ его съ пути — что можетъ случится за полтора года до окончанія срока.

Въ день моего отъѣзда въ Вятку, утромъ рано, явился докторъ и началъ съ слѣдующей глупости: Вы какъ Горацій, разъ пѣли, и до сихъ поръ васъ все переводятъ. Потомъ онъ вынулъ бумажникъ и спросилъ, не нужно-ли мнѣ денегъ на дорогу. Я поблагодарилъ его, и отказался. — Отчего-же вы не берете? вамъ это ни копѣйки не стоитъ. — У меня есть деньги.—Плохо сказалъ онъ, міръ кончается, раскрылъ свою записную книжку и вписалъ: "Послѣ пятнадцатилѣтней практики въ первый разъ встрѣтилъ человѣка, который не взялъ денегъ, да еще будучи на отъѣздѣ."

Отдурачившись, онъ сѣлъ ко мнѣ на постѣль и серьезно сказалъ: Вы ѣдите къ страшному человѣку. Остерегайтесь его и удаляйтесь какъ можно болѣе. Если онъ васъ полюбитъ, плохая вамъ рекомендація; если же возненавидитъ, такъ ужь онъ васъ доѣдетъ, клеветой, ябедой, не знаю чѣмъ—но доѣдетъ, ему это ни копѣйки не стоитъ.

Притомъ онъ мнѣ разсказалъ происшествіе, истинность котораго я имѣлъ случай послѣ повѣрить по документамъ въ канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ.

Тюфяевъ былъ въ открытой связи съ сестрой однаго бѣднаго чиновника. Надъ братомъ смѣялись,

братъ хотѣлъ разорвать эту связь, грозился доносомъ, хотѣлъ писать въ Петербургъ, словомъ шумѣлъ и безпокоился до того, что его однажды полиція схватила и представила какъ сумашедшаго для освидѣтельствованія въ губернское правленіе.

Губернское правленіе, председатели палатъ и инспекторъ врачебной управы, старикъ Нѣмецъ, пользовавшійся большой любовью народа и котораго я лично зналъ, всѣ нашли, что Петровскій — сумашедшій.

Нашъ докторъ зналъ Петровскаго и былъ его врачемъ. Спросили и его для формы. Онъ объявилъ инспектору, что Петровскій вовсе не сумашедшій и что онъ предлагаетъ переосвидѣтельствовать, иначе долженъ будетъ дѣло это вести дальше...Губернское правленіе было вовсе не прочь, но по несчастію Петровскій умеръ въ сумашедшемъ домѣ, не дождавшись дня назначеннаго для вторичнаго свидѣтельства и не смотря на то, что онъ былъ молодой, здоровый малый.

Дѣло дошло до Петербурга. Петровскую арестовали (почему не Тюфяева?), началось секретное слѣдствіе. Отвѣты диктовалъ Тюфяевъ, онъ превзошелъ себя въ этомъ дѣлѣ. Чтобъ разомъ остановить его и отклонить отъ себя опасность вторичнаго, непроизвольнаго путешествія въ Сибирь, Тюфяевъ научилъ Петровскую сказать, что братъ ея съ тѣхъ поръ съ нею въ ссорѣ, какъ она, увлеченная молодостью и неопытностью, лишилась невинности при проѣздѣ императора Александра въ Пермь, за что и получила черезъ генерала Соломку 5,000 р.

Привычки Александра были таковы, что невѣро-

ятнаго ничего тутъ не было. Узнать правда-ли, было не легко и во всякомъ случаѣ надѣлало бы много скандалу. На вопросъ графа Бенкендорфа, генералъ Соломка отвѣчалъ, что черезъ его руки проходило столько денегъ, что онъ не припомнитъ объ этихъ 5,000.

La regina en aveva molto!—говоритъ импровизаторъ въ Египетскихъ ночахъ Пушкина....

И вотъ этотъ-то почтенный ученикъ Аракчеева и достойный товарищъ Клейнмихеля, акробатъ, бродяга, писарь, секретарь, губернаторъ, нѣжное сердце, безкорыстный человѣкъ, запирающій здоровыхъ въ сумашедшій домъ и уничтожающій ихъ тамъ, человѣкъ оклевѣтавшій императора Александра для того чтобь отвести глаза императора Николая, брался теперь пріучать меня къ службѣ.

Зависимость моя отъ него была велика. Стоило ему написать какой-нибудь вздоръ министру, меня отослали бы куда-нибудь въ Иркутскъ. Да и зачѣмъ писать, онъ имѣлъ право перевести въ какой-нибудь дикой городъ, Кай или Царево-Санчурскъ, безъ всякихъ сообщеній, безъ всякихъ ресурсовъ. Тюфяевъ отправилъ въ Глазовъ одного молодого Поляка за то, что дамы предпочитали танцовать съ нимъ мазурку, а не съ его превосходительствомъ.

Такъ князь Долгоруковъ былъ отправленъ изъ Перми въ Верхотурье. Верхотурье, потерянное въ горахъ и снѣгахъ, принадлежитъ еще къ Пермской губерніи, но это мѣсто стоитъ Березова—по климату, оно хуже Березова—по пустотѣ. (*)

(*) См. Приложеніе II.

Князь Долгоруковъ принадлежалъ къ аристократическимъ повѣсамъ въ дурномъ родѣ, которые ужъ рѣдко встрѣчаются въ наше время. Онъ дѣлалъ всякія проказы въ Петербургѣ, проказы въ Москвѣ, проказы въ Парижѣ.

На это тратилась его жизнь. Это былъ Измайловъ на маленькомъ размѣрѣ, князь Е. Грузинскій безъ притона бѣглыхъ въ Лысковѣ т. е. избалованный, дерзкій, отвратительный забавникъ, баринъ и шутъ вмѣстѣ. Когда его продѣлки перешли всѣ границы, ему велѣли отправиться на житье въ Пермь.

Онъ пріѣхалъ въ двухъ каретахъ; въ одной онъ самъ съ собакой; въ другой его поваръ французъ съ попугаями. Въ Перми обрадовались богатому гостю, и вскорѣ весь городъ толокся въ его столовой. Долгорукій завелъ шашни съ пермской барыней; барыня, заподозривъ какія-то невѣрности, явилась невзначай утромъ къ князю и застала его съ горничной. Изъ этого вышла сцена, кончившаяся тѣмъ, что невѣрный любовникъ снялъ со стѣны арапникъ; совѣтница, видя его намѣреніе, пустилась бѣжать, онъ за ней, небрежно одѣтый въ одинъ халатъ; нагнавъ ее на небольшой площади, гдѣ учили обыкновенно баталіонъ, онъ вытянулъ раза три ревнивую совѣтницу арапникомъ и спокойно отправился домой, какъ-будто сдѣлалъ дѣло.

Подобныя милыя шутки навлекли на него гоненіе пермскихъ друзей, и начальство рѣшилось сорокалѣтняго шалуна отослать въ Верхотурье. Онъ далъ на канунѣ отъѣзда богатый обѣдъ и чиновники, не смотря на разладъ, всё-таки поѣхали; Долгорукій

обѣщалъ ихъ накормить какимъ-то неслыханнымъ пирогомъ.

Пирогъ былъ дѣйствительно превосходенъ и изчезалъ съ невѣроятной быстротою. Когда остались одни корки, Долгорукій патетически обратился къ гостямъ и сказалъ: Не будетъ же сказано, что я, разставаясь съ вами, что-нибудь пожалѣлъ. Я велѣлъ вчера убить моего Гарди для пирога.

Чиновники съ ужасомъ взглянули другъ на друга, и искали глазами знакомую всѣмъ датскую собаку, ея не было. Князь догадался и велѣлъ слугѣ принести бренные остатки Гарди, его шкуру — внутренность была въ пермскихъ желудкахъ. Полгорода занемогло отъ ужаса.

Между-тѣмъ Долгорукій, довольный тѣмъ, что ловко подшутилъ надъ пріятелями, ѣхалъ торжественно въ Верхотурье. Третья повозка везла цѣлый курятникъ, курятникъ ѣдущій на почтовыхъ! По дорогѣ онъ увелъ съ нѣсколькихъ станцій приходныя книги, перемѣшалъ ихъ, поправилъ въ нихъ цифры и чуть не свелъ съ ума почтовое вѣдомство, которое и съ книгами не всегда ловко сводило концы съ концами.

Удушливая пустота и нѣмота русской жизни, страннымъ образомъ соединенная съ живостью и даже бурностью характера, особенно развиваетъ въ насъ всякія юродства.

Въ пѣтушьемъ крикѣ Суворова, какъ въ собачьемъ паштетѣ князя Долгорукова, въ дикихъ выходкахъ Измайлова, въ полудобровольномъ безуміи Мамонова и буйныхъ преступленіяхъ Толстаго-Американца, я

слышу родственную ноту, знакомую намъ всѣмъ, но которая у насъ ослаблена образованіемъ или направлена на что-нибудь другое.

Я лично зналъ Толстаго и именно въ ту эпоху, когда онъ лишился своей дочери Сарры, необыкновенной дѣвушки, съ высокимъ поэтическимъ даромъ. Одинъ взглядъ на наружность старика, на его лобъ, покрытый сѣдыми кудрями, на его сверкающіе глаза и атлетическое тѣло показывали сколько энергіи и силы было ему дано отъ природы. Онъ развилъ однѣ буйныя страсти, однѣ дурныя наклонности, и это не удивительно; всему порочному позволяютъ у насъ развиваться долгое время безпрепятственно, а за страсти человѣческія посылаютъ въ гарнизонъ или въ Сибирь при первомъ шагѣ...Онъ буйствовалъ, обыгрывалъ, дрался, уродовалъ людей, раззорялъ семейства лѣтъ двадцать съ ряду, пока наконецъ былъ сосланъ въ Сибирь; откуда " вернулся Алеутомъ ", какъ говоритъ Грибоѣдовъ, т. е. пробрался черезъ Камчатку въ Америку и оттуда выпросилъ дозволеніе возвратиться въ Россію. Александръ его простилъ— и онъ на другой день послѣ пріѣзда продолжалъ прежнюю жизнь. Женатый на цыганкѣ, извѣстной своимъ голосомъ и принадлежавшей къ московскому табору, онъ превратилъ свой домъ въ игорный, проводилъ всё время въ оргіяхъ, всѣ ночи за картами и дикія сцены алчности и пьянства совершались возлѣ колыбели маленькой Сарры. Говорятъ, что онъ разъ, въ доказательство меткости своего глаза, велѣлъ женѣ стать на столъ и прострѣлилъ ей коблукъ башмака.

Послѣдняя его продѣлка чуть было снова не свела его въ Сибирь. Онъ былъ давно сердитъ на какого-то мѣщанина, поймалъ его какъ-то у себя въ домѣ, связалъ по рукамъ и ногамъ и вырвалъ у него зубъ. Вѣроятно ли что этотъ случай былъ лѣтъ десять или двѣнадцать тому назадъ? Мѣщанинъ подалъ просьбу. Толстой задарилъ полицейскихъ, задарилъ судъ и мѣщанина посадили въ острогъ за ложный извѣтъ. Въ это время одинъ извѣстный русскій литераторъ служилъ въ тюремномъ комитетѣ. Мѣщанинъ разсказалъ ему дѣло, неопытный чиновникъ поднялъ его. Толстой струхнулъ не на шутку, дѣло клонилось явнымъ образомъ къ его осужденію; но русскій Богъ великъ. Графъ Орловъ написалъ князю Щербатову секретное отношеніе, въ которомъ совѣтовалъ ему дѣло затушить, чтобъ не дать такого прямаго торжества низшему сословію надъ высшимъ. Чиновника литератора графъ Орловъ совѣтывалъ удалить отъ такого мѣста.....Это почти невѣроятнѣе вырваннаго зуба. Я былъ тогда въ Москвѣ и очень хорошо зналъ неосторожнаго чиновника. Но возвратимся въ Вятку.

Канцелярія была безъ всякаго сравненія хуже тюрьмы. Не матеріальная работа была велика, а удушающій, какъ въ собачьемъ гротѣ, воздухъ этой затхлой среды и страшная, глупая потеря времени, вотъ что дѣлало канцелярію невыносимой. Аленицынъ меня не тѣснилъ, онъ былъ даже вѣжливѣе нежели я ожидалъ, онъ учился въ казанской гимназіи и въ силу этого имѣлъ уваженіе къ кандидату московскаго университета.

Въ канцеляріи было человѣкъ двадцать писцовъ. Большей частію люди безъ малѣйшаго образованія и безъ всякаго нравственнаго понятія,—дѣти писцовъ и секретарей, съ колыбели привыкнувшіе считать службу средствомъ пріобрѣтенія, а крестьянъ почвой приносящей доходъ, они продавали справки, брали двугривенные и четвертаки, обманывали за стаканъ вина, унижались, дѣлали всякія подлости. Мой камердинеръ перестал ходить въ "бильярдную", говоря, что чиновники плутуютъ хуже всякаго, а проучить ихъ нельзя потому что они офицеры.

Вотъ съ этими-то людьми, которыхъ мой слуга не билъ только за ихъ чинъ, мнѣ приходилось сидѣть ежедневно отъ 9 до 2 утра и отъ 5 до 8 часовъ вечера.

Сверхъ Аленицына, общаго начальника канцеляріи, у меня былъ начальникъ стола, къ которому меня посадили, существо тоже не злое, но пьяное и безграмотное. За однимъ столомъ со мною сидѣли четыре писца. Съ ними надобно было говорить и быть знакомымъ, да и со всѣми другими тоже. Не говоря уже о томъ что эти люди "за гордость" рано или поздно подставили бы мнѣ ловушку, просто нѣтъ возможности проводить нѣсколько часовъ дня съ одними и тѣми-же людьми не перезнакомившись съ ними. Сверхъ того не должно забывать какъ провинціалы льнутъ къ постороннему, особенно пріѣхавшему изъ столицы и притомъ еще съ какой-то интересной исторіей за спиной.

Просидѣвши день цѣлый въ этой галереѣ, я приходилъ иной разъ домой въ какомъ-то отупленіи всѣхъ способностей и бросался на диванъ—несчастный,

изнуренный, униженный и не способный ни на какую работу, ни на какое занятіе. Я душевно жалѣлъ о моей крутицкой кельи, съ ея чадомъ и тараканами, съ жандармомъ у дверей и съ замкомъ на дверяхъ. Тамъ я былъ воленъ, дѣлалъ что хотѣлъ, никто мнѣ не мѣшалъ; вмѣсто этихъ пошлыхъ рѣчей, грязныхъ людей, низкихъ понятій, грубыхъ чувствъ, тамъ была мертвая тишина и невозмущаемый досугъ. И когда мнѣ приходило въ голову, что послѣ обѣда опять слѣдуетъ идти, и завтра опять, мною подъ часъ овладѣвало бѣшенство и отчаяніе и я пилъ вино и водку для утѣшенья.

А тутъ еще придетъ по "дорогѣ" кто нибудь изъ сослуживцевъ посидѣть отъ скуки, погуторить пока до узаконеннаго часа идти на службу.....

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ впрочемъ канцелярія сдѣлалась нѣсколько полегче.

Долгое, равномѣрное преслѣдованіе не въ русскомъ характерѣ, если не примѣшивается личностей или денежныхъ видовъ; и это совсѣмъ не отъ того, чтобъ правительство не хотѣло душить и добивать, а отъ русской безпечности, отъ нашего laisser aller. Русскія власти всѣ вообще неотесаны, наглы, дерзки, на грубость съ ними накупиться очень легко, но постоянное доколачиваніе людей не въ ихъ нравахъ, у нихъ на это недостаетъ терпѣнія, можетъ оттого что оно не приноситъ никакого барыша.

Съ начала, съ горяча чтобъ показать въ одну сторону усердіе, въ другую власть, дѣлаются всякія глупости и ненужности, потомъ мало по малу человѣка оставляютъ въ покоѣ.

Такъ случилось и съ канцеляріей. Министерство внутреннихъ дѣлъ было тогда въ припадкѣ статистики, оно велѣло вездѣ завести комитеты, и разослало такія программы, которыя въ рядъ возможно ли было бы исполнить гдѣ-нибудь въ Бельгіи или Швейцаріи, при этомъ всякія вычурныя таблицы съ maximum и minimum, съ средними числами и разными выводами изъ десятилѣтнихъ сложностей (составленными по свѣдѣніямъ, которыя за годъ передъ тѣмъ не собирались!) съ нравственными отмѣтками и метеорологическими замѣчаніями. На комитетъ и на собраніе свѣдѣній денегъ не назначалось ни копѣйки; все это слѣдовало дѣлать изъ любви къ статистикѣ, черезъ земскую полицію, и приводить въ порядокъ въ губернаторской канцеляріи. Канцелярія, заваленная дѣлами, земская полиція, ненавидящая всѣ мирныя и теоретическія занятія, смотрѣли на статистическій комитетъ какъ на ненужную роскошь, какъ на министерскую шалость; однако отчеты надобно было представить съ таблицами и выводами.

Это дѣло казалось безмѣрно труднымъ всей канцеляріи; оно было просто невозможно; но на это никто не обратилъ вниманія, хлопотали о томъ чтобъ не было выговора. Я обѣщалъ Аленицыну приготовить введеніе и начало, очерки таблицъ, съ краснорѣчивыми отмѣтками, съ иностранными словами, съ цитатами и поразительными выводами, если онъ разрѣшитъ мнѣ этимъ тяжелымъ трудомъ заниматься дома а не въ канцеляріи. Аленицынъ переговорилъ съ Тюфяевымъ и согласился.

Начало отчета о занятіяхъ комитета, въ которомъ

я говорилъ о надеждахъ и проэктахъ, потому что въ настоящемъ ничего не было, тронули Аленицына до глубины душевной. Самъ Тюфяевъ нашелъ, что оно мастерски написано. Тѣмъ и окончились труды по части статистики, но комитетъ дали въ мое заведываніе. На барщину переписки бумагъ меня больше не гоняли и мой пьяненькій столоначальникъ сдѣлался почти подчиненое мнѣ лицо. Аленицынъ требовалъ только, изъ какихъ-то соображеній высшаго приличія, чтобъ я на короткое время заходилъ всякой день въ канцелярію.

Для того чтобъ показать всю мѣру невозможности серьезныхъ таблицъ, я упомяну свѣдѣнія присланныя изъ заштатнаго города Кая. Тамъ между разными нелѣпостями было "Утопшихъ—2, причины утопленія не извѣстны—2", и въ графѣ суммъ выставлено "четыре". Подъ рубрикой чрезвычайныхъ происшествій значился слѣдующій трагическій анекдотъ: "Мѣщанинъ такой-то разстроивъ горячительными напитками свой умъ,—повѣсился". Подъ рубрикой о нравственности городскихъ жителей было написано "Жидовъ въ городѣ Каѣ не находилось". На вопросъ не было ли ассигновано суммъ на постройку: церкви, биржи, богадѣльни? отвѣты шли такъ "На постройку биржи ассигновано было—не было".....

Статистика спасая меня, отъ канцелярской работы, имѣла несчастнымъ послѣдствіемъ личныя сношенія съ Тюфяевымъ.

Было время когда я этого человѣка ненавидѣлъ, это время давно прошло, да и человѣкъ этотъ прошелъ, онъ умеръ въ своихъ казанскихъ помѣстьяхъ,

около 1845 года. Теперь я вспоминаю о немъ безъ злобы, какъ объ особенномъ звѣрѣ, попавшемся въ лѣсу и дичи, котораго надобно было изучать, но на котораго нельзя было сердиться за то что онъ звѣрь; тогда я не могъ не вступить съ нимъ въ борьбу, это была необходимость для всякаго порядочнаго человѣка. Случай мнѣ помогъ, иначе онъ сильно повредилъ бы мнѣ; имѣть зубъ за зло, которое онъ мнѣ не сдѣлалъ, было бы смѣшно и жалко.

Тюфяевъ жилъ одинъ. Жена его была съ нимъ въ разводѣ. На задней половинѣ губернаторскаго дома какъ-то намѣренно неловко пряталась его фаворитка, жена повара, удаленнаго именно за вину своего брака въ деревню. Она не являлась офиціально, но чиновники, особенно преданные губернатору, т. е. особенно боявшіеся слѣдствій, составляли придворный штатъ супруги повара "въ случаѣ." Ихъ жены и дочери, не хвастаясь этимъ, потихоньку, вечеркомъ дѣлали ей визиты. Госпожа эта отличалась тѣмъ тактомъ, который имѣлъ одинъ изъ блестящихъ ея предшественниковъ — Потемкинъ; зная нравъ старика и боясь быть смѣненной, она сама пріискивала ему не опасныхъ соперницъ. Благодарный старикъ платилъ привязанностью за такую снисходительную любовь, и они жили ладно.

Тюфяевъ все утро работалъ и былъ въ губернскомъ правленіи. Поэзія жизни начиналась съ трехъ часовъ. Обѣдъ для него была вещь не шуточная. Онъ любилъ поѣсть и поѣсть на людяхъ. У него на кухнѣ готовилось всегда на двѣнадцать человѣкъ; если гостей было меньше половины, онъ огорчался; если не больше

двухъ человѣкъ, онъ былъ несчастенъ; если же никого не было, онъ уходилъ обѣдать, близкій къ отчаянію, въ комнаты Дульцинеи. Достать людей для того чтобъ ихъ накормить до тошноты, не трудная задача, но его оффиціальное положеніе и страхъ чиновниковъ передъ нимъ не позволяли ни имъ свободно пользоваться его гостепріимствомъ, ни ему сдѣлать трахтиръ изъ своего дома. Надобно было ограничиться совѣтниками, предсѣдателями,—но съ половиной онъ былъ въ ссорѣ, т. е. не благоволилъ къ нимъ,—рѣдкими проѣзжими, богатыми купцами, откупщиками и странностями, (нѣчто въ родѣ capacités, которыя хотѣли ввести при Людовикѣ Филипѣ въ выборы). Разумѣется, я былъ странность первой величины въ Вяткѣ.

Людей сосланныхъ на житье "за мнѣнія" въ дальнія города нѣсколько боятся, но никакъ не смѣшиваютъ съ обыкновенными смертными. "Опасные люди" имѣютъ тотъ интересъ для провинціи, который имѣютъ извѣстные Ловласы для женщинъ и куртизаны для мущинъ. Опасныхъ людей гораздо больше избѣгаютъ петербургскіе чиновники и московскіе тузы, нежели провинціальные жители, особенно Сибиряки.

Сосланные по четырнадцатому Декабря пользовались огромнымъ уваженіемъ. Къ вдовѣ Юшневскаго дѣлали чиновники первой визитъ въ новый годъ. Сенаторъ Толстой — ревизовавши Сибирь, руководствовался свѣдѣніями получаемыми отъ сосланныхъ Декабристовъ — для повѣрки тѣхъ, которыя доставляли чиновники.

Мюнихъ завѣдывалъ изъ своей башни въ Пелымѣ дѣлами тобольской губерніи. Губернаторы ходили къ нему совѣщаться о важныхъ дѣлахъ.

Простой народъ еще менѣе враждебенъ къ сосланымъ, онъ вообще со стороны наказанныхъ. Около сибирской границы слово "ссыльный" изчезаетъ и замѣняется словомъ "несчастный". Въ глазахъ русскаго народа судебный приговоръ не пятнаетъ человѣка. Въ Пермской губерніи по дорогѣ въ Тобольскъ крестьяне выставляютъ часто квасъ, молоко и хлѣбъ въ маленькомъ окошкѣ, на случай если "несчастный" будетъ тайкомъ пробираться изъ Сибири.

Кстати, говоря о сосланныхъ, за Нижнимъ начинаютъ встрѣчаться сосланные Поляки, съ Казани число ихъ быстро возрастаетъ. Въ Перми было человѣкъ сорокъ, въ Вяткѣ не меньше; сверхъ того въ каждомъ уѣздномъ городѣ было нѣсколько человѣкъ.

Они жили совершенно отдѣльно отъ Русскихъ и удалялись отъ всякаго сообщенія съ жителями; между собою у нихъ было большое единодушіе, но общество ихъ оставалось недоступнымъ для Русскихъ.

Со стороны жителей я не видалъ ни ненависти, ни особеннаго расположенія къ нимъ. Они смотрѣли на нихъ какъ на посторонниxъ, къ тому же почти ни одинъ Полякъ не зналъ по русски.

Одинъ закоснѣлый Сарматъ, старикъ, уланскій офицеръ при Понятовскомъ, дѣлавшій часть наполеоновскихъ походовъ, получилъ въ 1837 году дозволеніе возвратиться въ свои литовскія помѣстья. На канунѣ отъѣзда старикъ позвалъ меня и нѣс-

колько Поляковъ отобѣдать. Послѣ обѣда мои кавалеристъ, нѣсколько на-веселѣ, подошелъ ко мнѣ съ бокаломъ, обнялъ меня съ нѣжностью и съ военнымъ простодушіемъ сказалъ мнѣ на ухо: Да за чѣмъ же вы Русскій! Я не отвѣчалъ ни слова, но замѣчаніе это сильно запало мнѣ въ грудь. Я понялъ что этому поколѣнію нельзя было освободить Польшу.

Съ Конарскаго начиная, Поляки совсѣмъ иначе смотрятъ на Русскихъ.

Вообще Поляковъ сосланныхъ на житье не тѣснятъ, но матеріальное положеніе ужасно для тѣхъ, которые не имѣютъ состоянія. Правительство даетъ неимущимъ по 15 руб. асс. въ мѣсяцъ, изъ этихъ денегъ слѣдуетъ платить за квартиру, одѣваться, ѣсть и отапливаться. Въ довольно большихъ городахъ въ Казани, Тобольскѣ, можно было что-нибудь выработать уроками, концертами, играя на балахъ, рисуя портреты, заводя танцъ-классы. Въ Перми и Вяткѣ не было и этихъ средствъ. И не смотря на то, у Русскихъ они не просили ничего.

...Приглашенія Тюфяева на его жирные, сибирскіе обѣды, было для меня истиннымъ наказаніемъ. Столовая его была таже канцелярія, но въ другой формѣ, менѣе грязной, но болѣе пошлой, потому что она имѣла видъ доброй воли, а не насилія.

Тюфяевъ зналъ своихъ гостей на сквозь, презиралъ ихъ, показывалъ имъ иногда когти и вообще обращался съ ними въ томъ родѣ, какъ хозяинъ обращается съ своими собаками, то съ излишней фамиліарностью, то съ грубостью выходящей изъ всѣхъ предѣловъ —и всё таки онъ звалъ ихъ на свои обѣды

и они съ трепетомъ и радостью являлись къ нему унижались, сплетничая, подслуживаясь, угождая, улыбаясь, кланяясь.

Я за нихъ краснѣлъ и стыдился.

Дружба наша не долго продолжалась. Тюфяевъ скоро догадался, что я не гожусь въ "высшее" вятское общество.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ былъ мною недоволенъ, черезъ нѣсколько другихъ онъ меня ненавидѣлъ и я не только не ходилъ на его обѣды, но вовсе перестаблагъ къ нему ходить. Проѣздъ наслѣдника спасъ меня отъ его преслѣдованій, какъ мы увидимъ послѣ.

Притомъ необходимо замѣтить, что я рѣшительно ничего не сдѣлалъ, чтобъ заслужить сначала его вниманіе и приглашенія, потомъ гнѣвъ и немилость. Онъ не могъ вынести во мнѣ человѣка державшаго себя независимо, но вовсе не дерзко; я былъ съ нимъ всегда en règle, онъ требовалъ подобострастія.

Онъ ревниво любилъ свою власть, она ему досталась трудовой копѣйкой и онъ искалъ не только повиновеніе, но видъ беспрекословной подчиненности. По несчастастію въ этомъ онъ былъ націоналенъ.

Помѣщикъ говоритъ слугѣ: Молчать, я не потерплю чтобъ ты мнѣ отвѣчалъ.

Начальникъ департамента замѣчаетъ блѣднѣя чиновнику дѣлающему возраженіе: Вы забываетесь, знаете ли вы съ кѣмъ вы говорите?

Государь "за мнѣнія" посылаетъ въ Сибирь, за стихи моритъ въ казематахъ и всѣ трое скорѣе готовы простить воровство и взятки, убійство и разбой нежели наглость человѣческаго достоинства и дерзость независимой рѣчи.

Тюфяевъ былъ настоящій царской слуга, его оцѣнили, но мало. Въ немъ византійское рабство необыкновенно хорошо соединялось съ канцелярскимъ порядкомъ. Уничтоженіе себя, отреченіе отъ воли и мысли передъ властью шло неразрывно съ суровымъ гнетомъ подчиненныхъ. Онъ бы могъ быть статскій Клейнмихель, его "усердіе" точно такъ-же превозмогло бы всё, и онъ точно такъ-же штукатурилъ бы стѣны человѣческими трупами, сушилъ бы дворецъ людскими легкими, а молодыхъ людей инженернаго корпуса сѣкъ бы еще больше, за то что они не доносчики.

У Тюфяева была живучая, затаенная ненависть ко всему аристократическому, ее онъ сохранилъ отъ горькихъ испытаній. Для Тюфяева каторжная канцелярія Аракчеева была первой гаванью, первымъ освобожденіемъ. Прежде начальники не предлагали ему стула, употребляли его на мелкія коммиссіи. Когда онъ служилъ по интендантской части, офицеры по армейски преслѣдовали его и одинъ полковникъ вытянулъ его на улицѣ въ Вильнѣ хлыстомъ...Всё это взошло и назрѣло въ душѣ писаря; теперь губернаторомъ его чередъ тѣснить, не давать стула, говорить "ты", поднимать голосъ больше нежели нужно, а иной разъ отдавать подъ судъ столбовыхъ дворянъ.

Изъ Перми Тюфяевъ былъ переведенъ въ Тверь. Дворянство, при всей уступчивости и при всемъ раболѣпіи, не могло вынести Тюфяева. Они упросили министра Блудова удалить его. Блудовъ назначилъ его въ Вятку.

Тутъ онъ снова очутился въ своей средѣ. Чинов-

ники и откупщики, заводчики и чиновники, раздолье да и только. Всё трепетало его, всё вставало передъ нимъ, всё поило его, всё давало ему обѣды, всё глядѣло въ глаза; на свадьбахъ и имянинахъ первый тостъ предлагали "за здравіе его превосходительства!"

—

VIII.

Чиновники,—Сибирскіе генералъ-губернаторы—Хищный полицмейстеръ—Ручный судья—Жареный исправникъ, Равноапостольный Татаринъ—Мальчикъ женскаго пола—Картофельный терроръ и пр.

—

Одинъ изъ самыхъ печальныхъ результатовъ петровскаго переворота, это развитіе чиновническаго сословія. Классъ искуственный, необразованный, голодный, неумѣющій ничего дѣлать кромѣ "служенія", ничего не знающій кромѣ канцелярскихъ формъ ; онъ составляетъ какое-то гражданское духовенство, священнодѣйствующее въ судахъ и полиціяхъ и сосущее кровь народа тысячами ртовъ жадныхъ и нечистыхъ.

Гоголь приподнялъ одну сторону занавѣси и показалъ намъ русское чиновничество во всемъ безобразіи его ; но Гоголь невольно примиряетъ — смѣхомъ, его огромный комическій талантъ беретъ

верхъ надъ негодованіемъ. Сверхъ того въ колодкахъ русской цензуры онъ едва могъ касаться печальной стороны этого грязнаго подземелья, въ которомъ куются судьбы бѣднаго русскаго народа.

... Тамъ, гдѣ-то въ закоптѣлыхъ канцеляріяхъ, черезъ которыя мы спѣшимъ пройти, обтерханные люди пишутъ—пишутъ на сѣрой бумагѣ, переписываютъ на гербовую,—и лица, семьи, цѣлыя деревни обижены, испуганы, раззорены, Отецъ идетъ на поселенье, мать въ тюрьму, сынъ въ солдаты и всё это разразилось какъ громъ, нежданно, большей частью невинно. А изъ за чего? Изъ за денегъ... Складчину..или начнется слѣдствіе о мертвомъ тѣлѣ какого нибудь пьяницы сгорѣвшаго отъ вина и замерзнувшаго отъ мороза. И голова собираетъ, староста собираетъ, мужики несутъ послѣднюю копѣйку. Становому надобно жить; исправнику надобно жить, да и жену содержать; совѣтнику надобно жить, да и дѣтей воспитать, совѣтникъ примѣрный отецъ.....

Чиновничество царитъ въ сѣверо - восточныхъ губерніяхъ Руси и въ Сибири; тутъ оно раскинулось безпрепятственно, безъ оглядки ..... даль страшная, всѣ участвуютъ въ выгодахъ, кража становится res publica. Самая власть царская, которая бьетъ какъ картечь, не можетъ пробить эти подснѣжныя болотистыя траншеи изъ топкой грязи. Всѣ мѣры правительства — ослаблены, всѣ желанія — искажены; оно обмануто, одурачено, предано, продано, и всё съ видомъ вѣрноподданическаго раболѣнія и съ соблюдѣніемъ всѣхъ канцелярскихъ формъ.

Сперанскій пробовалъ облегчить участь сибирскаго народа. Онъ ввелъ всюду коллегіальное начало, какъ-будто дѣло зависило оттого, какъ кто крадетъ, по одиночкѣ или шайками. Онъ сотнями отрѣшалъ старыхъ плутовъ и сотнями принялъ новыхъ. Сначала онъ нагналъ такой ужасъ на земскую полицію, что мужики брали деньги съ чиновниковъ чтобъ не ходить съ челобитьемъ. Года черезъ три чиновники наживались по новымъ формамъ, не хуже какъ по старымъ.

Нашелся другой чудакъ, генералъ Вельяминовъ. Года два онъ побился въ Тобольскѣ, желая уничтожить злоупотребленія, но, видя безуспѣшность, бросилъ всё и совсѣмъ пересталъ заниматься дѣлами.

Другіе, благоразумнѣе его, не дѣлали и опыта, а наживались и давали наживаться.

— Я искореню взятки, сказалъ московскій губернаторъ Сенявинъ сѣдому крестьянину, подавшему жалобу на какую-то явную несправедливость. Старикъ улыбнулся.

— Что же ты смѣешься? спросилъ Сенявинъ.

— Да, батюшка, отвѣчалъ мужикъ, ты прости; на умъ пришелъ мнѣ одинъ молодецъ нашъ, похвалялся царь-пушку поднять, и точно, пробовалъ—да только пушку-то не поднялъ!

Сенявинъ, который самъ разсказывалъ этотъ анекдотъ, принадлежалъ къ малому числу честныхъ, но непрактическихъ людей въ русской службѣ, которые думаютъ, что риторическими выходками о честности и деспотическимъ преслѣдованіемъ двухъ-трехъ плутовъ, которые подвернутся, можно помочь

такой всеобщей болѣзни какъ взяточничество въ Россіи.

Противъ него два средства: гласность, и совершенно другая организація всей машины, введеніе снова народныхъ началъ третейскаго суда, изустнаго процесса, цѣловальниковъ, и всего того, что такъ ненавидитъ петербуржское правительство.

Генералъ-губернаторъ западной Сибири Пестель, отецъ знаменитаго Пестеля, казненнаго Николаемъ, былъ настоящій римскій проконсулъ, да еще изъ самыхъ яростныхъ. Онъ завелъ открытый, систематическій грабежь во всемъ краѣ, отрѣзанномъ его лазутчиками отъ Россіи. Ни одно письмо не переходило границы не распечатанное, и горе человѣку, который осмѣлился бы написать что-нибудь о его управленіи. Онъ купцовъ первой гильдіи держалъ по году въ тюрьмѣ, въ цѣпяхъ, онъ ихъ пыталъ. Чиновниковъ посылалъ на границу восточной Сибири и оставлялъ тамъ года на два, на три.

Долго терпѣлъ народъ; наконецъ какой-то тобольскій мѣщанинъ рѣшился довести до свѣдѣнія государя о положеніи дѣлъ. Боясь обыкновеннаго пути, онъ отправился на Кяхту и оттуда пробрался съ карованомъ чаевъ черезъ сибирскую границу. Онъ нашелъ случай въ Царскомъ-Селѣ подать Александру свою просьбу, умоляя его прочесть ее. Александръ былъ удивленъ, пораженъ страшными вѣщами, прочтенными имъ. Онъ позвалъ мѣщанина и, долго говоря съ нимъ, убѣдился въ печальной истинѣ его доноса. Огорченный и нѣсколько смущенный, онъ сказалъ ему—Ступай, братецъ, теперь домой, дѣло это будетъ разобрано.

— Ваше величество, отвѣчалъ мѣщанинъ, я къ себѣ теперь не пойду. Прикажите лучше меня запереть въ острогъ. Разговоръ мой съ вашимъ величествомъ не останется въ тайнѣ—меня убьютъ.

Александръ содрогнулся и сказалъ, обращаясь къ Милорадовичу, который тогда былъ генералъ-губернаторомъ въ Петербургѣ. Ты мнѣ отвѣчаешь за него.—Въ такомъ случаѣ, замѣтилъ Милорадовичъ, позвольте мнѣ его взять къ себѣ въ домъ. Тамъ мѣщанинъ дѣйствительно и оставался до окончанія дѣла.

Пестель почти всегда жилъ въ Петербургѣ. Вспомните, что и проконсулы живали обыкновенно въ Римѣ. Онъ своимъ присутствіемъ и связями, а всего болѣе дѣлежемъ добычи, предупреждалъ всякія непріятные слухи и дрязги. (*) Государственный совѣтъ, пользуясь отсутствіемъ Александра бывшаго въ Веронѣ или Ахенѣ, умно и справедливо рѣшилъ, что такъ какъ рѣчь въ доносѣ идетъ о Сибири, то дѣло и предать на разборъ Пестелю, благо онъ на лицо. Милорадовичъ, Мордвиновъ и еще человѣка два возстали противъ этого предложенія, и дѣло пошло въ сенатъ.

Сенатъ, съ тою возмутительной несправѣдливостью, съ которой постоянно судитъ дѣла высшихъ чиновниковъ, выгородилъ Пестеля, а Трескина, тобольскаго гражданскаго губернатора, лишивъ чиновъ и дворян-

(*) Это дало поводъ графу Ростопчину отпустить колкое слово на счетъ Пестеля. Они оба обѣдали у государя. Государь спросилъ, стоя у окна: Что это тамъ на церкви...на крестѣ, черное?—Я не могу разглядѣть, замѣтилъ Растопчинъ; это надобно спросить у Бориса Ивановича, у него чудесные глаза, онъ видитъ отсюда что дѣлается въ Сибири.

ства, сослалъ куда-то на житье. Пестель былъ только отрѣшенъ отъ службы.

Когда сынъ его былъ приговоренъ къ смерти, отецъ пріѣхалъ проститься съ нимъ. Говорятъ, что онъ въ присутствіи шпіоновъ и жандармовъ осыпалъ сына бранью и упреками, желая выказать свое необузданное вѣрноподданичество. Отеческое увѣщаніе онъ заключилъ вопросомъ: И чего ты то хотѣлъ?

— Это долго разсказывать — отвѣчалъ глубоко оскорбленный сынъ, я хотѣлъ между-прочимъ, чтобъ и возможности не было такихъ генералъ-губернаторовъ, какимъ вы были въ Сибири.

Послѣ Пестеля явился въ Тобольскъ Капцевичъ, изъ школы Аракчеева. Худой, желчевой, тиранъ по натурѣ, тиранъ потому что всю жизнь служилъ въ военной службѣ, безпокойный исполнитель — онъ приводилъ всё во фрунтъ и строй, объявлялъ maximum на цѣны, а обыкновенныя дѣла оставлялъ въ рукахъ разбойниковъ. Въ 1824 году государь хотѣлъ посѣтить Тобольскъ. По пермской губерніи идетъ превосходная широкая дорога, давно налаженная и которой вѣроятно способствовала почва. Капцевичъ сдѣлалъ такую-же до Тобольска въ нѣсколько мѣсяцевъ. Весной, въ распутицу и стужу, онъ заставилъ тысячи работниковъ дѣлать дорогу; ихъ сгоняли по раскладкѣ изъ ближнихъ и дальнихъ поселеній; открылись болѣзни, половина рабочихъ перемерла, но "усердіе всё превозмогаетъ", дорога была сдѣлана.

Восточная Сибирь управляется еще больше спустя рукава. Это ужъ такъ далеко, что и вѣсти едва доходятъ до Петербурга. Въ Иркутскѣ генералъ-губер-

наторъ Броневскій любилъ палить въ городѣ изъ пушекъ, когда "гулялъ". А другой служилъ пьяный у себя въ домѣ обѣдню въ полномъ облаченіи и въ присутствіи Архіерея. По крайней-мѣрѣ шумъ одного и набожность другого не были такъ вредны какъ осадное положеніе Пестеля и неусыпная дѣятельность Капцевича.

Жаль что Сибирь такъ скверно управляется. Выборъ генералъ-губернаторовъ особенно несчастенъ. Не знаю каковъ Муравьевъ; онъ извѣстенъ умомъ и способностями; остальные были никуда не годны. Сибирь имѣетъ большую будущность, на нее смотрять только какъ на подвалъ, въ которомъ много золота, много мѣху и другого добра, но который холоденъ, занесенъ снѣгомъ, бѣденъ средствами жизни, не изрѣзанъ дорогами, не населенъ. Это не вѣрно.

Мертвящее русское правительство, дѣлающее все насиліемъ, все палкой, не умѣетъ сообщить тотъ жизненный толчекъ, который увлекъ бы Сибирь съ американской быстротою впередъ. Увидимъ что будетъ, когда устья Амура откроются для судоходства и Америка встрѣтится съ Сибирью возлѣ Китая.

Я давно говорилъ, что Тихій Океанъ—Средиземное Море "будущаго". Въ этомъ будущемъ роль Сибири, страны между Океаномъ, южной Азіей и Россіей, чрезвычайно важна. Разумѣется, Сибирь должна спуститься къ китайской границѣ. Не въ самомъ-же дѣлѣ мерзнуть и дрожать въ Березовѣ и Якусткѣ, когда есть Красноярскъ.

Самое русское народонаселеніе въ Сибири имѣетъ въ характерѣ своемъ начала, намѣкающія на иное

развитіе. Вообще сибирское племя здоровое, рослое, умное и чрезвычайно положительное. Дѣти поселыщиковъ, Сибиряки вовсе не знаютъ помѣщичьей власти. Дворянства въ Сибири нѣтъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ нѣтъ и аристократіи въ городахъ; чиновникъ и офицеръ, представители власти, скорѣе похожи на непріятельскій гарнизонъ, поставленный побѣдителемъ, нежели на аристократію. Огромныя разстоянія спасаютъ крестьянъ отъ частаго сношенія съ ними; деньги спасаютъ купцовъ, которые въ Сибири презираютъ чиновниковъ и, наружно уступая имъ, принимаютъ ихъ за то что они есть, за своихъ прикащиковъ по гражданскимъ дѣламъ.

Привычка къ оружію, необходимая для Сибиряка, повсемѣстна; привычка къ опасностямъ, къ расторопности, сдѣлали сибирскаго крестьянина болѣе воинственнымъ, находчивымъ, готовымъ на отпоръ, нежели великорусскаго. Даль церквей оставила его умъ свободнѣе отъ изувѣрства нежели въ Россіи, онъ холоденъ къ религіи, большей частью раскольникъ. Есть дальнія деревеньки куда попъ ѣздитъ раза три въ годъ и гуртомъ накрещиваетъ, хоронитъ, женитъ и исповѣдуетъ за всё время.

...По сю сторону уральскаго хребта дѣла дѣлаются скромнѣе, и, не смотря на то, я томы могъ бы наполнить анекдотами о злоупотребленіяхъ и плутовствѣ чиновниковъ, слышанными мною въ продолженіе моей службы въ канцеляріи и столовой губернатора.

— Вотъ былъ профессоръ-съ,—говорилъ мнѣ въ минуту задушевнаго разговора вятскій полицмей-

стеръ,—мой предшественникъ — ну конечно эдакъ жить можно, только на это надобно родиться-съ; это въ своемъ родѣ, могу сказать, Сеславинъ, Фигнеръ, — и глаза хромаго маіора, за рану произведеннаго въ полицмейстеры, блистали при воспоминаніи славнаго предшественника.

—Показалась шайка воровъ, не далеко отъ города, разъ, другой доходитъ до начальства—то у купцовъ товаръ ограбленъ, то у управляющаго по откупамъ деньги взяты. Губернаторъ въ хлопотахъ, пишетъ одно предписаніе за другимъ. Ну знаете, земская полиція трусъ; такъ какого-нибудь воришку связать, да представить она умѣетъ,—а тамъ шайка, да и пожалуй съ ружьями. Земскіе ничего не сдѣлали. Губернаторъ призываетъ полицмейстера, и говоритъ — Я молъ знаю, что это вовсе не ваша должность, но ваша распорядительность заставляетъ меня обратиться къ вамъ.

— Полицмейстеръ прежде ужь о дѣлѣ былъ наслышанъ. Генералъ, отвѣчаетъ онъ, я ѣду черезъ часъ. Воры должны быть тамъ-то и тамъ-то, я беру съ собой комманду, найду ихъ тамъ-то и тамъ-то и черезъ два, три дни привезу ихъ въ цѣпяхъ въ губернскій острогъ. Помилуйте, вѣдь это Суворовъ у австрійскаго императора!—Дѣйствительно; сказано, сдѣлано, онъ ихъ такъ и накрылъ съ командой, денегъ не успѣли спрятать, полицмейстеръ все взялъ и представилъ воровъ въ городъ.

Начинается слѣдствіе. Полицмейстеръ спрашиваетъ: гдѣ деньги?

— Да мы ихъ тебѣ, батюшка, сами въ руки отдали, отвѣчаютъ двое воровъ.

— Мнѣ? говоритъ полицмейстеръ, пораженный удивленіемъ.

— Тебѣ, кричатъ воры, тебѣ.

— Вотъ дерзость-то, говоритъ полицмейстеръ частному приставу, блѣднѣя отъ негодованія, да вы, мошенники, пожалуй увѣрите, что я вмѣстѣ съ вами грабилъ. Такъ вотъ я вамъ покажу какого марать мой мундиръ ; я уланской корнетъ, и честь свою не дамъ въ обиду!

Онъ ихъ сѣчь,—признавайся да и только, куда деньги дѣли. Тѣ сначала свое. Только какъ онъ велѣлъ имъ закатить на двѣ трубки, такъ главный-то изъ воровъ закричалъ : Виноваты, деньги прогуляли.

— Давно бы такъ, говоритъ полицмейстеръ, а то несешь вздоръ такой, меня, братъ, не скоро надуешь.

— Ну ужъ точно намъ у вашего благородія надобно учиться, а не вамъ у насъ. Гдѣ намъ! пробормоталъ старый плутъ, съ удивленіемъ поглядывая на полицмейстера. — А вѣдь онъ за это дѣло получилъ Владиміра въ пѣтлицу.

Позвольте, спросилъ я, перебивая похвальное слово великому полицмейстеру, что-же это значитъ: на двѣ трубки?

— Это такъ у насъ домашнее выраженіе. Скучно, знаете, при наказаніи, ну такъ велишь сѣчь да и куришь трубку, обыкновенно къ концу трубки и наказанію конецъ,—ну а въ экстренныхъ случаяхъ, велишь иной разъ и на двѣ трубки угостить пріятели. Полицейскіе привычны, знаютъ...примѣрно сколько.

Рядомъ съ этимъ хищнымъ чиновникомъ, я покажу вамъ и другую противуположную породу —чиновника мягкаго, сострадательнаго, ручнаго.

Между моими знакомыми былъ одинъ почтенный старецъ, исправникъ отрѣшенный по сенаторской ревизіи отъ дѣлъ. Онъ занимался составленіемъ просьбъ и хожденіемъ по дѣламъ, что именно было ему запрещено. Человѣкъ этотъ, начавшій службу съ незапамятныхъ временъ, воровалъ, подскабливалъ, наводилъ ложныя справки въ трехъ губерніяхъ, два раза былъ подъ судомъ, и пр. Этотъ ветеранъ земской полиціи любилъ разсказывать удивительные анекдоты о самомъ себѣ и своихъ сослуживцахъ, не скрывая своего презрѣнія къ выродившимся чиновникамъ новаго поколѣнія.

— Это такъ вертопрахи, говорилъ онъ, конечно они берутъ, безъ этого жить нельзя, но то-есть эдакъ ловкости или знанія закона и не спрашивайте.

Я разскажу вамъ, для примѣра, объ одномъ пріятелѣ. Судьей былъ лѣтъ двадцать, въ прошедшемъ году помре, вотъ былъ голова! и мужики его лихомъ не поминаютъ и своимъ хлѣба кусокъ оставилъ.

Совсѣмъ особенную манеру имѣлъ. Придетъ бывало мужикъ съ просьбицей, судья сейчасъ пускаетъ къ себѣ, такой ласковый, веселый.

— Какъ дискать, дядюшка, твое имя и батюшку твоего какъ звали?

Крестьянинъ кланяется. — Ермолаемъ молъ, батюшка, а отца Григорьемъ прозывали.

— Ну здраствуйте, Ермолай Григорьевичъ, изъ какихъ мѣстъ Господь несетъ?

— А мы Дубиловскіе.

— Знаю, знаю — Мѣльницы-то кажись ваши вправо отъ дороги — отъ трахта.

— Точно, батюшка, мѣльницы общинныя наши.

— Село зажиточное, землица хорошая, черноземъ.

— На Бога не жалобимся, нешто кормилецъ.

— Да вѣдь оно и нужно. Не бось у тебя, Ермолай Григорьевичъ, семейка не малая?

— Три сыночка, да дѣвки двѣ, да во дворъ къ старшей принялъ молодца, пятый годокъ пошелъ.

— Чай ужъ и внучата завѣлись?

— Есть точно небольшое дѣло, ваша милость.

— И слава Богу, плодитесь и умножайтесь. Нутка, Ермолай Григорьевичъ, дорога дальняя, выпьемъ-ка рюмочку березовой.

Мужикъ ломается. Судья наливаетъ ему, приговаривая: полно, полно, братъ, сегодня отъ святыхъ отцовъ нѣтъ запрета на вино и елей.

— Оно точно, что запрету нѣтъ; но вино-то и доводитъ человѣка до всѣхъ бѣдъ. Тутъ онъ крестится, кланяется и пьетъ березовку.

— При такой семейкѣ, Григоричъ, не бось накладно жить? каждаго накормить, одѣть,—одной клячонкой или коровенкой не оборотишь дѣла, молока не достанетъ.

— Помилуй, батюшка, куда толкнешься съ одной лошаденкой; есть таки троичка — была четвертая, саврасая, да пала—съ глазу, о Петровки—плотникъ у насъ, Дороѳей, не приведи Богъ, ненавидитъ чужое добро и глазъ у него больно дуренъ.

— Бываетъ-съ, бываетъ-съ. А у васъ вѣдь выгоны большіе, не бось барашковъ держите?

— Нешто, есть и барашки.

— Охъ затолковался я съ тобой. Служба, Ермолай Григоричъ, царская, пора въ судъ—что у тебя дѣльцо что-ли?

— Точно: ваша милость — есть.

— Ну что такое? — повздорили что-нибудь? поскорѣе, дядя, разсказывай, пора ѣхать.

— Да что, отецъ родной, бѣда подъ старость лѣтъ пришла...Вотъ въ самое-то въ Успленье были мы въ питейномъ, ну и крупно поговорили съ сусѣдскимъ крестьяниномъ —такой безобразный человѣкъ, нашъ лѣсъ крадетъ. Только поговоримши, онъ размахнулся да меня кулакомъ въ грудь. Ты моль, въ чужой деревни не дерись, говорю я ему, да хотѣлъ, такъ то-есть примѣръ сдѣлать, тычка ему дать, да съ пьяну что-ли или нечистая сила, прямо ему въ глазъ — ну и попортилъ то-есть глазъ, а онъ со старостой церковнымъ сей часъ къ становому — хочу дискать судъ по формѣ.

Во время разсказа судья—что наши петербургскіе актеры—всё становится серьезнѣе, глаза эдакіе сдѣлаетъ страшные, и ни слова.

Мужикъ видитъ и блѣднѣетъ; ставитъ шляпу у ногъ и вынимаетъ полотенцо чтобъ обтерѣть потъ. Судья всё молчитъ и въ книжкѣ листочки перевертываетъ.

— Такъ вотъ я, батюшка, къ тебѣ и пришелъ, говоритъ мужикъ не своимъ голосомъ.

— Чего-жъ я могу сдѣлать тутъ! экая причина! и зачѣмъ же это прямо въ глазъ?

— Точно, батюшка, зачѣмъ — врагъ попуталъ.

— Жаль, очень жаль! изъ чего домъ долженъ погибнуть! ну что семья безъ тебя останется? всё молодежъ, а внучата мелкота, да и старушку-то твою жаль.

У мужика начинаютъ ноги дрожать.—Да что же, отецъ родной, къ чему-же это я себя угодилъ?

— Вотъ, Ермолай Григорьичъ, читай самъ — или того, грамота-то не далась? Ну вотъ видишь "о членовредителяхъ" статья.....Наказавши плетьми сослать въ Сибирь на поселенье.

— Не дай раззориться человѣку! не погуби христіанина! развѣ нельзя какъ..?

— Экой ты какой! Развѣ супротивъ закона можно идти? Конечно всё дѣло рукъ человѣческихъ. Ну вмѣсто тридцати ударовъ мы назначимъ эдакъ пяточекъ.

— Да то-есть вотъ Сибирь-то..?

— Не въ нашей, братецъ ты мой, волѣ.

Тащитъ мужикъ изъ-за пазухи кошелекъ, вынимаетъ изъ кошелька бумажку, изъ бумажки два-три золотыхъ, и съ низкимъ поклономъ кладетъ ихъ на столъ.

— Это что, Ермолай Григорьевичъ?

— Спаси, батюшка.

— И полно, полно! что ты это? Я, грѣшный человѣкъ, иной разъ беру благодарность. Жалованье у меня малое, по неволѣ возмешь; но принять, такъ было бы за что — какъ я тебѣ помогу? добро бы ребро или зубъ, а то прямо въ глазъ! Возьмите денежки ваши назадъ.

Мужикъ уничтоженъ.

— Развѣ вотъ что? поговорить мнѣ съ товарищами, да и въ губернію отписать? — неравно дѣло пойдетъ въ палату, тамъ у меня есть пріятели, всё сдѣлаютъ, ну только это люди другого сорта, тутъ тремя лобанчиками не отдѣлаешься.

Мужикъ начинаетъ приходить въ себя.

— Мнѣ пожалуй ничего не давай, мнѣ семью жаль, ну а тѣмъ меньше двухъ сѣринькихъ и предлагать нечего.

— То есть какъ предъ Богомъ, ума не приложу гдѣ это достать такую палестину денегъ—четыреста рублевъ—время же какое?

— Я таки и самъ думаю, что оно трудновато. Наказанье мы уменьшимъ, за раскаяніе молъ и принявъ въ соображеніе нетрезвый видъ; — вѣдь и въ Сибири люди живутъ. Тебѣ же не Богъ вѣсть какъ далеко идти...Конечно, если продать парочку лошадокъ, да одну изъ коровъ, да барашковъ, оно можетъ и хватитъ. Да скоро-ли потомъ въ крестьянскомъ дѣлѣ сколотишь столько денегъ! А съ другой стороны подумаешь, лошадки-то останутся, а ты-то пойдешь себѣ куда Макаръ телятъ не гонялъ. Подумай, Григорьичъ, время терпитъ, пообождемъ до завтра, а мнѣ пора, прибавляетъ судья и кладетъ въ карманъ лобанчики, отъ которыхъ отказался, говоря: Это вовсе лишнее, я беру только чтобъ васъ не обидѣть.

На другое утро, глядь, старый жидъ тащитъ разными крестовиками да старинными рублями рублевъ триста пятдесятъ ассигнаціями къ судьѣ.

Судья обѣщаетъ печься о дѣлѣ; мужика судятъ, судятъ, стращаютъ, а потомъ и выпустятъ съ какимъ нибудь легкимъ наказаніемъ или съ совѣтомъ: впредь въ подобныхъ случаяхъ быть осторожнымъ, или съ отмѣткой: "оставить въ подозрѣніи": И мужикъ всю жизнь молитъ Бога за судью.

Вотъ какъ дѣлали въ старь, приговоривалъ отрѣшенный отъ дѣлъ исправникъ, — на чистоту.

.....Вятскіе мужики вообще не очень выносливы. За то ихъ и считаютъ чиновники ябедниками и беспокойными. Настоящій кладъ для земской полиціи, это Вотяки, Мордва, Чуваши, народъ жалкій, робкій, бездарный. Исправники даютъ двойной окупъ губернаторамъ за назначеніе ихъ въ уѣзды населенные Финами.

Полиція и чиновники дѣлаютъ невѣроятныя вещи съ этими бѣдняками.

Землемѣръ-ли ѣдитъ съ порученіемъ черезъ вотскую деревню, онъ непремѣнно въ ней останавливается, беретъ съ телеги астролябію, вбиваетъ шестъ, протягиваетъ цѣпь. Черезъ часъ вся деревня въ смятеніи. "Межемѣрія, межемѣрія!" говорятъ мужики съ тѣмъ видомъ, съ которымъ въ 12мъ году говорили "Французъ, французъ!" Является староста поклониться съ міромъ. А тотъ всё мѣряетъ и записываетъ. Онъ его проситъ не обмѣрить, не обидѣть. Землемѣръ требуетъ двадцать, тридцать рублей. Вотяки радехоньки, собираютъ деньги — и землемѣръ ѣдитъ до слѣдующей вотской деревни.

Попадется-ли мертвое тѣло исправнику съ становымъ, они его возятъ двѣ недѣли, пользуясь морозомъ

по вятскимъ деревнямъ, и въ каждой говорятъ, что сей часъ подняли и что слѣдствіе и судъ назначены въ ихъ деревни. Вотяки откупаются.

За нѣсколько лѣтъ до моего пріѣзда, исправникъ, разохотившійся брать выкупы, привезъ мертвое тѣло въ большую русскую деревню и требовалъ, помнится, двѣсти рублей. Староста собралъ міръ; міръ больше ста не давалъ. Исправникъ не уступалъ. Мужики разсердились, заперли его съ двумя писарями въ волостномъ правленіи и въ свою очередь грозили ихъ сжечь. Исправникъ не повѣрилъ угрозѣ. Мужики обложили избу соломой и какъ ультиматумъ подали исправнику на шестѣ въ окно сто-рублевую ассигнацію. Героическій исправникъ требовалъ еще сто. Тогда мужики зажгли съ четырехъ сторонъ солому, и всѣ три Муціи Сцеволы земской полиціи сгорѣли.—Дѣло это было потомъ въ сенатѣ.

Вотскія деревни вообще гораздо бѣднѣе русскихъ. —Плохо, братъ, ты живешь, говорилъ я хозяину Вотяку, дожидаясь лошадей въ душной, черной и покосившейся избушкѣ, поставленной окнами назадъ, т. е. на дворъ, и отодвигая миску съ вонючимъ молокомъ, которую онъ мнѣ принесъ.

— Что, бачка, дѣлать! мы бѣдна, деньга бережемъ на черная дня.

— Ну чернѣе мудрено быть дню, старинушка, сказалъ я ему, наливая рюмку рома, — выпейка-ка съ горя.

— Мы не пьемъ, отвѣчалъ Вотякъ, страстно глядя на рюмку и подозрительно на меня.

— Полно, нутка бери.

— Выпей сама прежде.

— Я выпилъ, и Вотякъ выпилъ. А ты что? спросилъ онъ, — съ губернія — по дѣлу?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, проѣздомъ, ѣду въ Вятку. Это его значительно успокоило и онъ, осмотрѣвшись на всѣ стороны, прибавилъ въ видѣ поясненія:
—Черной дня—когда исправникъ да попъ пріѣдутъ.

Вотъ о послѣднемъ-то я и хочу вамъ разсказать кое-что. Попъ у насъ превращается болѣе и болѣе въ духовнаго квартальнаго, какъ и слѣдуетъ ожидать отъ византійскаго смиренія нашей церкви и отъ императорскаго первосвятительства.

Финское населеніе долею приняло крещеніе въ до-петровскія времена, долею было окрещено въ царствованіе Елизаветы, и долею осталось въ язычествѣ. Большая часть крещенныхъ при Елизаветѣ тайно придерживаются своей печальной, дикой религія. (*)

Года черезъ два-три исправникъ или становой отправляются съ попомъ по деревнямъ ревизовать, кто изъ Вотяковъ говѣлъ, кто нѣтъ, и почему нѣтъ. Ихъ тѣснятъ, сажаютъ въ тюрьму, сѣкутъ, заставляютъ платить требы; а, главное, попъ и исправникъ ищутъ какое-нибудь доказательство, что Вотяки не оставили своихъ прежнихъ обрядовъ. Тутъ духовный

(*) Всѣ молитвы ихъ сводятся на матеріальную просьбу о продолженіи ихъ рода, объ урожаѣ, о сохраненіи стада, и больше ничего. " Дай Юмала, чтобъ отъ одного барана родилось два, отъ одного зерна родилось пять, чтобъ у моихъ дѣтей были дѣти." Въ этой неувѣренности въ земной жизни и хлѣбѣ насущномъ есть что-то отжившее, подавленное, несчастное и печальное. Діаволъ (Шайтанъ) почитается на равнѣ съ Богомъ.

сыщикъ и земскій миссіонеръ подымаютъ бурю, берутъ огромный окупъ, дѣлаютъ "черныя дни", потомъ уѣзжаютъ, оставляя всё по старому, чтобъ имѣть случай черезъ годъ, другой снова поѣхать съ розгами и крестомъ.

Въ 1835 году святѣйшій Синодъ счелъ нужнымъ поапостольствовать въ вятской губерніи и обратить Черемисовъ язычниковъ въ православіе.

Это обращеніе типъ всѣхъ великихъ улучшеній, дѣлаемыхъ русскимъ правительствомъ—фасадъ, декорація, blague, ложъ, пышный отчетъ, кто-нибудь крадетъ и кого нибудь сѣкутъ.

Митрополитъ Филаретъ отрядилъ миссіонеромъ бойкаго священника. Его звали Курбановскимъ. Снѣдаемый русской болѣзнію — честолюбіемъ, Курбановскій горячо принялся за дѣло. Во-чтобъ то ни стало, онъ рѣшился втѣснить благодать Божью Черемисамъ. Сначала онъ попробовалъ проповѣдывать, но это ему скоро надоѣло. И въ самомъ дѣлѣ много-ли возмешь этимъ старымъ средствомъ!

Черемисы, смекнувши въ чемъ дѣло, прислали своихъ священниковъ — дикихъ, фанатическихъ и ловкихъ. Они послѣ долгихъ разговоровъ сказали Курбановскому: " Въ лѣсу есть бѣлыя березы, высокія сосны и ели, есть тоже и малая мозжюха. Богъ всѣхъ ихъ терпитъ и не велитъ мозжюхѣ быть сосной. Такъ вотъ и мы межъ собой какъ лѣсъ.—Будьте вы бѣлыми березами, мы остaнемся мозжюхой, мы вамъ не мѣшаемъ, за царя молимся, подать платимъ и рекрутовъ ставимъ, а святынѣ своей измѣнить не хотимъ".

Курбановскій увидѣлъ, что съ ними не столкуешь и что доля Кирила и Меѳодія ему не удается. Онъ обратился къ исправнику. Исправникъ обрадовался до-нельзя; ему давно хотѣлось показать свое усердіе къ церкви — онъ былъ некрещеный татаринъ, т. е. правовѣрный Магометанинъ, по названію Девлетъ Килдѣевъ.

Исправникъ взялъ съ собой команду и поѣхалъ осаждать Черемисовъ Словомъ Божіимъ. Нѣсколько деревень были окрещены. Апостолъ Курбановскій отслужилъ молебствіе и отправился смиренно получать камилавку. Апостолу-татарину правительство прислало Владимірскій крестъ за распространеніе Христіанства!

По несчастію татаринъ-миссіонеръ былъ не въ ладахъ съ Мулою въ Малмыжѣ. Мулѣ совсѣмъ неправилось, что правовѣрный сынъ Корана такъ успѣшно проповѣдуетъ Евангеліе. Въ рамазанъ, исправникъ, отчаянно привязавши крестъ въ петлицу, явился въ мечети и, разумѣется, сталъ впереди всѣхъ. Мула только-было началъ читать въ носъ Коранъ, какъ вдругъ остановился и сказалъ, что онъ не смѣетъ продолжать въ присутствіи правовѣрнаго пришедшаго въ мечеть съ христіанскимъ знаменіемъ.

Татары зароптали, исправникъ смѣшался и куда-то спрятался или снялъ крестъ.

Я потомъ читалъ въ журналѣ министерства внутреннихъ дѣлъ объ этомъ блестящемъ обращеніи Черемисовъ. Въ статьѣ было упомянуто ревностное содѣйствіе Девлетъ-Килдѣева. По несчастію забыли прибавить, что усердіе къ церкви было тѣмъ болѣе

безкорыстно у него, чѣмъ тверже онъ вѣрилъ въ Исламизмъ.

— Передъ окончаніемъ моей вятской жизни департаментъ государственныхъ имуществъ воровалъ до такой наглости, что надъ нимъ назначили слѣдственную комиссію, которая разослала ревизоровъ по губерніямъ. Съ этого началось введеніе новаго управленія государственными крестьянами.

Губернаторъ Корниловъ долженъ былъ назначить отъ себя двухъ чиновниковъ при ревизіи. Я былъ одинъ изъ назначенныхъ. Чего не пришлось мнѣ тутъ прочесть! и печальнаго, и смѣшнаго, и гадкаго. Самые заголовки дѣлъ поражали меня удивленіемъ.

— "Дѣло о потери неизвѣстно куда дома Волостнаго правленія и о изгрызеніи плана онаго мышами".

— "Дѣло о потери двадцати двухъ казенныхъ оброчныхъ статей"; т. е. верстъ пятнадцать земли.

— "Дѣло о перечисленіи крестьянскаго мальчика Василья въ женскій полъ".

Послѣднее было такъ хорошо, что я тотчасъ прочелъ его отъ доски до доски.

Отецъ этого предполагаемаго Василья пишетъ въ своей просьбѣ губернатору, что лѣтъ пятнадцать тому назадъ у него родилась дочь, которую онъ хотѣлъ назвать Василисой, но что священникъ, бывъ "подъ хмѣлькомъ", окрестилъ дѣвочку Васильемъ и такъ внесъ въ метрику. Обстоятельство это по видимому мало безпокоило мужика, на когда онъ понялъ, что скоро падетъ на его домъ рекрутская очередь и подушныя, тогда онъ объявилъ о томъ головѣ и

становому. Случай этотъ показался полиціи очень мудренъ. Она предварительно отказала мужику, говоря, что онъ пропустилъ десятилѣтнюю давность. Мужикъ пошелъ къ Губернатору. Губернаторъ назначилъ торжественное освидѣтельствованіе этого мальчика женскаго пола медикомъ и повивальной бабкой.....Тутъ ужъ какъ-то завелась переписка съ консисторіей, и попъ, наслѣдникъ того, который подъ хмѣлькой цѣломудренно не разбиралъ плотскихъ различій, выступилъ на сцену, и дѣло длилось годы, и чуть-ли дѣвочку не оставили въ подозрѣніи мужскаго пола.

Не думайте, что это нелѣпое предположеніе сдѣлано мною для шутки; вовсе нѣтъ, это совершенно сообразно духу русскаго самодержавія: —

При Павлѣ, какой-то гвардейскій полковникъ въ мѣсячномъ рапортѣ показалъ умершимъ офицера, который отходилъ въ больницѣ. Павелъ его исключилъ за смертью изъ списковъ. По несчастію офицеръ не умеръ, а выздоровѣлъ. Полковникъ упросилъ его на годъ или на два уѣхать въ свои деревни, надѣясь сыскать случай поправить дѣло. Офицеръ согласился, но, на бѣду полковника, наслѣдники прочитавши въ приказахъ о смерти родственника, ни за что не хотѣли его признавать живымъ и, безутѣшные отъ потери, настойчиво требовали ввода во владѣніе. Когда живой мертвецъ увидѣлъ, что ему приходится въ другой разъ умирать, и не съ приказу—а съ голоду, тогда онъ поѣхалъ въ Петербургъ и подалъ Павлу просьбу. Павелъ написалъ своей рукой на его просьбѣ: "Такъ какъ объ г. офицерѣ состоялся

Высочайшій приказъ, то въ просьбѣ ему отказать".

Это еще лучше моей Василисы - Василья. Что значитъ грубый фактъ жизни передъ высочайшимъ приказомъ? Павелъ былъ поэтъ и діалектикъ самовластія!

— Какъ ни грязно и ни топко въ этомъ болотѣ приказныхъ дѣлъ, но прибавлю еще нѣсколько словъ. Эта гласность послѣднее, слабое вознагражденіе страдавшимъ, погибнувшимъ безъ вѣсти, безъ утѣшенія.

Правительство даетъ охотно въ награду высшимъ чиновникамъ пустопорожнія земли. Вреда въ этомъ большаго нѣтъ, хотя умнѣе было бы сохранить эти запасы для умножающагося населенія. Правила, по которымъ велѣно отмежевывать земли, довольно подробны; нельзя давать береговъ судоходной рѣки, строеваго лѣса, обоихъ береговъ рѣки, — наконецъ ни въ какомъ случаѣ не велѣно выдѣлять земель обработанныхъ крестьянами, хотя бы крестьяне не имѣли никакихъ правъ на эти земли, кромѣ давности.....(*)

Всё это, разумѣется, на бумагѣ. На дѣлѣ отмѣжеваніе земель въ частное владѣніе страшный источникъ грабежа казны и притѣсненія крестьянъ.

Благородные вельможи, получающіе аренды, обыкновенно или продаютъ свои права купцамъ, или стараются черезъ губернское начальство завладѣть

(*) Въ Вятской губ. крестьяне особенно любятъ переселяться Очень часто въ лѣсу открываются вдругъ три-четыре починка. Огромные земли и лѣса (до половины уже сведенные) увлекаютъ крестьянъ брать эту res nullius, безполезно остающуюся. Министерство финансовъ нѣсколько разъ принуждено было утверждать землю за захватившими.

вопреки правиламъ чѣмъ-нибудь особеннымъ. Самъ графъ Орловъ случайно получилъ въ надѣлъ дорогу и пастбища на которыхъ останавливаются гурты въ саратовской губ.

Дивиться, стало быть нечему, что однимъ добрымъ утромъ у крестьянъ даровской волости, котельническаго уѣзда, отрѣзали землю вплоть до гуменниковъ и домовъ и отдали въ частное владѣніе купцамъ, купившимъ аренду у какого-то родственника графа Канкрина. Купцы положили наемную плату за землю. Изъ этого началось дѣло. Казенная палата, закупленная купцами и боясь родственника Канкрина, запутала дѣло. Но крестьяне рѣшились его вести настойчиво; они выбрали двухъ толковитыхъ мужиковъ и отправили ихъ въ Петербургъ. Дѣло пошло въ сенатъ. Межевой департаментъ догадался, что мужики правы, но не зналъ что дѣлать и спросилъ Канкрина. Канкринъ просто призналъ, что земля неправильно отрѣзана, но считалъ затруднительнымъ возвратить ее, потому-что она съ тѣхъ поръ могла быть перепродаваема и что владѣльцы оной могли сдѣлать разныя улучшенія. А потому его сіятельство положило, пользуясь большимъ количествомъ казенныхъ земель, надѣлить крестьянъ полнымъ количествомъ съ другой стороны. Это понравилось всѣмъ—кромѣ крестьянъ. Во первыхъ, шуточное-ли дѣло вновь разработывать поля? во-вторыхъ, земля съ другой стороны оказалась неудобною, болотистою. Такъ какъ крестьяне даровской волости больше занимались хлѣбопашествомъ, нежели охотой за дупелями и бекасами, то они снова подали просьбу.

Тогда казенная палата и министерство финансовъ отдѣлили новое дѣло отъ прежняго и найдя законъ, въ которомъ сказано, что если попадется неудобная земля, идущая въ надѣлъ, то не вырѣзывать ее, а прибавлять еще половинное количество, велѣли дать даровскимъ крестьянамъ къ болоту еще полболота.

Крестьяне снова подали въ сенатъ, но пока ихъ дѣло дошло до разбора, межевой департаментъ прислалъ имъ планы на новую землю, какъ водится, переплетенные, раскрашенные, съ изображеніемъ звѣзды вѣтровъ, съ приличными объясненіями ромба R R Z и ромба Z Z R, а главное, съ требованіемъ такой-то подесятинной платы. Крестьяне, увидѣвъ, что имъ не только не отдаютъ земли, но хотятъ съ нихъ слупить деньги за болото, на чисто отказались платить.

Исправникъ донесъ Тюфяеву. Тюфяевъ послалъ военную экзекуцію подъ начальствомъ вятскаго полицмейстера. Тотъ пріѣхалъ, схватилъ нѣсколько человѣкъ, пересѣкъ ихъ, усмирилъ волость, взялъ деньги, предалъ виновныхъ уголовному суду и недѣлю говорилъ хриплымъ языкомъ отъ крику. Нѣсколько человѣкъ были наказаны плетьми и сосланы на поселеніе.

Черезъ два года наслѣдникъ проѣзжалъ Даровской волостью, крестьяне подали ему просьбу, онъ велѣлъ разобрать дѣло. По этому случаю я составлялъ изъ него докладную записку. Что вышло путнаго изъ этого пересмотра — я не знаю. Слышалъ я, что сосланныхъ воротили, но воротили-ли землю — не слыхалъ.

Въ заключеніе упомяну о знаменитой исторіи картофельнаго бунта.

Русскіе крестьяне не охотно сажали картофель, какъ нѣкогда крестьяне всей Европы, какъ будто инстинктъ говорилъ народу, что это дрянная пища, не дающая ни силъ, ни здоровья. Впрочемъ у порядочныхъ помѣщиковъ и во многихъ казенныхъ деревняхъ "земляныя яблоки" саживались гораздо прежде картофельнаго террора. Но русскому правительству то-то и противно что дѣлается само собою. Всё надобно чтобъ дѣлалось изъ подъ палки, по флигельману, по темпамъ.

Крестьяне казанской и долею вятской губерніи засѣяли картофелемъ поля. Когда картофель былъ собранъ, министерству пришло въ голову завести по волостямъ центральныя ямы. Ямы утверждены, ямы предписаны, ямы копаются, и въ началѣ зимы мужики, скрѣпя сердце, повезли картофель въ центральныя ямы. Но когда слѣдующей весной ихъ хотѣли заставить сажать мерзлый картофель, они отказались. Дѣйствительно не могло быть оскорбленія болѣе дерзкаго труду, какъ приказъ дѣлать явнымъ образомъ нелѣпость. Это возраженіе было представлено какъ бунтъ. Министръ Киселевъ прислалъ изъ Петербурга чиновника; онъ, человѣкъ умный и практическій, взялъ въ первой волости по рублю съ души и позволилъ не сѣять картофельныя выморозки.

Чиновникъ повторилъ это во второй и въ третьей. Но въ четвертой голова ему сказалъ на отрѣзъ, что онъ картофель сажать не будетъ, ни денегъ ему не дастъ.

Ты, говорилъ онъ ему, освободилъ такихъ-то и и такихъ-то; ясное дѣло, что и насъ долженъ освободить. Чиновникъ хотѣлъ дѣло кончить угрозами и розгами, но мужики схватились за колья, полицейскую команду прогнали; военный губернаторъ послалъ казаковъ. Сосѣднія волости вступились за своихъ.

Довольно сказать, что дѣло дошло до пушечной картечи и ружейныхъ выстрѣловъ. Мужики оставили домы, разсыпались по лѣсамъ; козаки ихъ выгоняли изъ чащи какъ дикихъ звѣрей; тутъ ихъ хватали, ковали въ цѣпи и отправляли въ военно-судную комиссію въ Космодеміанскъ.

По странной случайности старый маіоръ внутренней стражи былъ честный, простой человѣкъ; онъ добродушно сказалъ, что всему виною чиновникъ, присланный изъ Петербурга. На него всѣ опрокинулись, его голосъ подавили, заглушили; его запугали и даже застыдили тѣмъ, что онъ хочетъ "погубить невиннаго человѣка"...

Ну и слѣдствіе пошло обычнымъ русскимъ чередомъ: мужиковъ сѣкли при допросахъ, сѣкли въ наказаніе, сѣкли для примѣра, сѣкли изъ денегъ и и цѣлую толпу сослали въ Сибирь.

Замѣчательно, что Киселевъ проѣзжалъ по Космодеміанску во время суда. Можно было бы, кажется, завернуть въ военную комиссію или позвать къ себѣ маіора.

Онъ этого не сдѣлалъ!

.....Знаменитый Тюрго, видя ненависть Французовъ къ картофелю, разослалъ всѣмъ откупщикамъ, поставщикамъ и другимъ подвластнымъ лицамъ

картофель на посѣвъ, строго запретивъ давать крестьянам. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ сообщилъ имъ тайно, чтобъ они не препятствовали крестьянам красть на посѣвъ картофель. Въ нѣсколько лѣтъ часть Франціи обсѣялась картофелемъ.—

Tout bien pris, вѣдь это лучше картечи, Павелъ Дмитрьевичъ?

—Чтобъ не прерываться, разскажу я здѣсь исторію случившуюся года полтора спустя съ владимірскимъ старостою моего отца. Мужикъ онъ былъ умный, бывалый, ходилъ въ извозѣ, самъ держалъ нѣсколько троекъ и лѣтъ двадцать сидѣлъ старостой небольшой оброчной деревеньки.

Въ тотъ годъ въ который я жилъ въ Владимірѣ —сосѣдніе крестьяне просили его, сдать за нихъ рекрута, онъ явился въ городъ съ будущимъ защитникомъ отечества на веревкѣ и съ большой самоувѣренностью, какъ мастеръ своего дѣла.

"Это батюшка, говорилъ онъ расчесывая пальцами свою окладистую бѣлокурую бороду съ проѣдью—все дѣло рукъ человѣческихъ. Въ запрошломъ году нашего малаго ставили, былъ такой плохинькой, лядащій—мужички больно опасались что не сойдетъ. Ну я и говорю, а что примѣрно-православные прикладу положите—не мазано колесо не вертится.—Мы такъ потолковали промежъ себя, міръ то и опредѣлилъ двадцать пять золотыхъ. Пріѣзжаю я въ губернію и поговоримши въ казенной палатѣ, иду прямо къ председателю — человѣкъ, батюшка, былъ онъ умный и меня давненько зналъ. Велѣлъ онъ позвать меня въ кабинетъ,

а у самаго ножка болитъ, такъ изволитъ лежать на софѣ. Я ему все представилъ; а онъ мнѣ въ отвѣтъ со смѣхомъ "ладно, ладно, ты толкуй сколько оныхъ то привезъ — ты вѣдь жидоморъ, знаю я тебя. — Я положилъ на столъ десять лобанчиковъ и поклонился въ поясъ — они ихъ такъ въ ручку взяли и поигрываютъ,—"а что, говоритъ, не мнѣ вѣдь одному платить то надо, что же ты еще привезъ?" — Я докладываю, съ десятокъ моль еще наберется. — Ну говоритъ куда же ты ихъ дѣнешь, самъ считай — лекарю два, военному пріемщику два . . . . письмоводителю, ну тамъ на всякое угощеніе все-же больше трехъ не выйдетъ —такъ ты ужъ остальные мнѣ додай, а я постараюсь уладить дѣльцо".

— Ну что же ты далъ?

— Вѣстимо что далъ—ну и забрили лобъ очень хорошо.

Обученный такому округленію счетовъ, привыкнувшій къ такого рода смѣтамъ, а вѣроятно и къ пяти золотымъ о судьбѣ которыхъ онъ умолчалъ— Староста былъ увѣренъ въ успѣхѣ. Но много несчастій можетъ пройти между взяткой и рукой того который ее беретъ. Къ рекрутскому набору въ Владиміръ былъ присланъ флигель адъютантъ графъ Эссенъ. Староста сунулся къ нему съ своими лобанчиками и арапчиками. По несчастію нашъ Графъ — какъ героиня въ Пулинѣ — былъ воспитанъ "не въ отеческомъ законѣ" а въ школѣ балтійской аристократіи учащей нѣмецкой преданности русскому государю. Эссенъ разсердился,

раскричался и что хуже всего позвонилъ, — вбѣжалъ письмоводитель, явились жандармы. Староста никогда не мечтавшій о существованіи людей въ мундирѣ, которые бы не брали взятокъ, до того растерялся — что не заперся, не началъ клястся и божится что никогда денегъ не давалъ, что если только хотѣлъ этого — такъ чтобъ лопнули его глаза и росинка не попала бы въ ротъ. — Онъ какъ баранъ позволилъ себя уличить, свести въ полицію, я раскаяваясь вѣроятно въ томъ, что мало генералу предложилъ и тѣмъ его обидѣлъ.

Но Эссенъ недовольный ни собственной чистой совѣстью, ни страхомъ несчастнаго крестьянина и желая вѣроятно искоренить in Russland взятки, наказать порокъ и поставить цѣлебный примѣръ, написалъ въ полицію, написалъ губернатору, написалъ въ рекрутское присутствіе—о злодѣйскомъ покушеніи Старосты. Мужика посадили въ острогъ и отдали подъ судъ. Благодаря глупому и безобразному закону—одинаково наказывающему того который будучи честнымъ человѣкомъ дастъ деньги чиновнику, какъ самаго чиновника — который беретъ взятку, — дѣло было скверное и Старосту надобно было спасти, во чтобъ ни стало.

Я бросился къ губернатору—онъ отказался вступать въ это дѣло; председатель и совѣтники уголовной палаты испуганные вмѣшательствомъ флигель адъютанта качали головой. Самъ флигель адъютантъ, первый смѣнивъ гнѣвъ на милость, говорилъ "что онъ никакого зла сдѣлать старостѣ не хочетъ, что онъ хотѣлъ его проучить, что

пусть его посудятъ да и отпустятъ." Когда я это разсказывалъ полицмейстеру тотъ мнѣ замѣтилъ: "То то и есть что всѣ эти господа незнаютъ дѣла, прислалъ бы его просто ко мнѣ, я бы ему дураку вздулъ бы спину, не суйся молъ въ воду не спросясь броду, да и отпустилъ бы его во свояси—всѣ бы и были довольны; а теперь поди расчихивайся съ палатой."

Два сужденія эти такъ ловко и ярко выражаютъ русское, имперское понятіе о правѣ, что я не могъ ихъ позабыть.

Между этими геркулесовыми столбами отечественной юриспруденціи — староста попалъ въ средній, въ самый глубокій омутъ, т. е. въ уголовную палату. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ заготовили рѣшеніе, въ силу котораго, старосту наказавши плетьми, отправляли въ Сибирь на поселеніе. Явился ко мнѣ его сынъ, вся семья, умоляя спасти отца и главу семейства. Жаль мнѣ было смертельно самому крестьянина, совершенно невинно гибнувшаго. Поѣхалъ я снова къ предсѣдателю и совѣтникамъ—снова сталъ имъ доказывать что они себѣ причиняютъ вредъ наказывая такъ строго старосту; что они сами очень хорошо знаютъ что ни одного дѣла безъ взятокъ не кончишь, что наконецъ имъ самимъ нечего будетъ ѣсть если они какъ истинные христіане не будутъ находить что всякъ даръ совершенъ и всякое даяніе благо. Прося, кланяясь и посылая сына старосты еще ниже кланяться—я достигъ въ половину моей цѣли. Старосту присудили къ наказанію нѣсколькими уда-

рами плетью въ стѣнахъ острога, съ оставленіемъ на мѣстѣ жительства и съ воспрещеніемъ ходатайствовать по дѣламъ за другихъ крестьянъ.

Я веселѣе вздохнулъ увидя что губернаторъ и прокуроръ согласились и отправился въ полицію просить объ облегченіи силы наказанія; полицейскіе отчасти польщенные тѣмъ, что я самъ пришелъ ихъ просить, отчасти жалѣя мученика пострадавшаго за такое близкое каждому дѣло, сверхъ того зная что онъ мужикъ зажиточный—обѣщали мнѣ сдѣлать одну проформу.

Черезъ нѣсколько дней явился какъ то утромъ староста, похудѣвшій и еще болѣе сѣдой нежели былъ. Я замѣтилъ что при всей радости, онъ былъ что то грустенъ и подъ вліяніемъ какой то тяжелой мысли.

—О чемъ ты кручинишься? спросилъ я его.

—Да что ужъ разомъ бы все порѣшили.

—Ничего не понимаю.

—Да то есть когда же наказывать то будутъ!

—А тебя не наказывали?

—Нѣтъ.

—Какъ же тебя выпустили? Ты вѣдь идешь домой?

—Домой то — домой — да вотъ о наказаніи то думается, секлетарь именно читалъ.—

Я ничего въ самомъ дѣлѣ не понималъ и наконецъ спросилъ его: дали ли ему какой нибудь видъ? Онъ подалъ мнѣ его. Въ немъ было написано все рѣшеніе и въ концѣ сказано что учинивъ по Указу уголовной палаты наказаніе плетьми

въ стѣнахъ тюремнаго замка—"выдать ему" овое свидѣтельство и изъ замка освободить.

Я расхохотался—"Да вѣдь уже ты наказанъ!"

—Нѣтъ, батюшка, нѣтъ.—

—Ну если недоволенъ, ступай назадъ проси чтобъ наказали, можетъ полиція взойдетъ въ твое положеніе.

Видя что я смѣюсь, улыбнулся и старикъ, сумнительно качая головой и приговаривая—"Поди-ты, вонъ, эки чудеса!"

"Экой беспорядокъ" скажутъ многіе; но пусть же они вспомнютъ что только этотъ беспорядокъ и дѣлаетъ возможной жизнь въ Россіи. (*)

(*) Разсказъ этотъ не былъ помѣщенъ въ первомъ изданіи.—(1858)

IX.

Александръ Лаврентьевичъ Витбергъ.

—

Середь этихъ уродливыхъ и сальныхъ, мелкихъ и отвратительныхъ лицъ и сценъ, дѣлъ и заголовковъ, въ этой канцелярской рамѣ и приказной обстановкѣ, вспоминаются мнѣ печальныя, благородныя черты художника задавленнаго правительствомъ съ холодной и безчувственной жестокостью.

Свинцовая рука царя не только задушила геніальное произведеніе въ колыбели, не только уничтожила самое творчество художника, запутавъ его въ судебныя продѣлки и слѣдственныя полицейскія уловки, но она попыталась съ послѣднимъ кускомъ хлѣба вырвать у него честное имя, выдать его за взяточника, казнокрада.

Раззоривъ, опозоривъ А. Л. Витберга, Николай его сослалъ на Вятку. Тамъ мы встрѣтились съ нимъ.

Два года съ половиной я прожилъ съ великимъ художникомъ и видѣлъ какъ подъ бременемъ гоненіи

и несчастій разлагался этотъ сильный человѣкъ, павшій жертвою приказно-казарменнаго самовластія, тупо мѣряющаго всё на свѣтѣ рекрутской мѣркой и канцелярской линейкой.

Нельзя сказать, чтобъ онъ легко сдался, онъ отчаянно боролся цѣлыхъ десять лѣтъ, онъ пріѣхалъ въ ссылку еще въ надеждѣ одолѣть враговъ, оправдаться, онъ пріѣхалъ словомъ еще готовый на борьбу, съ планами и предположеніями. Но тутъ онъ разглядѣлъ, что всё кончено.

Можетъ быть онъ сладилъ бы и съ этимъ открытіемъ, но возлѣ стояла жена, дѣти, а впереди представлялись годы ссылки, нужды, лишеній, и Витбергъ сѣдѣлъ, сѣдѣлъ, старѣлъ, старѣлъ не по днямъ а по часамъ. Когда я его оставилъ въ Вяткѣ черезъ два года, онъ былъ десятью годами старше.

Вотъ повѣсть этого длиннаго мученичества.

Императоръ Александръ не вѣрилъ своей побѣдѣ надъ Наполеономъ, ему было тяжело отъ славы и онъ откровенно относилъ ее къ Богу. Всегда наклонный къ мистицизму и сумрачному расположенію духа, въ которомъ многіе видѣли угрызенія совѣсти, онъ особенно предался ему послѣ ряда побѣдъ надъ Наполеономъ.

Когда "послѣдній непріятельскій солдатъ переступилъ границу", Александръ издалъ манифестъ, въ которомъ давалъ обѣтъ воздвигнуть въ Москвѣ огромный храмъ во имя Спасителя.

Требовались отовсюду проэкты, назначался большой конкурсъ.

Витбергъ былъ тогда молодымъ художникомъ,

окончившимъ курсъ и получившимъ золотую медаль за живопись. Шведъ по происхожденію, онъ родился въ Россіи и сначала воспитывался въ горномъ кадетскомъ корпусѣ. Восторженный, эксцентрическій, и преданный мистицизму артистъ—читаетъ манифестъ, читаетъ вызовы—и бросаетъ всѣ свои занятія. Дни и ночи бродитъ онъ по улицамъ Петербурга, мучимый неотступной мыслію,—она сильнѣе его, онъ запирается въ своей комнатѣ, беретъ карандашъ и работаетъ.

Ни одному человѣку недовѣрилъ артистъ своего замысла. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ труда, онъ ѣдитъ въ Москву изучать городъ, окрѣстности, и снова работаетъ, мѣсяцы цѣлые скрываясь отъ глазъ и скрывая свой проэктъ.

Пришло время конкурса. Проэктовъ было много, были проэкты изъ Италіи и изъ Германіи, наши академики представили свои. И неизвѣстный молодой человѣкъ представилъ свой чертежъ въ числѣ прочихъ. Недѣли прошли прежде нежели императоръ занялся планами. Это были сорокъ дней въ пустынѣ, дни искуса, сомнѣній и мучительнаго ожиданія,

Колосальный, исполненный религіозной поэзіи проэктъ Витберга поразилъ Александра. Онъ остановился передъ нимъ и объ немъ первомъ спросилъ кѣмъ онъ представленъ. Распечатали пакетъ и нашли неизвѣстное имя ученика академіи.

Александръ захотѣлъ видѣть Витберга. Долго говорилъ онъ съ художникомъ. Смѣлый и одушевленный языкъ его, дѣйствительное вдохновеніе,

которымъ онъ былъ проникнутъ, и мистическій колоритъ его убѣжденій поразили императора. "Вы камнями говорите" замѣтилъ онъ, снова разсматривая проэктъ.

Въ тотъ же день проэктъ былъ утвержденъ и Витбергъ назначенъ строителемъ храма и директоромъ комиссіи о постройкѣ. Александръ не зналъ, что вмѣствѣ съ лавровымъ вѣнкомъ онъ надѣваетъ и терновый на голову артиста.

Нѣтъ ни одного искуства, которое было бы роднѣе мистицизму какъ зодчество; отвлеченное, геометрическое, нѣмо музыкальное, безстрастное, оно живетъ символикой, образомъ, намекомъ. Простыя линіи, ихъ гармоническое сочетаніе, ритмъ, числовыя отношенія представляютъ нѣчто таинственное и съ тѣмъ вмѣстѣ неполное. Зданіе, храмъ не заключаютъ сами въ себѣ своей цѣли какъ статуя или картина, поэма или симфонія; зданіе ищетъ обитателя, это очерченное расчищенное, мѣсто, это обстановка, броня черепахи, раковина молюска,—именно въ томъ-то и дѣло, чтобъ содержащее такъ соотвѣствовало духу, цѣли, жильцу, какъ панцырь черепахѣ. Въ стѣнахъ храма, въ его сводахъ и колонахъ, въ его порталѣ и фасадѣ, въ его фундаментѣ и куполѣ должно быть отпечатлено божество обитающее въ немъ, такъ какъ извивы мозга отпечатлѣваются на костяномъ черепѣ.

Египетскіе храмы были ихъ священныя книги. Обелиски—проповѣди на большой дорогѣ.

Соломоновъ храмъ — построенная библія. Такъ какъ храмъ святаго Петра — построенный выходъ

изъ католицизма, начало свѣтскаго міра, начало разстриженія рода человѣческаго.

Самое построеніе храмовъ было всегда такъ полно мистическихъ обрядовъ, иносказаній, таинственныхъ посвященій, что средневѣковые строители считали себя чѣмъ-то особеннымъ, какимъ-то духовенствомъ, преемниками строителей Соломонова храма, и составляли между собой тайныя артели каменщиковъ, перешедшіе въ послѣдствіи въ масонство.

Собственно мистическій характеръ зодчество теряетъ съ вѣками Возстановленія. Христіанская вѣра борится съ философскимъ сомнѣніемъ, готическая стрѣлка съ греческимъ фронтономъ, духовная святыня съ свѣтской красотой. По этому-то храмъ св. Петра и имѣетъ такое высокое значеніе, въ его колосальныхъ размѣрахъ христіанство рвется въ жизнь, церковь становится языческая и Бонаротти рисуетъ на стѣнѣ сикстинской капеллы Іисуса Христа широкоплечимъ атлетомъ, Геркулесомъ въ цвѣтѣ лѣтъ и силы.

Послѣ храма св. Петра зодчество церквей совсѣмъ пало и свелось наконецъ на простое повтореніе въ разныхъ размѣрахъ, то древнихъ греческихъ периптеровъ, то церкви св. Петра.

Одинъ Парфенонъ назвали церковь св. Магдалены въ Парижѣ. Другой биржей въ Нью-Іоркѣ.

Безъ вѣры и безъ особыхъ обстоятельствъ трудно было создать что нибудь живое; всѣ новыя церкви дышали натяжкой, лицемѣріемъ, анахронизмомъ, какъ пятиглавые судки съ луковками вмѣсто пробокъ на индо-византійскій маперъ, которые строитъ

Николай съ Топомъ, или какъ угловатыя готическія, оскорбляющія артистическій глазъ церкви, которыми Англичане украшаютъ свои города.

Но именно обстоятельства, при которыхъ Витбергъ сочинилъ свой проэктъ, его личность и настроеніе императора Александра выходили изъ ряда вонъ.

Война 1812 года сильно потрясла умы въ Россіи, долго послѣ освобожденія Москвы не могли устояться волнующіяся мысли и первое раздраженіе. Событія внѣ Россіи, взятіе Парижа, исторія ста дней, ожиданія, слухи, Ватерлоо, Наполеонъ плывущій за Океанъ, трауръ по убитыхъ родственникахъ, страхъ за живыхъ, возвращающіяся войска, ратники идущіе домой, все это сильно дѣйствовало на самыя грубыя натуры. Представьте же себѣ артиста-юношу, мистика, художника одареннаго творческой силой и притомъ фанатика, подъ вліяніемъ совершающагося, подъ вліяніемъ царскаго вызова и своего собственнаго генія.

— Близь Москвы между Можайской и Калужской дорогой небольшая возвышенность царитъ надъ всѣмъ городомъ. Это тѣ Воробьевы горы, о которыхъ я упоминалъ въ первыхъ воспоминаніяхъ юности. Весь городъ стелится у ихъ подошвы, съ ихъ высотъ одинъ изъ самыхъ изящныхъ видовъ на Москву. Здѣсь стоялъ плачущій Іоаннъ Грозный, тогда еще молодой развратникъ, и смотрѣлъ какъ горѣла его столица; здѣсь явился передъ нимъ Іерей Сильвестръ и строгимъ словомъ пересоздалъ на двадцать лѣтъ геніальнаго изверга.

Эту гору обогнулъ Наполеонъ съ своей арміей,

тутъ переломилась его сила, отъ подошвы Воробьевыхъ горъ началось отступленіе.

Можно ли было найти лучше мѣсто для храма въ память 1812 года, какъ дальнѣйшую точку, до которой достигнулъ непріятель?

Но этого еще мало, надобно самую гору превратить въ нижнюю часть храма, — поле до рѣки обнять колонадой и на этой базѣ, построенной съ трехъ сторонъ самой природой, поставить второй и третій храмъ, представлявшіе удивительное единство.

Храмъ Витберга, какъ главный догматъ христіанства, тройственелъ и нераздѣленъ.

Нижній храмъ, изсѣченный въ горѣ, имѣлъ форму параллелограмма, гроба, тѣла; его наружность представляла тяжелый порталъ поддерживаемый почти египетскими колонами, онъ пропадалъ въ горѣ, въ дикой, необработанной природѣ. Храмъ этотъ былъ освѣщенъ лампами въ этрурійскихъ высокихъ канделабрахъ, дневной свѣтъ скудно падалъ въ него изъ второго храма, проходя сквозь прозрачный образъ Рождества. Въ этой криптѣ должны были покоиться всѣ герои падшіе въ 1812 году, вѣчная панихида должна была служиться о убіенныхъ на полѣ битвы, по стѣнамъ должны были быть изсѣчены имена всѣхъ ихъ, отъ полководцевъ до рядовыхъ.

На этомъ гробѣ, на этомъ кладбищѣ разбрасывался во всѣ стороны равноконечный греческій крестъ втораго храма, — храма распростертыхъ рукъ, жизни, страданій, труда. Колонада ведущая къ нему была украшена статуями вѣтхозавѣтныхъ лицъ. При входѣ стояли пророки. Они стояли внѣ храма, указывая

путь, по которому имъ идти не пришлось. Внутри этого храма была вся евангельская исторія и исторія апостольскихъ дѣяній.

Надъ нимъ, вѣнчая его, оканчивая и заключая, былъ третій храмъ въ видѣ ротонды. Этотъ храмъ ярко освѣщенный былъ храмъ духа, невозмущаемаго покоя, вѣчности выражавшейся кольцеобразнымъ его планомъ. Тутъ не было ни образовъ, ни изваяній, только снаружи онъ былъ окруженъ вѣнкомъ архангеловъ и накрытъ колосальнымъ куполомъ.

Я теперь передаю на память главную мысль Витберга, она у него была разработана до мелкихъ подробностей и вездѣ совершенно послѣдовательно христіанской теодицеѣ и архитектурному изяществу.

Удивительный человѣкъ, онъ всю жизнь работалъ надъ своимъ проэктомъ. Десять лѣтъ подсудимости онъ занимался только имъ, гонимый бѣдностью и нуждой въ ссылкѣ, онъ всякой день посвящалъ нѣсколько часовъ своему храму. Онъ жилъ въ немъ, онъ не вѣрилъ, что его не будутъ строить: его воспоминанія, утѣшенія, слава, всё было въ его портфелѣ артиста.

Быть-можетъ когда-нибудь другой художникъ, послѣ смерти страдальца, стряхнетъ пыль съ этихъ листовъ и съ благочестіемъ издастъ этотъ архитектурный мартирологъ, за которымъ прошла и изныла сильная жизнь, мгновенно освѣщенная яркимъ свѣтомъ и затертая, раздавленная потомъ, попавшись между царемъ фельдфебелемъ, крѣпостными сенаторами и министрами-писцами.

Проэктъ былъ геніаленъ, страшенъ, безуменъ —

оттого-то Александръ его выбралъ, и оттого-то его и слѣдовало исполнить. Говорятъ, что гора не могла вынести этого храма. Я не вѣрю этому. Особенно если мы вспомнимъ всѣ новыя средства инженеровъ въ Америкѣ и Англіи, эти тунели въ восемь минутъ ѣзды, цѣпные мосты и пр.

Милорадовичъ совѣтовалъ Витбергу толстыя колонны нижняго храма сдѣлать монолитныя изъ гранита. На это кто-то замѣтилъ графу, что провозъ изъ Финляндіи будетъ очень дорого стоить. Именно по этому-то и надобно ихъ выписать, отвѣчалъ онъ, еслибъ гранитная каменоломня была на Москвѣ рѣкѣ, что за чудо было бы ихъ поставить.

Милорадовичъ былъ воинъ-поэтъ и потому понималъ вообще поэзію. Грандіозныя вещи дѣлаются грандіозными средствами.

Одна природа дѣлаетъ великое даромъ.

Главное обвиненіе падающее на Витберга со стороны даже тѣхъ, которые никогда не сомнѣвались въ его чистотѣ: за чѣмъ онъ принялъ мѣсто директора? онъ, неопытный артистъ, молодой человѣкъ, ничего не смыслившій въ канцелярскихъ дѣлахъ. — Ему слѣдовало ограничиться ролей архитектора. — Это правда.

Но такія обвиненія легко поддерживать сидя у себя въ комнатѣ. Онъ именно потому и принялъ, что былъ молодъ, неопытенъ, артистъ; онъ принялъ — потому, что послѣ принятія его проэкта ему казалось всё легко; онъ принялъ,—потому что самъ царь предлагалъ ему, ободрялъ его, поддерживалъ. У кого не закружилась бы голова?.... гдѣ эти трезвые люди,

умѣренные, воздержные? да если и есть, то они не дѣлаютъ колосальныхъ проэктовъ и не заставляютъ "говорить каменья!"

Само-собою разумѣется, что Витберга окружила толпа плутовъ, людей принимающихъ Россію—за аферу, службу—за выгодную сдѣлку, мѣсто—за счастливый случай нажиться. Не трудно было понять, что они подъ ногами Витберга выкопаютъ яму. Но для того, чтобъ онъ упавши въ нея, не могъ изъ нея выйти, для этого нужно было еще, чтобъ къ воровству прибавилась зависть однихъ, оскорбленное честолюбіе другихъ.

Товарищами Витберга въ коммиссіи были: митрополитъ Филаретъ, московскій генералъ-губернаторъ, сенаторъ Кушниковъ; всѣ они впередъ были разобижены товариществомъ съ молокососомъ, да еще притомъ смѣло говорящимъ свое мнѣніе и возражающимъ если не согласенъ.

Они помогли запутать его, помогли оклѣветать и хладнокровно погубили потомъ.

Этому способствовало сначала паденіе мистическаго министертва князя А. Н. Голицына, потомъ смерть Александра.

Вмѣстѣ съ министерствомъ Голицына пали масонство, библейскія общества, лютеранскій піэтизмъ, которые въ лицѣ Магницкаго въ Казани, и Рунича въ Петербургѣ, дошли до безграничной уродливости, до дикихъ преслѣдованій, до судорожныхъ плясокъ, до состоянія кликушъ и Богъ знаетъ какихъ чудесъ.

Съ своей стороны дикое, грубое, невѣжественное православіе взяло верхъ. Его проповѣдывалъ новаго-

родскій архимандритъ Фотій, жившій въ какой-то— разумѣется нетелѣсной — близости съ графиней Орловой. Дочь знаменитаго Алексѣя Григорьевича, задушившаго Петра III, думала искупить душу отца, отдавая Фотію и его обители большую часть несмѣтнаго имѣнья, насильственно отнятаго у монастырей Екатериной, и предаваясь неистовому изувѣрству.

Но въ чемъ петербургское правительство постоянно, чему оно не измѣняетъ, какъ бы ни мѣнялись его начала, его религія, это—несправѣдливое гоненіе и преслѣдованія. Неистовство Руничей и Магницкихъ обратилось на Руничей и Магницкихъ. Библейское общество—вчера покровительствуемое и одобряемое, опора нравственности и религіи—сегодня закрыто, запечатано и поставлено на одну доску чуть не съ фальшивыми монетчиками: "Сіонскій вѣстникъ" — вчера рекомендованный всѣмъ отцамъ семейства — запрещенъ больше Вольтера и Дидро, и его издатель Лабзинъ сосланъ въ Вологду.

Паденіе князя А. Н. Голицына увлекло Витберга; всё опрокидывается на него, комиссія жалуется, митрополитъ огорченъ, генералъ-губернаторъ недоволенъ. Его отвѣты "дерзки" (въ его дѣлѣ дерзость поставлена въ одно изъ главныхъ обвиненій;) его подчиненные воруютъ—какъ будто кто-нибудь находящійся на службѣ въ Россіи не воруетъ. Впрочемъ вѣроятно что у Витберга воровали больше чѣмъ у другихъ, онъ не имѣлъ никакой привычки завѣдывать смирительными домами и класными ворами.

Александръ велѣлъ Аракчееву разобрать дѣло. Ему было жаль Витберга, онъ передалъ ему черезъ одного изъ своихъ приближенныхъ, что онъ увѣренъ въ его правотѣ.

Но Александръ умеръ и Аракчеевъ палъ. Дѣло Витберга при Николаѣ приняло тотчасъ худшій видъ. Оно тянулось десять лѣтъ съ невѣроятными нелѣпостями. Обвинительные пункты, признанные уголовной палатой, отвергаются сенатомъ. Пункты, въ которыхъ оправдываетъ палата, ставятся въ вину сенатомъ. Комитетъ министровъ принимаетъ всѣ обвиненія. Государь, пользуясь "лучшей привилегіей царей миловать и уменьшать наказанія" прибавляетъ къ приговору ссылку на Вятку.

И такъ Витбергъ отправился въ ссылку, отрѣшенный отъ службы "за злоупотребленіе довѣренности императора Александра и за ущербы нанесенные казнѣ", на него насчитываютъ милліонъ, кажется, рублей, берутъ всё имѣнье, продаютъ все съ публичнаго торга, и распускаютъ слухъ, что онъ перевелъ видимо-не-видимо денегъ въ Америку.

Я жилъ съ Витбергомъ въ одномъ домѣ два года и послѣ остался до самаго отъѣзда постоянно въ сношеніяхъ съ нимъ. Онъ не спасъ насущнаго куска хлѣба; семья его жила въ самой страшной бѣдности.

Для характеристики этого дѣла и всѣхъ подобныхъ въ Россіи я приведу двѣ небольшія подробности, которыя у меня особенно остались въ памяти.

Витбергъ купилъ для работъ рощу у купца Лобанова; прежде нежели началась рубка, Витбергъ увидѣлъ другую рощу тоже Лобанова, ближе къ рѣкѣ

и предложилъ ему промѣнять проданную для храма на эту. Купецъ согласился. Роща была вырублена, лѣсъ сплавленъ. Въ послѣдствіи занадобилась другая роща и Витбергъ снова купилъ первую. Вотъ знаменитое обвиненіе въ двойной покупкѣ одной и той-же рощи. Бѣдный Лобановъ былъ посаженъ въ острогъ за это дѣло и умеръ тамъ.

Второе дѣло было передъ моими глазами. Витбергъ скупалъ имѣнья для храма. Его мысль состояла въ томъ, чтобъ помѣщичьи крестьяне, купленные съ землею для храма, обязывались выставлять извѣстное число работниковъ, этимъ способомъ они пріобрѣтали полную волю себѣ и деревнѣ. Забавно, что наши сенаторы-помѣщики находили въ этой мѣрѣ какое-то невольничество!

Между прочимъ Витбергъ хотѣлъ купить имѣнье моего отца въ Рузскомъ уѣздѣ, на берегу Москвы рѣки. Въ деревни былъ найденъ мраморъ и Витбергъ просилъ дозволеніе сдѣлать геологическое изслѣдованіе, чтобъ опредѣлить количество его. Отецъ мой позволилъ. Витбергъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Мѣсяца черезъ три отецъ мой узнаетъ, что ломка камня производится въ огромномъ размѣрѣ, что озимыя поля крестьянъ завалены мраморомъ; онъ протестуетъ, его не слушаютъ. Начинается упорный процессъ. Сначала хотѣли всё свалить на Витберга, но по несчастію оказалось, что онъ не давалъ никакого приказа и что всё это было сдѣлано коммиссіей во время его отсутствія.

Дѣло пошло въ сенатъ. Сенатъ рѣшилъ къ общему удивленію довольно близко къ здравому смыслу.

Наломанный камень оставить помѣщику, считая ему его въ вознагражденіе за помятыя поля. Деньги истраченныя казной на ломку и работу до сту тысячь ассигнаціями, взыскать съ подписавшихъ контрактъ о работахъ. Подписавшіеся были: князь Голицынъ, Филаретъ и Кушниковъ. Разумѣется крикъ, шумъ. Дѣло довели до государя.

У него своя юриспруденція. Онъ велѣлъ освободить виновныхъ отъ платежа, потому, написалъ онъ собственноручно, какъ и напечатано въ сенатской запискѣ "что члены комиссіи не знали что подписывали". Положимъ что митрополитъ по ремеслу долженъ оказывать смиреніе, а каковы другіе-то вельможи, которые приняли подарокъ такъ учтиво и милостиво мотивированный!

Но отъ-куда-же было взять сто тысячь? казенное добро, говорятъ, ни на огнѣ не горитъ, ни въ водѣ не тонетъ, — оно только крадется, могли бы мы прибавить. Чего тутъ задумываться, сей часъ генералъ-адьютанта на почтовыхъ въ Москву разбирать дѣло.

Стрекаловъ всё разобралъ, привелъ въ порядокъ, уладилъ и кончилъ въ нѣсколько дней: камень у помѣщика взять за сумму заплаченную за ломку, впрочемъ если помѣщикъ хочетъ оставить, взыскать съ него сто тысячь. Особаго вознагражденія помѣщику потому не слѣдуетъ, что цѣнность его имѣнія возвысилась открытіемъ новой отрасли богатства (вѣдь это chef d'œuvre!)—а впрочемъ за помятыя крестьянскія поля выдать по закону о затопленныхъ лугахъ и потравленныхъ сѣнокосахъ, утвержденному Петромъ I, столько-то копѣекъ съ десятины.

Собственно наказанный въ этомъ дѣлѣ былъ мой отецъ. Не нужно добавлять, что ломка этого камня въ процессѣ всё таки поставлена на счетъ Витберга.

...Года черезъ два послѣ ссылки Витберга, вятское купечество вознамѣрилось построить новую церковь.

Желая вездѣ и вовсемъ убить всякій духъ независимости, личности, фантазіи, воли, Николой издалъ цѣлый томъ церковныхъ фасадъ высочайше утвержденныхъ. Кто бы ни хотѣлъ строить церковь, онъ долженъ непремѣнно выбрать одинъ изъ казенныхъ плановъ. Говорятъ, что онъ-же запретилъ писать русскія оперы, находя, что даже писанныя въ III отдѣленіи собственной канцеляріи флигель-адъютантомъ Львовымъ, никуда не годятся. Но это еще мало, что бы ему издать собраніе высочайше утверженныхъ мотивовъ.

Вятское купечество, перебирая "апробованные" планы, имѣло смѣлость не быть согласнымъ съ вкусомъ государя. Проэктъ вятскаго купечества удивилъ Николая, онъ утвердилъ его, и велѣлъ предписать губернскому начальству, чтобъ при исполненіи не исказили мысли архитектора.

— Кто дѣлалъ этотъ проэктъ? спросилъ онъ статсъ-секретаря.

— Витбергъ, в. в.

— Какъ, тотъ Витбергъ?

— Тотъ самый, в. в.

И вотъ Витбергу какъ снѣгъ на голову разрѣшеніе возвратиться въ Москву или Петербургъ. Человѣкъ просилъ позволеніе оправдаться — ему отказали; онъ сдѣлалъ удачный проэктъ — государь велѣлъ его во-

ротить, какъ будто кто-нибудь сомнѣвался въ его художественной способности......

Въ Петербургѣ, погибая отъ бѣдности, онъ сдѣлалъ послѣдній опытъ защитить свою честь. Онъ вовсе не удался. Витбергъ просилъ объ этомъ князя А. Н. Голицына, но князь не считалъ возможнымъ поднимать снова дѣло и совѣтывалъ Витбергу написать пожалобнѣе письмо къ Наслѣднику, съ просьбой о денежномъ вспомоществованіи. Онъ обѣщался съ Жуковскимъ похлопотать и сулилъ рублей тысячу серебромъ.

Витбергъ отказался.

Въ 1846 въ началѣ зимы, я былъ въ послѣдній разъ въ Петербургѣ и видѣлъ Витберга. Онъ совершенно гибнулъ, даже его прежній гнѣвъ, противъ его враговъ, который я такъ любилъ, сталъ потухать; надеждъ у него не было больше, онъ ничего не дѣлалъ чтобъ выйти изъ своего положенія, ровное отчаяніе докончило его, существованіе сломилось на всѣхъ составахъ. Онъ ждалъ смерти.

Если этого хотѣлъ Николай Павловичъ, то онъ можетъ быть доволенъ.

Живъ-ли страдалецъ? — не знаю, но сомнѣваюсь.

—Еслибъ не семья, не дѣти—говорилъ онъ мнѣ прощаясь — я вырвался бы изъ Россіи и пошелъ бы по міру съ моимъ владимірскимъ крестомъ на шеѣ, спокойно протягивалъ бы я прохожимъ руку, которую жалъ императоръ Александръ, — разсказывая имъ мой проэктъ и судьбу художника въ Россіи!

Судьбу твою, мученикъ — думалъ я—узнаютъ въ Европѣ, я тебѣ за это отвѣчаю.

Близость съ Витбергомъ была мнѣ большимъ облегченіемъ въ Вяткѣ. Серьезная ясность и нѣкоторая торжественность въ манерахъ придавали ему что-то духовное. Онъ былъ очень чистыхъ нравовъ и вообще скорѣе склонялся къ аскетизму, нежели къ наслажденіямъ; но его строгость ничего не отнимала отъ роскоши и богаства его артистической натуры. Онъ умѣлъ своему мистицизму придавать такую пластичность и такой изящный колоритъ, что возраженіе замирало на губахъ, жаль было анализировать, разлагать мерцающіе образы и туманныя картины его фантазіи.

Мистицизмъ Витберга лежалъ долею въ его скандинавской крови, это та самая холодно обдуманная мечтательность, которую мы видимъ въ Шведенборгѣ, похожая въ свою очередь на огненное отраженіе солнечныхъ лучей падающихъ на ледяныя горы и снѣга Норвегіи.

Раза два Витбергъ успѣлъ поколѣбать меня. Но реальная натура моя взяла скоро верхъ. Мнѣ не суждено было подниматься на третье небо, я родился совершенно земнымъ человѣкомъ. Отъ моихъ рукъ не вертятся столы и отъ моего взгляда не качаются кольца. Дневной свѣтъ мысли мнѣ роднѣе луннаго освѣщенія фантазіи.

Но именно въ ту эпоху, когда я жилъ съ Витбергомъ, я болѣе нежели когда-нибудь былъ расположенъ къ мистицизму.

Я былъ религіозенъ—хотя моя религія и не была надзвѣздной.

— Боже мой, — какъ всё перепутано и странно

въ жизни!...Въ этомъ захолустьи вятской ссылки, въ этой грязной средѣ чиновниковъ, въ этой печальной дали, разлученный со всѣмъ милымъ ..... и тамъ какія чудныя, святыя минуты проводилъ я!...

X.

Переписка.

—

Два раза въ недѣлю приходила въ Вятку московская почта, съ какимъ волненіемъ дожидался я возлѣ почтовой конторы пока разберутъ письма, съ какимъ трепетомъ ломалъ печать и искалъ въ письмѣ изъ дома, нѣтъ-ли маленькой записочки, на тонкой бумагѣ, писанной удивительно мелкимъ и изящнымъ шрифтомъ.

И я не читалъ ее въ почтовой конторѣ, а тихо шелъ домой — отдаляя минуту чтенія, наслаждаясь одной мыслію, что письмо есть . . . .

. . . .

— Эти письма всѣ сохранились. Я ихъ оставилъ въ Москвѣ. Ужасно хотѣлось бы перечитать ихъ и страшно коснуться....

Письма больше нежели воспоминанія, на нихъ запеклась кровь событій, это само прошедшее какъ оно было, задержанное и нетлѣнное.

.....Нужно-ли еще разъ знать, видѣть, касаться—касаться сморщившимися отъ старости руками до своего вѣнчальнаго убора?....

—

XI.

Наслѣдникъ въ Вяткѣ – Паденіе Тюфяева—Переводъ во Владиміръ—Исправникъ на слѣдствіи.

—

Наслѣдникъ будетъ въ Вятку! Наслѣдникъ ѣдитъ по Россіи, чтобъ себя ей показать и ее посмотрѣть! Новость эта занимала всѣхъ, но всѣхъ болѣе, разумѣется, губернатора. Онъ затормошился и надѣлалъ рядъ невѣроятныхъ глупостей, велѣлъ мужикамъ по дорогѣ быть одѣтыми въ праздничные кафтаны, велѣлъ въ городахъ перекрасить заборы и перечинить тротуары. Въ Орловѣ, бѣдная вдова, владѣлица небольшаго дома, объявила городничему, что у нея нѣтъ денегъ на поправку тротуара, городничій донесъ губернатору. Губернаторъ велѣлъ у нея разобрать полы, (тротуары тамъ деревянные) а буде не достанетъ, сдѣлать поправку на казенный счетъ, и взыскать потомъ съ нея деньги, хотя бы для этого слѣдовало продать домъ съ публичнаго торга. До продажи не дошло, а полы у вдовы сломали.

Верстахъ въ пятидесяти отъ Вятки находится мѣсто, на которомъ явилась Новогородцамъ чудотворная икона Николая Хлыновскаго. Когда Новогородцы поселились въ Хлыновѣ (Вяткѣ), они икону перенесли, но она исчезла и снова явилась на Великой рѣкѣ въ 50 верстахъ отъ Вятки; Новогородцы опять перенесли ее, но съ тѣмъ вмѣстѣ дали обѣтъ, если икона останется, ежегодно носить ее торжественнымъ ходомъ на Великую рѣку, кажется 23 Мая. Это главный лѣтній праздникъ въ вятской губерніи. За сутки отправляется икона на богатомъ дощаникѣ по рѣкѣ, съ нею архіерей и всё духовенство въ полномъ облаченіи. Сотни всякаго рода лодокъ, досчаниковъ, комягъ наполненныхъ крестьянами и крестьянками, вотяками, мѣщанами, пестро двигаются за плывущимъ образомъ. И впереди всѣхъ губернаторская расшива, покрытая краснымъ сукномъ. Дикое зрѣлище это очень недурно. Десятки тысячъ народу изъ близкихъ и дальнихъ уѣздовъ ждутъ образа на Великой рѣкѣ. Все это кочуетъ шумными толпами около не большой деревни — и что всего страннѣе, толпы некрещенныхъ Вотяковъ и Черемисъ, даже Татаръ приходятъ молится иконѣ. За то и праздникъ имѣетъ чисто - языческій видъ. За монастырской стѣной Вотяки, Русскіе приносятъ на жертву барановъ и телятъ, ихъ тутъ-же бьютъ, іеромонахъ читаетъ молитвы, благословляетъ и святитъ мясо, которое подаютъ въ особое окно съ внутренней стороны ограды. Мясо это раздаютъ по кускамъ народу. Встарь давали его даромъ, теперь монахи берутъ нѣсколько копѣекъ за каждый кусокъ.

Такъ, что мужикъ подарившій цѣлаго теленка, долженъ истратить грошъ, другой, чтобъ получить кусокъ себѣ на снѣдь. На монастырскомъ дворѣ сидятъ цѣлые толпы нищихъ, калекъ, слѣпыхъ, всякихъ уродовъ, которые хоромъ поютъ "Лазаря". Молодые поповичи и мѣщанскіе мальчики сидятъ на надгробныхъ памятникахъ около церкви съ чернильницей и кричатъ: "кому памятцы писать, кому памятцы?" Бабы и дѣвки окружаютъ ихъ, сказывая имена, мальчишки, ухорски скрыпя перомъ, повторяютъ "Марью, Марью, Акулину, Степаниду, Отца Іоанна, Матрену—Нутка тетушка твоихъ, твоихъ - то—вишь отколола грошъ, меньше пятака взять нельзя, родни то, родни то — Іоанна, Василису, Іону, Марью, Евпраксѣю, младенца Катерину — — —"

Въ церкви толкотня и странныя предпочтенія, одна баба передаетъ сосѣду свѣчку съ точнымъ порученіемъ поставить "Гостю", другая "Хозяину". Вятскіе монахи и дьяконы постоянно пьяны во все время этой процессіи. Они по дорогѣ останавливаются въ большихъ деревняхъ и мужики ихъ подчуютъ на убой.

Вотъ этотъ-то народный праздникъ, къ которому крестьяне привыкли вѣками, переставилъ было губернаторъ, желая имъ потѣшить Наслѣдника, который долженъ былъ пріѣхать 19 Мая, что за бѣда, кажется, если Николай гость тремя днями раньше придетъ къ хозяину. На это надобно было согласіе архіерея, посчастію архіерей былъ человѣкъ сговорчивый и не нашелъ ничего возразить противъ губернаторскаго намѣренія отпраздновать 23 Мая 19-го.

Рядъ ловкихъ мѣръ своихъ для пріема Наслѣдника губернаторъ послалъ къ государю—посмотрите молъ какъ сынка угощаемъ. Государь, прочитавши, взбѣсился и сказалъ министру внутреннихъ дѣлъ: "губернаторъ и архіерей дураки, оставить праздникъ какъ былъ". Министръ намылилъ голову губернатору, синодъ архіерею и Николай-гость остался при своихъ привычкахъ.

Между разными распоряженіями изъ Петербурга велѣно было въ каждомъ губернскомъ городѣ приготовить выставку всякаго рода произведеній и издѣлій края и расположить ее по тремъ царствамъ природы. Это раздѣленіе по царствамъ очень затруднило канцелярію и даже отчасти Тюфяева. Чтобъ не ошибиться, онъ рѣшился несмотря на свое неблагорасположеніе позвать меня на совѣтъ.—Ну напримѣръ медъ, говорилъ онъ—куда принадлежитъ медъ? Или золоченая рама—какъ опредѣлить куда она относится? Увидя изъ моихъ отвѣтовъ, что я умѣю удивительно точныя свѣдѣнія о трехъ царствахъ природы, онъ предложилъ мнѣ заняться расположеніемъ выставки.

Пока я занимался размѣщеніемъ деревянной посуды и вотскихъ нарядовъ, меда и чугунныхъ рѣшетокъ, а Тюфяевъ продолжалъ брать свирѣпыя мѣры для вящщаго удовольствія "Его высочества"; оно изволило прибыть въ Орловъ и громовая вѣсть объ арестѣ орловскаго городничаго разнеслась по городу. Тюфяевъ пожелтѣлъ и какъ-то невѣрно началъ ступать ногами.

Дней за пять до пріѣзда Наслѣдника въ Орловъ,

городничій писалъ Тюфяеву, что вдова, у которой полъ сломали, шумитъ, и что купецъ такой-то богатый и знаемый въ городѣ человѣкъ, похваляется что все Наслѣднику скажетъ. Тюфяевъ на счетъ его распорядился очень умно, онъ велѣлъ городничему заподозрить его сумашедшимъ (примѣръ Петровскаго ему понравился) и представить для свидѣтельства въ Вятку; пока бы дѣло длилось, Наслѣдникъ уѣхалъ бы изъ вятской губерніи, тѣмъ дѣло и кончилось бы. Городничій все исполнилъ; купецъ былъ въ вятской больницѣ.

Наконецъ Наслѣдникъ пріѣхалъ. Сухо поклонился Тюфяеву, не пригласилъ его, и тотчасъ послалъ доктора Енохина свидѣтельствовать арестованнаго купца. Все ему было извѣстно. Орловская вдова свою просьбу подала, другіе купцы и мѣщане разсказали все что дѣлалось. Тюфяевъ еще на два градуса перекосился. Дѣло было не хорошо. Городничій прямо сказалъ, что онъ на всё имѣлъ письменныя приказанія отъ губернатора.

Докторъ Енохинъ увѣрялъ, что купецъ совершенно здоровъ. Тюфяевъ былъ потерянъ.

Въ восьмомъ часу вечера, Наслѣдникъ съ свитой явился на выставку, Тюфяевъ повелъ его, сбивчиво объясняя, путаясь и толкуя о какомъ-то царѣ Тохтамышѣ. Жуковскій и Арсеньевъ, видя что дѣло не идетъ на ладъ, обратились ко мнѣ съ просьбой показать имъ выставку. Я повелъ ихъ.

Видъ Наслѣдника не выражалъ той узкой строгости, той холодной, безпощадной жестокости, какъ видъ его отца, черты его скорѣе показывали добродушіе и

вялость. Ему было около двадцати лѣтъ, но онъ уже начиналъ толстѣть.

Нѣсколько словъ, которыя онъ сказалъ мнѣ, были ласковы, безъ хриплаго, отрывистаго тона Константина Павловича, безъ отцовской привычки испугать слушающаго до обморка.

Когда онъ уѣхалъ, Жуковскій и Арсеньевъ стали меня расспрашивать какъ я попалъ въ Вятку, ихъ удивилъ языкъ порядочнаго человѣка въ вятскомъ губернскомъ чиновникѣ. Они тотчасъ предложили мнѣ сказать Наслѣднику объ моемъ положеніи, и дѣйствительно они сдѣлали всё что могли. Наслѣдникъ представилъ государю о разрѣшеніи мнѣ ѣхать въ Петербургъ. Государь отвѣчалъ, что это было бы несправѣдливо относительно другихъ сосланныхъ, но, взявъ во вниманіе представленіе Наслѣдника, велѣлъ меня перевести во Владиміръ, это было географическое улучшеніе, 700 верстъ меньше. Но объ этомъ послѣ.

Вечеромъ былъ балъ въ благородномъ собраніи. Музыканты, нарочно выписанные съ одного изъ заводовъ, пріѣхали мертвецки-пьяные; губернаторъ распорядился, чтобъ ихъ заперли за сутки до бала и прямо изъ полиціи конвоировали на хоры, откуда не выпускали никого до окончанія бала.

Балъ былъ глупъ, неловокъ, слишкомъ бѣденъ и слишкомъ пестръ, какъ всегда бываетъ въ маленькихъ городкахъ при чрезвычайныхъ случаяхъ. Полицейскіе суетились, чиновники въ мундирахъ жались къ стѣнѣ, дамы толпились около Наслѣдника, въ томъ родѣ какъ дикіе окружаютъ путешественниковъ ..... Кстати объ дамахъ, въ одномъ городкѣ былъ пригото-

влевъ послѣ выставки "гутс". Наслѣдникъ ничего не бралъ, кромѣ одного персика, котораго кость онъ бросилъ на окно. Вдругъ изъ толпы чиновниковъ отдѣляется высокая фигура налитая спиртомъ, земскаго засѣдателя, извѣстнаго забулдыги, который мѣрными шагами отправляется къ окну, беретъ кость и кладетъ ее въ карманъ.

Послѣ бала или гутс засѣдатель подходитъ къ одной изъ значительныхъ дамъ и предлагаетъ высочайше обглоданную косточку, дама въ восхищеньи. Потомъ онъ отправляется къ другой, потомъ къ третьей,—всѣ въ восторгѣ.

Засѣдатель купилъ 5 персиковъ, вырѣзалъ косточки и осчастливилъ шесть дамъ. У кого настоящая? Всѣ подозрѣваютъ истинность своей косточки.....

—Тюфяевъ, послѣ отъѣзда Наслѣдника, приготовлялся съ стѣсненнымъ сердцемъ промѣнять пашалыкъ на сенаторскія кресла,—но вышло хуже.

Недѣли черезъ три почта привезла изъ Петербурга бумаги на имя "управляющаго губерніей". Въ канцеляріи всё переполошилось. Регистраторъ губернскаго правленія прибѣжалъ сказать, что у нихъ полученъ указъ. Правитель дѣлъ бросился къ Тюфяеву, Тюфяевъ сказался больнымъ и не поѣхалъ въ присутствіе.

Черезъ часъ мы узнали, онъ былъ отсавленъ — sans phrase.

Весь городъ былъ радъ паденію губернатора, управленіе его имѣло въ себѣ что-то удушливое, нечистое, затхло-приказное, и, не смотря на то, всё таки гадко было смотрѣть на ликованіе чиновниковъ.

Да, не одинъ оселъ ударилъ копытомъ этого раненаго вепря. Людская подлость и тутъ показалась не меньше какъ при паденіи Наполеона, не смотря на разницу діаметровъ. Всё последнее время я былъ съ нимъ въ открытой ссорѣ, и онъ непремѣнно услалъ бы меня въ какой нибудь заштатный городъ Кай, еслибъ его не прогнали самаго. Я удалялся отъ него и мнѣ нечего было мѣнять въ моемъ новѣденіи относительно его. Но другіе, вчера снимавшіе шляпу завидя его карету, глядявшіе ему въ глаза, улыбавшіеся его шпицу, подчивавшіе табакомъ его камердинера—теперь едва кланялись съ нимъ и кричали во весь голосъ противъ безпорядковъ, которые онъ дѣлалъ вмѣстѣ съ ними. Всё это старо и до того постоянно повторяется изъ вѣка въ вѣкъ, и вездѣ, что намъ слѣдуетъ эту низость принять за общечеловѣческую черту, и по крайней мѣрѣ не удивляться ей.

Явился новый губернаторъ. Это былъ человѣкъ совершенно въ другомъ родѣ. Высокій, толстый и рыхло-лимфатическій мущина, лѣтъ около пятидесяти, съ пріятно улыбающимся лицемъ и съ образованными манерами. Онъ выражался съ необычайной грамматической правильностію, пространно, подробно, съ ясностью, которая въ состояніи была своей излишностью затемнить простѣйшій предметъ. Онъ былъ ученикъ Лицея, товарищъ Пушкина, служилъ въ гвардіи, покупалъ новыя французскія книги, любилъ бесѣдовать о предметахъ важныхъ и далъ мнѣ книгу Токвиля о демократіи въ Америкѣ, на другой день послѣ пріѣзда.

Перемѣна была очень рѣзка. Тѣже комнаты, тажа мебель, а на мѣстѣ татарскаго баскака, съ тунгузской наружностью и сибирскими привычками, — доктринеръ, нѣсколько педантъ, но всё же порядочный человѣкъ. Новый губернаторъ былъ уменъ, но умъ его какъ-то свѣтилъ, а не грѣлъ, въ родѣ яснаго зимняго дня — пріятнаго, но отъ котораго плодовъ не дождешься. Къ тому-же онъ былъ страшный формалистъ, — формалистъ не приказный, — а какъ бы это выразить?.....его формализмъ былъ второй степени; но столько-же скучный какъ и всѣ прочія.

Такъ какъ новый губернаторъ былъ въ самомъ дѣлѣ женатъ, губернаторскій домъ утратилъ свой ултра холостой и полигамическій характеръ. Разумѣется, это обратило всѣхъ совѣтниковъ къ совѣтницамъ; плѣшивые старики не хвастались побѣдами "на счетъ клубники", а напротивъ нѣжно отзывались о завялыхъ, жестко и угловато костлявыхъ или заплывшихъ жиромъ до не возможности пускать кровь — супругахъ своихъ.

К. былъ назначенъ за нѣсколько лѣтъ передъ пріѣздомъ въ Вятку, прямо изъ семеновскихъ или измайловскихъ полковниковъ, куда-то гражданскимъ губернаторомъ. Онъ пріѣхалъ на воеводство, вовсе не зная дѣлъ. Сначала, какъ всѣ новички, онъ принялся всё читать, вдругъ ему попалась бумага изъ другой губерніи, которую онъ прочитавши два раза, три раза, — не понялъ.

Онъ позвалъ секретаря и далъ ему прочесть. Секретарь тоже не могъ ясно изложить дѣла. — Что-же вы сдѣлаете, съ этой бумагой, спросилъ его К., если я ее передамъ въ канцелярію?

— Отправлю въ третій столъ, это по третьему столу.

— Стало быть, столоначальникъ третьяго стола знаетъ что дѣлать?

— Какъ-же, В. И., ему не знать? онъ седьмой годъ правитъ столомъ.

— Позовите его комнѣ.

Пришелъ столоначальникъ. К. отдавая ему бумагу, спросилъ что надобно сдѣлать. Столоначальникъ пробѣжалъ на-скоро дѣло и доложилъ, что-де въ казенную палату слѣдуетъ сдѣлать запросъ и исправнику предписать.

— Да что предписать?

Столоначальникъ затруднился и наконецъ признался, что это трудно такъ разсказать, а что написать легко.

— Вотъ стулъ, прошу васъ написать отвѣтъ.

Столоначальникъ принялся за перо и не останавливаясь бойко настрочилъ двѣ бумаги.

Губернаторъ взялъ ихъ, прочелъ, прочелъ разъ и два — ничего понять нельзя.—Я увидѣлъ, разсказывалъ онъ самъ улыбаясь, что это дѣйствительно былъ отвѣтъ на ту бумагу, и благословись подписалъ. Никогда болѣе не было помину объ этомъ дѣлѣ,— бумага была вполнѣ удовлетворительна.

Вѣсть о моемъ переводѣ въ Владиміръ пришла передъ Рождествомъ—я скоро собрался и пустился въ путь.

Съ вятскимъ обществомъ я растался тепло. Въ этомъ дальнемъ городѣ, я нашелъ двухъ-трехъ искреннихъ пріятелей, между молодыми купцами.

Я увѣренъ, что нѣсколько изъ тогдашнихъ друзей еще помнятъ обо мнѣ, и не всё забыли о чемъ мы

толковали цѣлые вечера, въ небольшой комнаткѣ, когда 25, 30 градусный морозъ стрѣлялъ на дворѣ.

Всѣ хотѣли на перерывъ показать изгнаннику участіе и дружбу. Нѣсколько саней провожали меня до первой станціи, и сколько я ни защищался, въ мою повозку наставили цѣлый грузъ всякихъ припасовъ и винъ.—На другой день я пріѣхалъ въ Яранскъ.

Отъ Яранска дорога идетъ безконечными сосновыми лѣсами. Ночи были лунныя и очень морозныя, небольшія пошевни неслись по узенькой дорогѣ. Такихъ лѣсовъ я послѣ никогда не видалъ, они идутъ такимъ образомъ не прерываясь до Архангельска, изрѣдка по нимъ забѣгаютъ олени въ вятскую губернію. Лѣсъ большей частію строевой. Сосны, чрезвычайной прямизны, шли мимо саней какъ солдаты, высокія и покрытыя снѣгомъ, изъ подъ котораго торчали ихъ черныя хвои какъ щетина—и заснешь и опять проснешься—а полки сосенъ все идутъ быстрыми шагами, стряхивая иной разъ снѣгъ. Лошадей мѣняютъ въ маленькихъ расчищенныхъ мѣстахъ — домишко потерянный за деревьями, лошади привязаны къ столбу, бубенчики позванивають, два - три черемисскихъ мальчика въ шитыхъ рубашкахъ выбѣгутъ заспаные, ямщикъ Вотякъ какимъ-то сиплымъ альтомъ поругается съ товарищемъ, прокричитъ "Аида", запоетъ пѣсню въ двѣ ноты…и опять сосны, снѣгъ ; снѣгъ, сосны…

При самомъ выѣздѣ изъ вятской губерніи мнѣ еще пришлось проститься съ чиновническимъ міромъ, и онъ pour la clôture явился во всемъ блескѣ.

Мы остановились у станціи, ямщикъ сталъ откла-

дывать, высокій мужикъ показался въ сѣняхъ, онъ спросилъ : кто проѣзжаетъ?

— А тебѣ что за дѣло?

— А то дѣло, что исправникъ велѣлъ узнать, а я разсыльной при земскомъ судѣ.

— Ну, такъ ступай-же въ станціонную избу, тамъ моя подорожная.

Мужикъ ушелъ и черезъ минуту воротился, говоря ямщику : не давать ему лошадей.

Это было черезъ край. Я соскочилъ съ саней и пошелъ въ избу. Полупьяный исправникъ сидѣлъ на лавкѣ и диктовалъ полупьяному писарю. На другой лавкѣ въ углу сидѣлъ, или лучше, лежалъ человѣкъ съ скованными ногами и руками. Нѣсколько бутылокъ, стаканы, табачная зола и кипы бумагъ были разбросаны.—Гдѣ исправникъ? сказалъ я громко входя.

— Исправникъ здѣсь, отвѣчалъ мнѣ полупьяный Лазаревъ, котораго я видѣлъ въ Вяткѣ. При этомъ онъ дерзко и грубо уставилъ на меня глаза,—и вдругъ бросился ко мнѣ съ распростертыми объятіями.

Надобно при этомъ вспомнить что послѣ смѣны Тюфяева чиновники, видя мои довольно хорошія отношенія съ новымъ губернаторомъ, начинали меня побаиваться.

Я остановилъ его рукою и спросилъ очень серьезно: Какъ вы могли велѣть чтобъ мнѣ не давали лошадей? что это за вздоръ на большой дорогѣ останавливать проѣзжихъ?

— Да я пошутилъ, помилуйте, — какъ вамъ не

стыдно сердиться! лошадей, вели лошадей, что ты тутъ стоишь, разбойникъ! закричалъ онъ разсыльному.

— Сдѣлайте одолженіе, выкушайте чашку чаю съ ромомъ.

— Покорно благорадю.

— Да нѣтъ-ли у насъ шампанскаго...Онъ бросился къ бутылкамъ—всѣ были пусты.

— Что вы тутъ дѣлаете?

— Слѣдствіе-съ, — вотъ молодчикъ - то топоремъ убилъ отца и сестру родную, изъ-за ссоры, да по ревности.

— Такъ это вы вмѣстѣ и пируете?

Исправникъ замялся. Я взглянулъ на Черемиса, онъ былъ лѣтъ двадцати, ничего свирѣпаго не было въ его лицѣ, совершенно восточномъ, съ узенькими, сверкающими глазами, съ черными волосами.

Всё это вмѣстѣ такъ было гадко, что я вышелъ опять на дворъ. Исправникъ выбѣжалъ вслѣдъ за мной, онъ держалъ въ одной рукѣ рюмку, въ другой бутылку рома и приставалъ ко мнѣ чтобъ я выпилъ.

Чтобы отвязаться отъ него, я выпилъ. Онъ схватилъ меня за руку и сказалъ: Виноватъ, ну виноватъ, что дѣлать! но я надѣюсь, вы не скажете объ этомъ его превосходительству, не погубите благороднаго человѣка. При этомъ исправникъ схватилъ мою руку и поцѣловалъ ее, повторяя десять разъ: ей Богу, не погубите благороднаго человѣка. Я съ отвращеніемъ отдернулъ руку и сказалъ ему: Да ступайте вы къ себѣ, нужно мнѣ очень разсказывать.

— Да чѣмъ-же бы мнѣ услужить вамъ?

— Посмотрите чтобъ поскорѣе закладывали лошадей.

— Живѣй—закричалъ онъ, Айда, Айда! и самъ сталъ подергивать какія-то верёвки и ремешки у упряжи.

Случай этотъ сильно врѣзался въ мою память. Въ 1846 г., когда я былъ въ послѣдній разъ въ Петербургѣ, нужно мнѣ было сходить въ канцелярію министра внутреннихъ дѣлъ, гдѣ я хлопоталъ о насѣ. Пока я толковалъ съ столоначальникомъ, прошелъ какой-то господинъ . . . . . дружески пожимая руку магнатамъ канцеляріи, снисходительно кланяясь столоначальникамъ. Фу, чортъ возьми, подумалъ я, да неужели это онъ!—Кто это?

— Лазаревъ—чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ и въ большой силѣ.

— Былъ онъ въ вятской губерніи исправникомъ?

— Былъ.

— Поздравляю васъ, господа, девять лѣтъ тому назадъ онъ цѣловалъ мнѣ руку.

Перовскій мастеръ выбирать людей!

—

XII.

Начало Владимірской жизни.

—

...Когда я вышелъ садиться въ повозку въ Космодаміанскѣ, сани были заложены по русски, тройка въ рядъ, одна въ корню, двѣ на пристяжкѣ, коренная въ дугѣ весело звонила колокольчикомъ.

Въ Перми и Вяткѣ закладываютъ лошадей гуськомъ, одну передъ другой или двѣ въ рядъ, а третью впереди.

Такъ сердце и стукнуло отъ радости, когда я увидѣлъ нашу упряжъ.—Нутка, нутка покажи намъ свою прыть, сказалъ я молодому парню, лихо сидѣвшему на облучкѣ въ нагольномъ тулупѣ и несгибаемыхъ рукавицахъ, которыя едва ему позволяли настолько сблизить пальцы, чтобъ взять пяти-алтынный изъ моихъ рукъ.

Уважимъ-съ, уважимъ-съ—Эй вы, голубчики!—ну баринъ, сказалъ онъ обращаясь вдругъ ко мнѣ,

ты только держись, тутъ гора, такъ я коней-то пущу. Это былъ крутой съѣздъ къ Волгѣ, по которой шелъ зимній трактъ.

Дѣйствительно коней онъ пустилъ. Сани не ѣхали, а какъ-то цѣликомъ прыгали съ права на лѣво, и съ лѣва на право,—лошади мчали подъ гору, ямщикъ былъ смертельно доволенъ, да, грѣшный человѣкъ, и я самъ—русская натура.

Такъ въѣзжалъ я на почтовыхъ въ 1838 годъ— въ лучшій, въ самый свѣтлый годъ моей жизни. Разскажу вамъ нашу первую встрѣчу съ нимъ.

Верстахъ въ 80 отъ Нижняго, взошли мы, т. е. я и мой камердинеръ Матвѣй, обогрѣться къ станціонному смотрителю. На дворѣ было очень морозно и къ тому-же вѣтрено. Смотритель худой, болѣзненный и жалкой наружности человѣкъ, записывалъ подорожную, самъ себѣ диктуя каждую букву, и всё таки ошибаясь. Я снялъ шубу и ходилъ по комнатѣ въ огромныхъ мѣховыхъ сапогахъ, Матвѣй грѣлся у каленой печи, смотритель бормоталъ, деревянные часы постукивали разбитымъ и слабымъ звукомъ....

— Посмотрите, — сказалъ мнѣ Матвѣй, — скоро двѣнадцать часовъ, вѣдь новый годъ-съ. Я принесу, прибавилъ онъ, полувопросительно глядя на меня, что - нибудь изъ запаса, который намъ въ Вяткѣ поставили, и не дожидаясь отвѣта бросился доставать бутылки и какой-то кулечикъ.

Матвѣй, о которомъ я еще буду говорить въ послѣдствіи, былъ больше нежели слуга; онъ былъ моимъ пріятелемъ, меньшимъ братомъ. Московскій мѣщанинъ отданный къ Зоненбергу съ которымъ

мы тоже познакомимся, на изученіе переплетнаго искуства, въ которомъ впрочемъ Зоненбергъ не былъ особенно свѣдущъ, онъ перешелъ ко мнѣ.

Я зналъ что мой отказъ огорчилъ бы Матвѣя, да и самъ въ сущности ничего не имѣмъ противъ почтоваго праздиества....Новый годъ своего рода станція.

Матвѣй принесъ ветчину и шампанское.

Шампанское оказалось замерзнувшимъ въ густую, ветчину можно было рубить топоромъ, она вся блистала отъ льдинокъ ; но à la guerre, comme à la guerre.

"Съ новымъ годомъ! Съ новымъ счастьемъ!"—въ самомъ дѣлѣ, съ новымъ счастьемъ. Развѣ я не былъ на возвратномъ пути? всякой часъ приближалъ меня къ Москвѣ,—сердце было полно надеждъ.

Мороженое шампанское не то чтобъ слишкомъ нравилось смотрителю, я прибавилъ ему въ вино полстакана рома. Это новое half and half имѣло большой успѣхъ.

Ямщикъ, котораго я тоже пригласилъ, былъ еще радикальнѣе, онъ насыпалъ перцу въ стаканъ пѣннаго вина, размѣшалъ ложкой, выпилъ разомъ, болѣзненно вздохнулъ, и нѣсколько со стономъ прибавилъ : "славно огорчило"!

Смотритель самъ усадилъ меня въ сани и такъ усердно хлопоталъ, что уронилъ въ сѣно зажженную свѣчу и не могъ ее потомъ найти. Онъ былъ очень въ духѣ и повторялъ : "Вотъ и меня вы сдѣлали съ новымъ годомъ — вотъ и съ новымъ годомъ"! —

"Огорченный" ямщикъ тронулъ лошадей .....

На другой день часовъ въ восемь вечера пріѣхалъ

я во Владиміръ и остановился въ гостинницѣ чрезвычайно вѣрно описанной въ "Тарантасѣ" съ своей курицей "съ рысью", хлѣбеннымъ — патише и съ уксусомъ вмѣсто бордо.

— Васъ спрашивалъ какой-то человѣкъ сегодня утромъ, онъ ни какъ дожидается въ полпивной, — сказалъ мнѣ, прочитавъ въ подорожной мое имя, половой, съ тѣмъ ухорскимъ проборомъ и отчаяннымъ вискомъ, которымъ отличались прежде одни русскіе половые, а теперь половые и Людвигъ Наполеонъ.

Я не могъ понять кто бы это могъ быть.

— Да вотъ и они-съ—прибавилъ половой, сторонясь. Но явился сначала не человѣкъ, а страшной величины подносъ, на которомъ было много всякаго добра: куличъ и баранки, апельсины и яблоки, яйца, миндаль, изюмъ....а за подносомъ виднѣлась сѣдая борода и голубые глаза старосты изъ владимірской деревни моего отца.

— Гаврило Семеньичъ!—вскрикнулъ я и бросился его обнимать. Это былъ первый человѣкъ изъ нашихъ, изъ прежней жизни, котораго я встрѣтилъ послѣ тюрьмы и ссылки. Я не могъ насмотрѣться на умнаго старика и наговориться съ нимъ. Онъ былъ для меня представителемъ близости къ Москвѣ, къ дому, къ друзьямъ, онъ три дня тому назадъ всѣхъ видѣлъ, ото всѣхъ привезъ поклоны...Стало, не такъ-то далеко!

..... Новый отдѣлъ жизни начался для меня съ Владиміра ..... отдѣлъ чистый, ясный, молодой, серьезный, отшельническій и проникнутый любовью.

Но онъ принадлежитъ къ другой части — къ той,

за которую я боюсь приняться, которую описывать у меня врядъ достанетъ ли силъ.

Страшныя событія, жгучее горе — всё-же легче кладутся на бумагу, нежели воспоминанія совершенно свѣтлыя, безоблачныя.—Будто можно разсказывать счастіе!

Не ждите отъ меня длинныхъ повѣствованій о внутренней жизни того времени. Есть предметы, о которыхъ я никому не говорилъ, никогда не говорилъ, не потому что они тайны, а по какой-то застѣнчивости сердца, по ихъ слишкомъ глубокой и тѣсной связи со всѣмъ бытіемъ, по ихъ нѣжному, волосеному развѣтвленію по всему существу.

Дополните сами чего не достаетъ — догадайтесь сердцемъ, а я буду говорить о наружной сторонѣ, объ обстановкѣ—рѣдко, рѣдко касаясь намекомъ или словомъ заповѣдныхъ тайнъ своихъ.

—



ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

А. ПОЛЕЖАЕВЪ И СУНГУРОВСКОЕ ДѢЛО.

—

Въ дополненіе нашего дѣла и исторіи Соколовскаго я передамъ нѣсколько подробностей о дѣлѣ, предшествовавшемъ нашему, въ московскомъ университетѣ и исторію бѣднаго А. Полежаева.

Съ нея мы и начнемъ. Я слышалъ ее, отъ самого поэта, и не разъ.

Полежаевъ студентомъ въ университетѣ былъ уже извѣстенъ своими превосходными стихотвореніями. Между прочимъ написалъ онъ юмористическую поэму "Сашка", пародируя Онѣгина. Въ ней, не стѣсняя себя приличіями, шутливымъ тономъ и очень милыми стихами задѣлъ онъ многое, но за это бы ему не досталось.

Развратъ у насъ покровительствуютъ. Бибиковъ поощрялъ въ Кіевскомъ университетѣ студентовъ къ распутной жизни—по австрійской методѣ заморенія душъ.

Полежаевъ въ своихъ стихахъ не разъ задѣвалъ и власть царскую, это не могло сойти съ рукъ.

Осенью 1826 года Николай повѣсивъ Пестеля, Муравьева и ихъ друзей, праздновалъ въ Москвѣ свою коронацію. Для другихъ эти торжества бываютъ поводомъ амнистій и прощеній; Николай отпраздновавши свою апотеозу, снова пошелъ "разить враговъ отечества", какъ Робеспьеръ послѣ своего Fête-Dieu.

Тайная полиція доставила ему поэму Полежаева...

И вотъ въ одну ночь, часа въ три, ректоръ будитъ Полежаева, велитъ одѣться въ мундиръ и сойти въ правленіе. Тамъ его ждетъ попечитель. Осмотрѣвъ всѣ-ли пуговицы на его мундирѣ и нѣтъ-ли лишнихъ, онъ безъ всякаго объясненія пригласилъ Полежаева въ свою карету и увезъ.

Привезъ онъ его къ министру народнаго просвѣщенія. Министръ сажаетъ Полежаева въ свою карету и тоже везетъ—но, на этотъ разъ, ужъ прямо къ государю.

Князь Ливенъ оставилъ Полежаева въ залѣ—гдѣ дожидались нѣсколько придворныхъ и другихъ высшихъ чиновниковъ, не смотря на то что былъ шестой часъ утра—и пошелъ во внутреннія комнаты. Придворные вообразили себѣ, что молодой человѣкъ чѣмъ-нибудь отличился и тотчасъ вступили съ нимъ въ разговоръ. Какой-то сенаторъ предложилъ ему давать уроки сыну.

Полежаева позвали въ кабинетъ. Государь стоялъ опершись на бюро и говорилъ съ Ливеномъ. Онъ

бросилъ на взошедшаго испытующій и злой взглядъ, въ рукѣ у него была тетрадь.

—Ты-ли—спросилъ онъ, сочинилъ эти стихи?

—Я—отвѣчалъ Полежаевъ.

—Вотъ князь—продолжалъ государь, вотъ я вамъ дамъ образчикъ университетскаго воспитанія, я вамъ покажу, чему учаться тамъ молодые люди. Читай эту тетрадь вслухъ прибавилъ онъ, обращаясь снова къ Полежаеву.

Волненіе Полежаева было такъ сильно, что онъ не могъ читать. Взглядъ Николая неподвижно остановился на немъ. Я знаю этотъ взглядъ, и ни одного не знаю страшнѣе, безнадежнѣе этого сѣро-безцвѣтнаго, холоднаго, оловяннаго взгляда.

—Я не могу, сказалъ Полежаевъ.

—Читай! закричалъ высочайшій фельдфебель.

Этотъ крикъ воротилъ силу Полежаеву онъ развернулъ тетрадь—никогда—говорилъ онъ, я невидывалъ Сашку такъ переписаннаго и на такой славной бумагѣ.

Сначала ему было трудно читать, потомъ, одушевляясь болѣе и болѣе, онъ громко и живо дочиталъ поэму до конца. Въ мѣстахъ особенно рѣзкихъ государь дѣлалъ знакъ рукой министру. Министръ закрывалъ глаза отъ ужаса.

Что скажете? спросилъ Николай по окончаніи чтенія. Я положу предѣлъ этому разврату, это все еще слѣды, послѣдніе остатки, я ихъ искореню. Какого онъ поведѣнія?

Министръ, разумѣется, не зналъ его поведенія, но въ немъ проснулось что-то человѣческое, и онъ сказалъ: Превосходнѣйшаго поведенія, в. в.

—Этотъ отзывъ тебя спасъ, но наказать тебя надобно, для примѣра другимъ. Хочешь въ военную службу?

Полежаевъ молчалъ.

—Я тебѣ даю военной службой средство очиститься.—Что-же, хочешь?

—Я долженъ повиноваться, отвѣчалъ Полежаевъ.

Государь подошелъ къ нему, положилъ руку на плечо и сказавъ: Отъ тебя зависитъ твоя судьба; если я забуду, ты можешь мнѣ писать—поцѣловалъ его въ лобъ.

Я десять разъ заставлялъ Полежаева повторять разсказъ о поцѣлуѣ, такъ онъ мнѣ казался невѣроятнымъ. Полежаевъ клялся, что это правда.

Отъ государя Полежаева свели къ Дибичу, который жилъ тутъ-же, во дворцѣ. Дибичъ спалъ, его разбудили, онъ вышелъ зѣвая и, прочитавъ бумагу, спросилъ флигель-адъютанта: Это онъ?—Онъ, в. с. Что-же! доброе дѣло, послужите въ военной,—я все въ военной службѣ былъ—видите, дослужился, и вы, можетъ, будете фельдмаршаломъ.—Эта неумѣстная, тупая, нѣмецкая шутка была поцѣлуемъ Дибича. Полежаева свезли въ лагерь и отдали въ солдаты.

Прошли года три, Полежаевъ вспомнилъ слова государя и написалъ ему письмо. Отвѣта не было. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ написалъ другое— тоже нѣтъ отвѣта. Увѣренный что его письма не доходятъ, онъ бѣжалъ и-бѣжалъ для того, чтобъ лично подать просьбу. Онъ велъ себя неосторожно; видѣлся въ Москвѣ съ товарищами, былъ ими угощаемъ; разумѣется, это не могло остаться въ тайнѣ.

Въ Твери его схватили и отправили въ полкъ какъ бѣглаго солдата, въ цѣпяхъ, пѣшкомъ. Военный судъ приговорилъ его прогнать сквозь строй; приговоръ послали къ государю на утвержденіе.

Полежаевъ хотѣлъ лишить себя жизни передъ наказаніемъ. Долго отыскивая въ тюрьмѣ какое-нибудь острое орудіе, онъ довѣрился старому солдату, который его любилъ. Солдатъ понялъ его и оцѣнилъ его желаніе. Когда старикъ узналъ, что отвѣтъ пришелъ, онъ принесъ ему штыкъ и отдавая сказалъ сквозь слезы: Я самъ отточилъ его.

Государь не велѣлъ наказывать Полежаева.

Тогда-то написалъ онъ свое превосходное стихотвореніе:

Безъ утѣшенія
Я погибалъ,
Мой злобный геній
Торжествовалъ.....

Полежаева отправили на Кавказъ; тамъ онъ былъ произведенъ за отличіе въ унтеръ-офицеры. Годы шли и шли; безвыходное, скучное положеніе сломило его; сдѣлаться полицейскимъ поэтомъ и пѣть доблести Николая онъ не могъ, а это былъ единственный путь отдѣлаться отъ ранца.

Былъ впрочемъ еще другой и онъ предпочелъ его: онъ пилъ для того чтобъ забыться. Есть страшное стихотвореніе его "Къ сивухѣ".

Онъ перепросился въ карабинерный полкъ стоявшій въ Москвѣ. Это значительно улучшило его судьбу, но уже злая чахотка разъѣдала его грудь. Въ это время я познакомился съ нимъ, около 1833 года.

Помаялся онъ еще года четыре и умеръ въ солдатской больницѣ.

Когда одинъ изъ друзей его явился просить тѣло для погребенія, никто не зналъ гдѣ оно ; солдатская больница торгуетъ трупами, она ихъ продаетъ въ университетъ, въ медицинскую академію, вывариваетъ скелеты и пр. Наконецъ онъ нашелъ въ подвалѣ трупъ бѣднаго Полежаева, онъ валялся подъ другими, крысы объѣли ему одну ногу.

Послѣ его смерти издали его сочиненія и при нихъ хотѣли приложить его портретъ въ солдатской шинели. Цензура нашла это не приличнымъ и бѣдный страдалецъ представленъ въ офицерскихъ эполетахъ — онъ былъ произведенъ въ больницѣ. (*)

Въ 1827 г. были схвачены въ университетѣ братья Критскіе. Они какъ-то изчезли. Никто порядкомъ не зналъ что они сдѣлали и что съ ними сдѣлали.

Послѣдняя fournée изъ московскаго университета говоря словомъ 94 года, предшествовавшая намъ, отправилась въ солдаты и на поселенье въ 1833 году. Въ числѣ ихъ я зналъ Костенецкаго, Корлейфа, Антоновича. Всѣ они были чистые, благородные юноши. Мнѣ особенно въ памяти остался Юліусъ Колрейфъ, сынъ лютеранскаго пастора въ Москвѣ; онъ былъ необыкновенно даровитый музыкантъ и превосхо-

(*) Издать непапечатанныя стихотворенія Пушкина, Лермонтова, Полежаева, Рылѣева, и др, одно изъ нашихъ самыхъ горячихъ желаніи. Мы думаемъ даже обратиться съ просьбой доставить намъ рукописи, къ рускому правительству или духовенству — отъ свѣтскихъ литераторовъ, журналистовъ и прогрессистовъ не дождешься.... (1854)

дный товарищъ. Въ немъ сохранилась вся наивность и простота германскихъ юношей, но освобожденныя русскимъ обществомъ отъ пошлости и мелкости нѣменкихъ нравовъ. Слабый здоровьемъ, нѣжный и кроткій, онъ погибъ отъ семилѣтней службы солдатомъ. Полежаевъ за чахотку былъ произведенъ въ офицеры, Колрейфъ за чахотку прощенъ. Онъ возвратился въ Москву, для того чтобъ умереть на рукахъ отца.

Ихъ судили также какъ насъ, особой коммиссіей. Правительство такъ увѣрено въ негодности обыкновенныхъ судовъ, что всякой разъ когда случится что-нибудь особенное, назначаетъ комиссію, которая судитъ по неизвѣстнымъ инструкціямъ и придумываетъ наказанія не по своду, а такъ—по вдохновенію.

Послѣ неполинскаго заговора обхватившаго все прекрасное, юное, сильное въ Россіи, все славное талантомъ, храбростью, рожденіемъ, всѣ послѣдующія попытки соединеній оказывались безуспѣшными, ограничивались малымъ кругомъ людей и гибли прежде всякаго обнаруженія ;— внутренняя работа поглощала непосредственную политическую дѣятельность.

По въ виду всѣхъ притѣсненій и всѣхъ мѣръ правительства, въ виду сотней Поляковъ шедшихъ въ Сибирь, въ виду крѣпостнаго состоянія и солдатъ засѣкаемыхъ до смерти, не могли не возвращаться—особенно между юношами — постоянныя попытки, страстныя усилія составлять общества, заговоры и вслѣдствіе того, точно также періодически возвращающіяся ссылки въ Сибирь, въ солдаты, на Кавказъ, и

это рядомъ съ упорной работой мысли, разъясняющей себѣ сфинксовскую задачу русской жизни и нисколько не мѣшая труду.

Сунгурова я не зналъ. Его наказали больше всѣхъ. Окончивши прежде курсъ въ университетѣ, онъ былъ на службѣ, женатый человѣкъ и московскій помѣщикъ. Его нашли главнымъ виновнымъ и приговорили къ поселенію.

Пришедши въ первой этапъ на Воробьевыхъ горахъ, Сунгуровъ попросилъ у офицера позволеніе выйти на воздухъ изъ душной избы, биткомъ набитой ссыльными. Офицеръ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати, вышелъ самъ съ нимъ на дорогу. Сунгуровъ, избравъ удобную минуту, свернулъ съ дороги и пустился бѣжать. Вѣроятно онъ очень хорошо зналъ мѣстность, ему удалось уйти отъ офицера, но на другой день жандармы попали на его слѣдъ. Когда Сунгуровъ увидѣлъ, что ему нельзя спастись, онъ перерѣзалъ себѣ горло. Жандармы привезли его въ Москву безъ памяти и исходящаго кровью.

Несчастный офицеръ былъ разжалованъ въ солдаты.

Сунгуровъ не умеръ. Его снова судили; но уже не какъ политическаго преступника, а какъ бѣглаго поселыцика, ему обрили полъ-головы. Мѣра оригинальная и вѣроятно унаслѣдованная отъ Татаръ, употребляемая въ предупрежденіе побѣговъ и показывающая больше тѣлесныхъ наказаній всю мѣру презрѣнія къ человѣческому достоинству со стороны русскаго законодательства. Къ этому внѣшнему сраму сентенція прибавила одинъ ударъ

плетьми въ стѣнахъ острога—новое униженіе, еще гнусность. Послѣ всего этого Сунгуровъ былъ отправленъ въ Сибирь.

Имя его еще разъ прозвучало для меня, и потомъ совсѣмъ изчезло.

Въ Вяткѣ встрѣтилъ я разъ на улицѣ молодого лекаря, товарища по университету, ѣхавшаго куда-то на заводы. Мы разговорились о былыхъ временахъ, объ общихъ знакомыхъ.

— Боже мой — сказалъ лекарь, знаете-ли кого я видѣлъ ѣхавши сюда? Въ нижегородской губерніи сижу я на почтовой станціи и жду лошадей. Погода была прескверная. Взошелъ этапной офицеръ, привезшій партію арестантовъ, пообогрѣться. Мы съ нимъ разговорились; услышавъ, что я лекарь, онъ попросилъ меня дойти до этапа взглянуть на одного больнаго изъ пересыльныхъ, притворяется что-ли онъ или вправду крѣпко боленъ. Я пошелъ, разумѣется, съ намѣреніемъ во всякомъ случаѣ подтвердить болѣзнь колодника. Въ небольшомъ этапѣ было человѣкъ восемдесять народу въ цѣпяхъ, бритыхъ и небритыхъ, женщинъ, дѣтей; всѣ они разступились передъ офицеромъ и мы увидѣли на грязномъ полу, въ углу на соломѣ, какую-то фигуру завернутую въ кафтанъ ссыльнаго.

— Вотъ больной — сказалъ офицеръ. Лгать мнѣ не пришлось. Несчастный былъ въ сильнѣйшей горячкѣ; исхудалый и изнеможденный отъ тюрьмы и дороги, полуобритый и съ бородой, онъ былъ страшенъ — безмысленно водилъ глазами и безпрестанно просилъ пить.

— Что братъ, плохо? — сказалъ я больному, и прибавилъ офицеру: идти ему невозможно.

Больной уставилъ на меня глаза и пробормоталъ: это вы? — Онъ назвалъ меня.—Вы меня не узнаете, прибавилъ онъ голосомъ, который ножемъ провелъ по сердцу.

— Извините меня—сказалъ я ему взявъ его сухую и калённую руку — не могу припомнить.....

— Я Сунгуровъ — отвѣчалъ онъ. — Бѣдный Сунгуровъ! повторилъ лекарь, качая головой.

— Что-же, его оставили? — спросилъ я.

— Нѣтъ, однако дали телегу.

—

II.

Цихановичъ.

—

Перечитывая воспоминанія о пермской жизни, мнѣ стало жаль что я не помянулъ одного человѣка съ которымъ встрѣча очень короткая оставила чуть ли не единственный теплый слѣдъ, нѣсколькихъ недѣль проведенныхъ близъ уральскаго хребта. Я говорю объ одномъ изъ сосланныхъ Поляковъ—Цихановичѣ. Сосланъ онъ былъ по дѣлу эмиссаровъ, по которому былъ растрелянъ Воловичъ. Человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, онъ былъ, не отъ природы, а отъ жизни задумчивъ и тихъ—какъ бываютъ крѣпкіе люди перешедшіе въ несчастіи ту черту до которой еще хочется жаловаться на судьбу, онъ не примирился съ ней—но успокоился и оттого былъ силенъ.

Когда губернаторъ Селастенникъ мнѣ запретивъ знакомство съ Поляками сосланными въ Пермь—далъ мнѣ случай въ своей пріемной съ ними по-

знакомится, одинъ ксендзъ пригласилъ меня къ себѣ; у него я засталъ нѣсколько человѣкъ его соотечественниковъ и въ томъ числѣ Цихановича. Молча курилъ онъ небольшую трубку, не сказалъ мнѣ ни одного слова, онъ сильно подѣйствовалъ на меня своей наружностью. Онъ былъ сутуловатъ, даже кривобокъ, лицо его принадлежало къ тому неправильному польско-литовскому типу, который удивляетъ сначала и привязываетъ потомъ; такія черты были у величайшаго изъ Поляковъ, у Ѳаддея Костюшки. Одежда Цихановича свидѣтельствовала о страшной бѣдности.

Спустя нѣсколько дней я гулялъ по пустынному бульвару, которымъ оканчивается въ одну сторону Пермь—это было во вторую половину мая, молодой листъ развертывался, березы цвѣли (помнится вся аллея была березовая)—и никѣмъ никого. Провинціалы наши не любятъ платоническихъ гуляній. Долго бродя я увидѣлъ наконецъ по другую сторону бульвара т. е. на полѣ, какого то человѣка герборизировавшаго или просто рвавшаго однообразные и скудные цвѣты того края. Когда онъ поднялъ голову, я узналъ Цихановича и подошелъ къ нему.

Въ послѣдствіи я много видѣлъ мучениковъ польскаго дѣла, Чети-Минеи польской борьбы чрезвычайно богаты — Цихановичь былъ первый. Когда онъ мнѣ разсказалъ какъ ихъ преслѣдовали заплечные мастера въ генералъ - адъютантскихъ мундирахъ, эти кулаки—которыми дрался разсвирѣпелый деспотъ зимняго дворца — какъ жалки

показались мнѣ тогда наши невзгоды, наша тюрьма и наше слѣдствіе.

Въ Вильнѣ былъ въ то время начальникомъ— со стороны побѣдоноснаго непріятеля, тотъ знаменитый ренегатъ Муравьевъ — который обезсмертилъ себя историческимъ изрѣченіемъ "что онъ принадлежитъ не къ тѣмъ Муравьевымъ которыхъ вѣшаютъ, а къ тѣмъ которые вѣшаютъ" Для узкаго мстительнаго взгляда Николая—люди раздражительнаго властолюбія и грубой безпощадности были всего пригоднѣе, по крайней мѣрѣ всего симпатичнѣе. Его дружба съ Клейнмихелемъ также ясно доказываетъ это, какъ назначеніе такихъ генералъ - губернаторовъ какъ Муравьевъ и Бибиковъ и въ послѣдствіи какъ Кокошкинъ и Закревскій. Бибиковъ не отсталъ отъ Муравьева и онъ оставилъ свое историческое изрѣченіе. Разъ въ Кіевѣ, Бибиковъ подошедши къ окну увидѣлъ дорожный экипажъ какого то польскаго пана ѣхавшаго на контракты; карета была заложена четверкой добрыхъ коней. Не удерживая тогда свой революціонный гнѣвъ, Бибиковъ сказалъ "А, еще паны у насъ разъѣзжаютъ на четырехъ лошадяхъ, ихъ надобно довести до того чтобъ четверо тащились на одной лошади!" Коммунистъ! Пугачевъ!

Генералы сидѣвшіе въ застѣнкѣ и мучившіе эмисаровъ, ихъ знакомыхъ, знакомыхъ ихъ знакомыхъ, обращались съ арестантами, какъ мерзавцы лишенные всякаго воспитанія, всякаго чувства деликатности и притомъ очень хорошо знавшіе что всѣ ихъ дѣйствія покрыты солдатской шинелью Ни-

колая, облитой и польской кровью мучениковъ и слезами польскихъ матерей.....Еще эта "страстная недѣля" цѣлаго народа ждетъ своего Луки или Матоія...Но пусть они это знаютъ:—одинъ палачь за другимъ будетъ выведенъ къ позорному столбу исторіи и оставитъ тамъ свое имя. Это будетъ потретная галлерея Николаевскаго времени въ pendant галлереи полководцевъ 1812.

Муравьевъ говорилъ арестантамъ "ты" и ругался площадными словами. Разъ онъ до того разъярился что подошелъ къ Цихановичу и хотѣлъ его взять за грудь, а можетъ и ударить; при этомъ онъ встрѣтилъ взглядъ скованнаго арестанта—сконфузился и продолжалъ другимъ тономъ.

Я догадывался каковъ долженъ былъ быть этотъ взглядъ; расказывая мнѣ года черезъ три послѣ событія эту исторію, глаза Цихановича горѣли и жилы налились у него на лбу и на перекошеной шеѣ его.

—Чтоже бы вы сдѣлали въ цѣпяхъ?

—Я разорвалъ бы его зубами, я черепомъ, я цѣпями избилъ бы его сказалъ онъ дрожа.

Цихановичь сначала былъ сосланъ въ Верхотурье, одинъ изъ дальнѣйшихъ городовъ Пермской губерніи, потерянный въ уральскихъ горахъ занесенный снѣгомъ и такъ стоящій внѣ всякихъ дорогъ, что зимой почти нѣтъ никакого сообщенія. Разумѣется что жить въ Верхотурье хуже нежели въ Омскѣ или Красноярскѣ. Совершенно одинокій Цихановичь занимался тамъ естественными науками, собиралъ скудную флору уральскихъ горъ

и наконецъ получилъ дозволеніе перебраться въ Пермь; и это уже для него было улучшеніе, снова услышалъ онъ звуки своего языка, встрѣтился съ товарищами по несчастью. Жена его оставшаяся въ Литвѣ, писала къ нему что она отправится къ нему пѣшкомъ изъ Виленской губерніи..... Онъ ждалъ ее.

Когда меня перевели такъ неожиданно въ Вятку я пошелъ проститься съ Цихановичемъ. Небольшая комната въ которой онъ жилъ, была почти совсѣмъ пуста; небольшой, старый чемоданчикъ стоялъ возлѣ скудной постѣли, деревянный столъ и одинъ стулъ составляли всю мебель — на меня нахнуло моей крутицкой кельей. При этомъ надобно вспомнить что въ Перми за сто цѣлковыхъ въ годъ можно было въ мое время нанять отдѣльный домикъ съ мебелью.

Вѣсть о моемъ отъѣздѣ, огорчила его, но онъ такъ привыкъ къ лишеніямъ что черезъ минуту почти свѣтло улыбнувшись сказалъ мнѣ: "Вотъ за то то я и люблю природу ее никакъ не отнимешь, гдѣ бы человѣкъ ни былъ".

Мнѣ хотѣлось оставить ему что нибудь на память я снялъ небольшую запонку съ рубашки и просилъ его принять ее.

— Къ моей рубашкѣ она не идетъ, сказалъ онъ мнѣ, но запонку вашу я схороню до конца жизни наряжусь въ нее на своихъ похоронахъ.

Потомъ онъ задумался, и вдругъ быстро началъ рыться въ чемоданѣ. Досталъ небольшой мѣшечикъ вынулъ изъ него желѣзную цѣпочку сдѣланную

особымъ образомъ, оторвалъ отъ нее нѣсколько звѣньевъ и подалъ мнѣ съ словами—Цѣпочка эта мнѣ очень дорога, съ ней связаны святѣйшія воспоминанія инаго времени—все я вамъ не дамъ, а возмите эти кольцы. Не думалъ я что изгнанникъ изъ Литвы, я подарю ихъ русскому изгнаннику.

Я обнялъ его и простился.—Когда вы ѣдите? Спросилъ онъ—Завтра утромъ, но я васъ не зову, у меня уже на квартирѣ ждетъ безсмѣнно жандармъ.

И такъ добрый путь вамъ, будьте счастливѣе меня.

На другой день съ девяти часовъ утра Полицмейстеръ былъ уже на лицо въ моей квартирѣ и торопилъ меня. Пермской жандармъ гораздо болѣе ручной нежели крутицкій, не скрывая радости которую ему доставляла надежда что онъ будетъ 350 верстъ пьянъ, работалъ около коляски. Все было готово; я нечаянно взглянулъ на улицу идетъ мимо Цехановичь — я бросился къ окну. "Ну слава Богу" сказалъ онъ "я вотъ четвертый разъ прохожу, чтобъ проститься съ вами, хоть издали, но вы все не видали".

Глазами полными слезъ поблагодарилъ я его. Это нѣжное, женское вниманіе глубоко тронуло меня; безъ этой встрѣчи мнѣ нечего было бы и пожалѣть въ Перми!

(1858.)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

—

UNIVERSAL PRINTING ESTABLISHMENT:
Zeno Swietoslawski, 178-179, High Holborn.—London.


№ 2882/10688
ЦЕНА 45
21/VI 45


2007097097